
ЭЛЛЕРИ КВИН
ТАЙНА ЕГИПЕТСКОГО КРЕСТА
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ

Тайна египетского креста

Эллери Куин

Аннотация
Куин Эллери. Тайна египетского креста.
УБИЙСТВО ИЗ МЕСТИ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РАСПЯТЫЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ
Глава 1. Рождество в Арройо
Глава 2. Новый год в Вейртоне
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАСПЯТЫЙ МИЛЛИОНЕР
Глава 3. Профессор Ярдли
Глава 4. Брэдвуд
Глава 5. Дела личного порядка
Глава 6. Игральные шашки и курительные трубки
Глава 7. Фокс
Глава 8. Ойстер-Айленд
Глава 9. Залог в сто долларов
Глава 10. Приключения доктора Тэмпля
Глава 11. Ну и дела!
Глава 12. Беседы с профессором
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАСПЯТЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН
Глава 13. Секрет Нептуна

Глава 14. Ключ из слоновой кости
Глава 15. Лазарь
Глава 16. Посланники
Глава 17. Старый житель гор
Глава 18. Фокс заговорил
Глава 19. Т
Глава 20. Два треугольника
Глава 21. Ссора возлюбленных
Глава 22. Иностранная корреспонденция
Глава 23. «Военный совет»
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РАСПЯТЫЙ МЕРТВЕЦ
Глава 24. Снова Т
Глава 25. Хромой человек
Глава 26. Эллери размышляет вслух
Глава 27. Ошибка
Глава 28. Дважды мертвец
Глава 29. Вопрос географии
Глава 30. Эллери снова размышляет вслух

Аннотация

Эллери Куин считал, что повидал на своем веку немало трупов, но в данном случае он узнал нечто новое.

На этот раз не убийца, а жертва поплатилась головой, и обезглавленное тело было прибито к замысловатому кресту…

Когда Эллери столкнулся с первым убийством, он был озадачен, после второго задумался, а после третьего утвердился во мнении, что в безумии убийцы есть смысл. Впервые в своей карьере ему довелось встретиться с изощренным преступлением…

Куин Эллери
Тайна египетского креста
УБИЙСТВО ИЗ МЕСТИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭЛЛЕРИ КУИН — энергичный, дотошный следователь, считающий, что его логика способна решить любую задачу, и столкнувшийся с проблемой выяснения смысла Т-загадки.

ЭНДРЮ ВАН — добропорядочный одинокий школьный учитель, тихо живущий в Арройо и избегающий всякого общества.

СТАРЫЙ ПИТЕР — странный дикий житель гор, из любви к безопасности обитающий за колючей проволокой.

ХАРАШТ — бородатый Пророк страждущих и немощных, ведущий толпу учеников к исцелению, торгующий «эликсиром молодости», весьма сомнительным зельем.

ВЕЛИЯ КРОЗАК — маньяк-убийца, подозреваемый номер один; появляется при каждом преступлении.

ПРОФЕССОР ЯРДЛИ — старый профессор, наставник Эллери, участвующий в следствии, неожиданно для себя получивший несколько наглядных уроков от своего блистательного ученика.

МАРГАРЕТ БРЭД — прекрасно сложенная блондинка, смелая, но не сумевшая ничего сообщить

о своем муже, она гораздо больше озабочена собственным будущим, чем прошлым.

ХЕЛЕН БРЭД — очаровательная дочь Маргарет, сопровождаемая двумя поклонниками на суше и на море до тех пор, пока оба не подали сигнала SOS.

ДЖОН ЛИНКОЛЬН — представитель Новой Англии, увивающийся за Хелен, его манят ее деньги и он мог бы получить и то и другое, если бы его хозяева не потеряли голову.

ПОЛ РОМЕЙН — загорелый, мускулистый Адонис, питающий слабость к женщинам, однако полицию больше заинтересовали его связи с мужчинами.

ЭСТЕР ЛИНКОЛЬН — сестра Джона, с бледным лицом и приятной фигуркой, сбросившая одежды при переезде из Брэдвуда в нудистскую колонию на острове; подозревается в убийстве.

ВИКТОР ТЭМПЛЬ — военный врач на пенсии, днем спасший свою возлюбленную, а вечером подслушивавший чужой разговор у открытого окна.

СТИВЕН МЕГАРА — любитель путешествий, владелец яхты, не желавший раскрывать свое прошлое из боязни, что это сократит его будущее.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть одна маленькая тайна, связанная с большой «Тайной Египетского креста» и имеющая некоторое касательство ко всей истории. Это «Тайна заглавия». На сию тайну обратил мое внимание сам автор, мой друг Эллери Куин, в записке, приложенной к манускрипту, который он, в силу срочности, отправил из Италии телеграфом.

В записке, помимо прочего, было: «Черт возьми, Дж. Дж.! Это не расхожая фраза о преступлении египетского толка. Никаких пирамид, никаких гробниц и мумий, драгоценных реликвий в пыли музеев, никакой египтологии. Почему же тогда „Тайна Египетского креста“, спросите вы. Что ж, справедливо. Название несколько провокационно и даже меня гипнотизирует. Но никакой египетской специфики! В этом-то и прелесть. Прочтите — и поймете».

«Тайна Египетского креста» — типичная Эллериана, которая, как известно поклонникам Эллери, всегда интересна и захватывающа.

Расследование невероятных убийств было

одним из последних дел моего друга. Пятое дело Эллери Куина, подробно представленное читательской публике в неторопливой, описательной манере, затрагивает необыкновенные события, среди прочего — и древний религиозный фанатизм, и нудистская колония, и морские странствия путешественника-яхтсмена, и вендетта, и мститель из Центральной Европы, и сумасшедший «Воплощенный Бог» времен египетских фараонов… В общем, это квинтэссенция невообразимых и фантастических событий, на деле оказавшихся фоном одного из самых жестоких и ужасающих преступлений, когда-либо зарегистрированных в анналах современной полиции.

Если вы будете сожалеть об отсутствии старого «охотника за преступниками» инспектора Ричарда Куина — я всегда говорил Эллери, что он недооценивает своего отца, — спешу вас обрадовать: он появится. Однако в «Тайне Египетского креста» Эллери выступает соло. Причина — география следствия. Я посоветовал издателю приложить атлас к повествованию или хотя бы поместить на первой странице карту Соединенных Штатов. Все началось в Западной Виргинии…

Но я слишком увлекся. Это история Эллери,

пусть он сам ее и рассказывает.

Руе, Нью-Йорк, август 1932 года
Дж. Дж. Мк-К.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАСПЯТЫЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Практические знания по психиатрии оказали мне неоценимую помощи в профессии криминалиста.

Ян Таркот

Глава 1
Рождество в Арройо

Все началось в Западной Виргинии, в миле от маленького селеньица Арройо, на пересечении двух дорог, одна из которых, главная, вела из Нью-Камберленда в Пагтаун, другая, боковая, ответвлялась к тому самому селеньицу.

Как сразу понял Эллери Куин, география играла тут не последнюю роль. С первого взгляда заметил он и многое другое. Единственное, что смущало его, — полное отсутствие улик. Необходимо было все серьезно обдумать.

Вопрос, каким образом Эллери Куин оказался на своем стареньком гоночном автомобиле на Дороге, ведущей в Западную Виргинию, в два часа пополудни холодным декабрьским днем, нуждается в пояснении. Этому невероятному происшествию сопутствовало множество причин. Одной и, пожалуй, основной был отпуск шофера, разрешенный самим инспектором Куином, отцом Эллери. Во-вторых, Куин-старший был приглашен на нечто вроде конгресса полицейских дела о соблюдении законов в Чикаго были

из рук вон плохи, и шеф полицейского управления созвал офицеров полиции из центральных городов обсудить криминогенную обстановку.

Как раз в то время, когда инспектор добирался из своего особняка в Чикагское управление полиции, Эллери, сопровождавший его, погрузился в загадочное преступление вблизи Арройо, преступление, которое американская пресса называла впоследствии «Т-убийством». Многие факты, упоминаемые в газетах, заинтересовали Эллери, например, то, что Эндрю Ван был обезглавлен и распят рождественским утром! Этот и другие не менее впечатляющие факты заставили его отвлечь отца от чикагских прокуренных залов, где шли заседания конгресса, и, усадив в подержанный гоночный «дюсенберг», помчаться на запад.

Инспектор, будучи отзывчивым родителем, по достоинству оценил тонкий юмор отпрыска, но всю дорогу от Чикаго через Толедо, Сандаски, через Кливленд, Равенну, Лисбон, через Иллинойс и Огайо и вплоть до самого их приезда в Честер, Западная Виргиния, хранил сердитое молчание, прерываемое лишь монологами Эллери и ревом «дюсенберга».

Они проскочили через Арройо, даже не рас-

смотрев это Богом и людьми забытое местечко с двумя сотнями живых душ. И… вот он, перекресток. Промелькнула окраина Арройо, дорога вела в Камберленд — Пагтаун.

Столб-указатель был повернут к выезду из Арройо: одна стрелка указателя показывала на северо-запад, к Пагтауну, другая — на юго-восток, к Нью-Камберленду…

Инспектор заговорил;

— Ну-ну. Идиотничаешь? Привез меня зачем-то черт-те куда… Еще одно дурацкое убийство… Я не собираюсь…

Эллери выключил зажигание и вылез из автомобиля.

Дорога была безлюдной. Вдали виднелись горы Западной Виргинии, казалось, упирающиеся в небо. Земля под ногами была бугристой и замерзшей. Холодный ветер раздувал полы пальто Эллери. Он стоял перед столбом-указателем, на котором, как сообщалось в газетах, и был распят одинокий школьный учитель из Арройо.

Столб, некогда белый, а теперь темно-серый от времени, местами покрытый грязью, возвышался на шесть футов, и его верхушка приходилась на уровень головы Эллери, а оба указателя были широкими и длинными, и издалека сооружение

напоминало гигантскую букву Т, И Эллери понял, почему в газетах убийство было названо «Т-убийством». Во-первых, Т-образный столб, во-вторых, Т-образный перекресток, где он стоял, и, наконец, таинственное Т, начертанное кровью на дверях дома убитого, расположенного в нескольких сотнях футов от перекрестка.

Эллери вздохнул и снял шляпу. Это не был жест вежливости. Несмотря на ветер и холод, Эллери вспотел. Он вытер лоб носовым платком и задумался, какой же сумасшедший мог совершить такое нелогичное, жестокое и весьма загадочное убийство. Даже тело… Он припомнил описание, приведенное в одной из газет знаменитым чикагским репортером, специализировавшимся на криминальных преступлениях; «Чрезвычайно странная рождественская история произошла сегодня. Обезглавленное тело Эндрю Вана, сорокашестилетнего школьного учителя из маленького городка Арройо, было найдено распятым на безлюдном перекрестке дорог ранним рождественским утром.

В ладони раскинутых рук жертвы были вбиты четырехдюймовые железные гвозди, так что руки оказались прикрепленными к концам стрелок дорожного указателя. К основанию столба двумя

гвоздями были прибиты ступни ног убитого. Под локти, для удержания тела в вертикальном положении были вбиты еще два гвоздя, с тем чтобы обезглавленный труп напоминал огромную букву Т.

Дорожный столб похож на букву Т, пересечение дорог Т-образное. На двери дома Вана, находящегося неподалеку от перекрестка, убийца кровью жертвы начертал Т. И сам указатель — символ той же маниакальной приверженности букве Т…

Почему убийство под Рождество? Почему убийца перенес тело жертвы за триста футов от дома к столбууказателю и распял на нем его? В чем значение и смысл трех Т?

Муниципальная полиция в недоумении. Ван был эксцентричным, но спокойным и безобидным человеком, у которого не было врагов, как, впрочем, и друзей. Единственным близким человеком был некто Клинг, нанявшийся к нему слугой. Клинг исчез и, по мнению окружного прокурора Крумита, тоже стал жертвой одного из самых жестоких и кровожадных убийц, когда-либо встречавшихся в анналах современной американской преступности».

В криминальной хронике приводилась подробная информация о школьном учителе — о

его уединенной жизни в Арройо, о его и Клинга последнем переселении из большого города, — а рядом было помещено высокопарное заявление окружного прокурора о скорой поимке преступника.

Эллери снял очки, тщательно протер стекла и нацепил на нос, пристально разглядывая зоркими глазами ужасающую реликвию.

На стрелках столба-указателя, там, где было распято тело, остались отверстия от гвоздей, выдернутых полицией, окаймленные пятнами бурого цвета, а из середины отверстий тянулись бурые запекшиеся ручейки — оттуда, где из пробитых гвоздями ладоней Эндрю Вана сочилась кровь.

Эллери осмотрел также не запачканные кровью отверстия в центре каждой стрелы-указателя, где были вбиты гвозди, поддерживавшие тело под локтями. Дорожный столб сверху донизу был обильно залит кровью, которая, очевидно, текла из шеи убитого, У основания столба виднелись еще два отверстия, примерно на расстоянии четырех дюймов, с кровавыми пятнами вокруг, где были прибиты ноги Вана.

Эллери не торопясь вернулся к машине, в которой его ожидал раздраженный инспектор,

устроившийся на заднем сиденье, по уши закутанный в шерстяное старое кашне, из которого выглядывал его острый нос, похожий на светофор.

— Ну-ну, — пробурчал он. — Я совсем окоченел.

— Тебе даже неинтересно? — спросил Эллери, втискиваясь на водительское место.

— Нет.

— Я тебя не узнаю.

Эллери завел мотор, и автомобиль рванул с места, развернулся на двух колесах, описал круг и помчался в направлении Арройо, — Блестящая идея! прокричал Эллери, пытаясь перекрыть рев мотора. — Распятие на Рождество!

— Угу, — промычал инспектор, — Пожалуй, мне нравится это «дело»? крикнул Эллери.

— Следи лучше за дорогой! — неожиданно заорал отец. — Тебе оно не нравится, и ты возвращаешься со мной в Нью-Йорк.

Они въехали в Арройо.

— Знаешь, — забубнил инспектор, когда Эллери остановил «дюсенберг» у небольшого особняка, забранного решеткой, — они что-то не то делают. Оставить без охраны дорожный столб на месте преступления! — Он покачал головой. — А теперь

ты куда?

— Я думал, тебе неинтересно, — сказал Эллери, вылезая из машины. Эй! — обратился он к человеку в синей куртке, подметавшему облезлой метлой дорожку возле решетчатого особняка. — Это и есть Дворец Правосудия Арройо?

Человек глуповато ухмыльнулся.

— Идиотский вопрос! Есть вывеска. Кому надо, прочтет. Катись-ка ты, парень…

Эллери осмотрелся вокруг. Он стоял посреди скромной маленькой площади, окруженной невысокими домиками. Особняк с решеткой, у которого он припарковал «дюсенберг», был похож на корзину для грибов с псевдобоковиной, отличительной чертой старого Запада. По соседству разместился склад, рядом с которым виднелись бензоколонка и небольшой гараж. На особняке с решеткой красовалась аккуратная вывеска с крупными печатными буквами; «МУНИЦИПАЛИТЕТ АРРОЙО».

Обойдя особняк, инспектор и Эллери обнаружили за дверью с надписью «Констебль»[1] спящего за столом человека. Он был толстый, краснолицый, вероятно, в прошлом крестьянин,

---

[1] Примечания: 1

Констебле — полицейский чин в Англии и США.

с пожелтевшими от табака зубами.

Инспектор кашлянул, и констебль приоткрыл глаза, поскреб в затылке и сказал грубым басом:

— Если вам нужен Мэтт Холлиз, его нет.

Эллери улыбнулся.

— Мы ищем Людена, констебля Арройо.

— А-а, это я. Чем могу быть полезен?

— Констебль, — выразительно начал Эллери, — разрешите вам представить инспектора Ричарда Куина, шефа отдела криминальных преступлений из управления полиции города Нью-Йорка.

— Кого? — вытаращил глаза констебль. — Из Нью-Йорка?

— Именно, именное — сказал Эллери, наступая на ногу отцу. — Констебль, мы бы хотели…

— Садитесь. — Констебль Люден подвинул инспектору стул. — Вы, наверно, по «делу Вана»? Вот уж не думал, что в самом Нью-Йорке заинтересуются. Что вас сюда привело?

Эллери достал портсигар и предложил сигарету констеблю, но тот отрицательно замотал головой и, открыв рот, показал большой комок жевательного табака.

— Расскажите нам про убийство, констебль.

— Да нечего особенно рассказывать. Целыми днями тут у нас приезжие ошивались, из Чикаго,

из Питтсбурга, Надоели, честное слово.

Инспектор усмехнулся.

— Вас можно понять.

Эллери достал бумажник, открыл его и в ожидании замер. Сонные глаза констебля загорелись, — Да чего уж там, не развалюсь, коли в который раз повторю…

— Кто обнаружил тело?

— Старый Питер. Его только никто не знает. Живет себе в хижине, где-то высоко в горах.

— Да, я слышал. Был еще кто-то из фермеров?

— Майк Оркинс, владелец нескольких акров земли за Пагтауном. Он, вроде, ехал на своем «форде» через Арройо, как припоминаю, в понедельник, нет-нет, пожалуй, в пятницу утром. Точно, в день Рождества, на рассвете.

Старый Питер как раз шел в Арройо, спустился с гор, а Оркинс подвез его. Ну, значит, подъезжают они к перекрестку на Арройо, надо поворачивать, а тут это самое…

На столбе. Висит, как туша в холодильнике. Труп Вана, стало быть.

— Да, мы ездили туда, видели, — вставил Эллери.

— За последние дни там, по-моему, тыщи перебывали, глаза пялили, усмехнулся констебль

Люден, — Задали задачку — движение при таком скоплении людей регулировать. А тут еще Оркинс с Питером, вроде как помешались…

— Гмм, — промычал инспектор.

— Они, конечно, не трогали тело? — заметил Эллери.

Констебль решительно мотнул головой.

— Нет. Они с перепугу промчались в Арройо, словно за ними сам дьявол гнался, подняли меня с постели…

— Во сколько это случилось, констебль?

Констебль смутился.

— Было восемь часов, накануне я допоздна засиделся у Мэтта Холлиза, вот и проспал…

— Вы и мистер Холлиз, наверное, сразу отправились на перекресток?

— Ага. Мэтт, он наш мэр, значит… Мэтт и я взяли четверку парней и двинулись туда. От бедняги не поймешь, что осталось, от Вана, стало быть… — Констебль потряс головой. — Сроду не видал ничего страшнее, а уж под Рождество, прости Господи… Скажу я вам, богохульство какое-то, хоть Ван и был безбожником…

— Неужели? — оживился инспектор, и его покрасневший от холода острый нос с любопытством высунулся из мехового воротника. — Без-

божник? В каком смысле?

— Ну, может, не так чтобы совсем безбожник, — засмущался констебль, — я и сам не часто в церковь хожу, но уж Ван — тот никогда в нее не заглядывал.

— Интересно… — протянул Эллери, обращаясь к отцу, — в самом деле похоже на религиозного маньяка.

— Вот и они все так твердили, — обрадовался Люден. — Что до меня, то не скажу. Я всего лишь сельский констебль. Откуда мне знать? Но вот что, джентльмены, — начал он, понизив голос, — тут не обошлось без религии.

— Но никого в городе, я полагаю, не подозревают? — резюмировал Эллери.

— Из здешних никого, мистер. Говорю вам, замешан кто-то, связанный с прошлым Вана.

— А в городе были незнакомые люди в последнее время?

— Да нет… Стало быть, Мэтт, я и мои парни опознали тело по росту, по одежде и бумагам, найденным в карманах. Мы же его и сняли. По пути назад остановились у дома Вана…

— Итак, — нетерпеливо перебил его Эллери, — что вы там обнаружили?

— Все было поломано, — ответил констебль

Люден, неторопливо жуя табак. — Кругом следы драки, стулья опрокинуты, бумаги разбросаны, везде кровь и огромное кровавое Т на двери, а бедняга Клинг исчез.

— Ах, да, — вспомнил инспектор, — слуга. Просто исчез, да? Собрал вещички и исчез?

— Толком не знаю, — сказал констебль, почесав в затылке. — Коронер,[2] вроде, кое-что раскопал… Я слыхал, они ищут Клинга, думаю, — он медленно прикрыл один глаз, — еще кого-то. Больше ничего, инспектор, — А есть какие-нибудь следы Клинга? — спросил Эллери.

— Объявлен розыск. Тело отвезли в морг в Вейртон, что в десяти двенадцати милях отсюда. Оно теперь в распоряжении коронера, который опечатал дом Вана.

Полиция всего штата поднята на ноги. И окружной прокурор Крумит занимается убийством.

Эллери задумался. Инспектор беспокойно ерзал на стуле. Констебль Люден с восхищением уставился на очки Эллери.

— Голова была отсечена… — изрек, наконец, Эллери. — Интересно, чем? Полагаю, топором.

---

[2] Примечания: 2

Коронер — специальный судья в Англии и США, который занимается расследованием причин насильственной смерти при необычных или подозрительных обстоятельствах.

— Точно. Топор мы в доме нашли. Топор Клинга. Ничьих других отпечатков пальцев не обнаружили.

— А голову жертвы нашли?

Констебль покачал головой.

— Никаких следов. Похоже, убийца-псих унес ее с собой, как сувенир.

— Думаю, нам пора, — сказал Эллери, надевая шляпу. — Спасибо, констебль. — Эллери протянул руку констеблю, и тот пожал ее. На лице констебля засияла улыбка, когда он обнаружил, что в его ладонь что-то вложили.

Он был очень доволен, что приезжие не напрасно прервали его послеобеденную сиесту.

Глава 2
Новый год в Вейртоне

Все-таки было не совсем понятно, почему Эллери Куин так заинтересовался «делом Вана». Его место было в Нью-Йорке. Пришло распоряжение, что инспектор Куин-старший должен прервать отпуск и вернуться на Сентрал стрит, в Нью-Йорк, а куда ехал инспектор, туда обычно следовал и Эллери. Однако на этот раз что-то в атмосфере округа Западная Виргиния, какие-то передаваемые шепотом на улицах Вейртона слухи задержали его. Инспектор же отбывал в Нью-Йорк, и Эллери отвез его на вокзал в Питтсбург.

— Послушай, — давал наставления Куин-старший, когда Эллери устраивал его в пульмановском вагоне, — как думаешь, сам разберешься? Сообщи мне. Или ты уже наполовину разобрался?

— Знаете, инспектор, следите лучше за своим давлением, — ответил Эллери. — «Дело» просто любопытное, а я никогда ничем не увлекаюсь с тупостью лунатика.

Я дождусь суда и выслушаю показания, на ко-

торые намекал констебль Люден.

— Смотри, примчишься в Нью-Йорк, поджав хвост, — мрачно предупредил инспектор.

— Это уж точно, — улыбнулся Эллери. — Но я не могу упустить редкую возможность не удовлетворить своего любопытства…

На том они и расстались. Поезд тронулся, и Эллери остался на платформе вокзала, свободный и одинокий.

В тот же день Эллери возвратился в Вейртон.

Была среда. Вплоть до субботы, первого дня после Нового года, Эллери добивался аудиенции у окружного прокурора города Хэнкока.

Как оказалось, прокурор Крумит был важной персоной с чрезвычайно развитым чувством собственного достоинства и большим самомнением. Эллери удалось проникнуть в его приемную, но не дальше, несмотря на все свои уловки и хитрости.

«Прокурор никого не принимает. Прокурор занят.

Зайдите завтра. Прокурору некогда. Из Нью-Йорка, говорите? Сын инспектора Куина? Ничем не могу помочь…»

Эллери, махнув рукой на визит к прокурору, слонялся по улицам, прислушиваясь к толкам и

пересудам горожан. Вейртон с его сверкающими новогодними елками как бы погрузился в атмосферу тихого страха. На улицах было очень мало женщин и совсем не было детей. Мужчины при встрече наскоро обменивались двумя-тремя фразами и расходились в разные стороны. Поползли слухи о линчевании, но оказались безосновательными, так как линчевать было некого. Полицейские Вейртона усиленно патрулировали улицы. Полиция штата направляла наряды, которые то въезжали в город, то выезжали из него. Однажды в промчавшемся мимо автомобиле перед Эллери мелькнуло лицо окружного прокурора Крумита.

Во всей этой неразберихе Эллери умудрялся сохранять спокойствие и продолжать расследование.

В среду он предпринял попытку встретиться с коронером Стэплтоном, Им оказался полноватый молодой человек, сильно потевший и довольно скрытный, так что Эллери не удалось вытянуть из него ничего нового. Поэтому следующие несколько дней он занялся выяснением подробностей из жизни жертвы, Эндрю Вана, Удивительно, как мало было о нем известно! Это был замкнутый одинокий человек, со скромными запросами,

редко посещавший Вейртон. Жители Арройо считали его образцовым учителем — он был вежлив с учениками, хотя и не склонен к снисходительности. По мнению муниципального совета Арройо, его службой были довольны. Помимо прочего, хотя он и не посещал церковь, учитель был трезвенником, чем снискал уважение богобоязненных сограждан.

В четверг, накануне Нового года, редактор центральной Вейртонской газеты предоставил первую полосу трем джентльменам-спиритам и их проповедям, которые утверждали, что Эндрю Ван не был богоугодным человеком, жил как безбожник и должен был умереть как безбожник. Деяния искупают устремления… Однако на этом редактор не остановился и поместил передовую статью, испещренную ссылками на маньяка из Дюссельдорфа, французскую «Синюю бороду» Ландру, американского дьявола Джека-потрошителя и многих иных монстров преступного мира. Все это подавалось в качестве деликатеса к новогоднему столу вейртонских добропорядочных обывателей.

Здание муниципального суда, где в субботу утром должно было состояться судебное разбирательство, было забито до отказа задолго до

начала. Эллери был в числе первых зрителей, и его место оказалось в первом ряду, прямо напротив барьера. Около девяти важно прошествовал коронер Стэплтон. Эллери поманил его в сторону, повертел у него перед носом телеграммой за подписью комиссара нью-йоркской полиции и благодаря ключу «Сезам, откройся!» попал в заднюю комнату, где было помещено тело Эндрю Вана.

— Труп не совсем в порядке, — отдуваясь, сказал коронер. — Видите ли, мы не могли начать следствие на рождественской неделе, прошло, видит Бог, целых восемь дней, и он находился в местном морге…

Эллери взял себя в руки и снял с трупа покрывало, Зрелище было ужасающим, и он быстро опустил покрывало. Это был труп крупного, рослого мужчины. На месте головы зияла рана.

Рядом с покойником на столе лежали его вещи; темно-серый костюм, черные туфли, рубашка, носки, нижнее белье — и все было пропитано спекшейся кровью. Изъятые из карманов убитого карандаш, ручка, бумажник, связка ключей, мятая пачка сигарет, несколько монет, дешевые часы и старое письмо, по мнению Эллери, интереса не представляли, кроме, пожалуй, одного

— инициалов Э. В, и письма, отправленного с почты Питтсбурга и адресованного Эндрю Вану, эсквайру. Больше ничего важного для следствия Эллери не выявил, Стэплтон обернулся и представил Эллери высокого, видного пожилого мужчину, который только что вошел и подозрительно смотрел на Эллери.

— Мистер Куин, познакомьтесь — окружной прокурор Крумит.

— Кто? — резко переспросил Крумит, Эллери улыбнулся, кивнул и возвратился в зал суда.

Пять минут спустя коронер Стэплтон занял свое место, и зал затих. На свидетельское место был вызван Майкл Оркинс. Он прошел между рядами, сопровождаемый шепотом и любопытными взглядами. Сутуловатый немолодой фермер с выгоревшими на солнце волосами спокойно уселся в кресло свидетеля, скрестив жилистые руки.

— Мистер Оркинс, — обратился к нему коронер, — расскажите нам, как вы обнаружили тело потерпевшего.

Фермер облизнул губы.

— Да, сэр. Я отправился в Арройо в пятницу утром на своем «форде». Как раз подъезжал к Арройо, смотрю, старый Питер идет по дороге. Ну, я его посадил в машину. Едем к перекрестку,

а там, на дорожном столбе, висит он… Прибит гвоздями за руки, за ноги… — Голос Оркинса сорвался. — Мы того… Скорей в город…

Кто-то в зале хихикнул, и коронер призвал к порядку.

— Вы трогали тело?

— Нет, сэр. Мы и из машины-то не вылезали.

— Хорошо, мистер Оркинс.

Фермер облегченно вздохнул и вернулся на свое место, вытирая вспотевшее лицо красным платком.

— Старый Питер!

По залу прошелестел шепот, а на свидетельском месте возникла колоритная фигура. Это был прямо державшийся старец с длинной седой бородой и густыми бровями, одетый в некое подобие древнего одеяния, рваное, грязное, линялое. В глубокой задумчивости он оперся о барьер, потом потряс головой и уселся в кресло свидетеля.

Коронер, казалось, был раздражен.

— Ваше полное имя?

— А? — Старик смотрел куда-то в сторону, мимо коронера.

— Ваше имя! Как вас зовут? Питер, а дальше?

Старец тряхнул головой.

— Нет у меня имени. Старый Питер — и все тут.

Я — мертвец. Я мертв уже двадцать лет, Наступила гробовая тишина. Стэплтон растерянно оглядывался по сторонам. Сидевший рядом с ним невысокий человечек поднялся и произнес;

— Разрешите мне, господин коронер?

— Прошу вас, мистер Холлиз.

— Ол'райт, — начал спикер громко, — он малость того, этот старый Питер. С ним такое давно, с той поры, как поселился в горах, в хижине наверху, над Арройо, откуда он спускается в город только раз в несколько месяцев.

Просит подаяние. Тут его все знают, личность небезызвестная.

— Ясно, благодарю, мистер Холлиз.

Коронер вытер вспотевшее лицо, и мэр Арройо сел под одобрительный шепот публики. Коронер продолжил допрос. Ответы старого Питера были пространными и в целом не отличались от показаний Майкла Оркинса, поэтому житель гор был отпущен с миром.

Мэр Холлиз и констебль Люден повторили, как их разбудили Оркинс со старым Питером, как они поехали на перекресток дорог, как опознали труп, извлекли гвозди, сняли убитого Вана, зашли в его дом, увидели страшный разгром и кровавое Т на дверях…

Вызвали для дачи свидетельских показаний старого немца Лютера Бернхейма. Он улыбнулся, демонстрируя золотые коронки и покачивая пухлым животиком, и невозмутимо уселся в кресло свидетеля.

— Вы владелец лавки в Арройо?

— Да, сэр.

— Вы знали Эндрю Вана?

— Да, сэр. Он заходил в мою лавку за покупками.

— Как давно вы его знали?

— О, довольно давно, пожалуй, немало лет. Он был хорошим покупателем, платил наличными.

— За покупками он всегда приходил сам?

— Нет, изредка. Обычно приходил Клинг, слуга. Но мистер Ван приходил сам, когда надо было заплатить по счету.

— Он был доброжелательным человеком?

Бернхейм прищурился.

— Да как вам сказать… И да и нет…

— Вы имеете в виду, что ни с кем лично, а вообще?

— Именно.

— Как вам кажется, у него были какие-нибудь пристрастия?

— Что? Ах, да. Да. Он всегда покупал икру.

— Икру?!

— Ну да. Он был единственным, кто покупал у меня икру. Я заказывал ее специально для него. Все виды — белужью, красную, но в особенности черную, высшего сорта.

— Попрошу вас, мистер Бернхейм, а также мэра Холлиза и констебля Людена пройти в соседнюю комнату для опознания тела.

Коронер встал с судейского места и, сопровождаемый тремя согражданами, вышел из зала под шепот публики, не прекращавшийся до их возвращения. Когда они вернулись, лицо достопочтенного владельца лавки было пепельно-серым, в глазах застыл ужас.

Эллери Куин вздохнул: «Ничего себе, простой сельский школьный учитель, заказывающий черную икру…

Пожалуй, констебль Люден не так прост, как кажется, а прошлое мистера Вана темное и загадочное, несмотря на скромный род занятий и примитивное окружение…»

Наконец на свидетельское место был приглашен окружной прокурор Крумит. Зал затих. Все ждали прокурорских откровений.

— Господин окружной прокурор, — начал Стэплтон, — удалось ли вам выяснить что-либо о

прошлом потерпевшего?

— Да.

Публика в зале невольно подалась вперед.

Эллери заерзал в кресле. «О, как неприятен окружной прокурор, особенно его ледяные глазки-буравчики…»

— Расскажите, что вам удалось узнать.

— Эндрю Ван появился в Арройо девять лет назад, откликнувшись на объявление о приглашении учителя а школу. Представленные рекомендации были удовлетворительными, и муниципальный Совет не возражал. Он прибыл со слугой Клингом, нанял дом на Арройо-роуд и проживал там вплоть до своей гибели. Обязанности он выполнял хорошо, претензий к нему не было. — Крумит многозначительно помолчал. — Мои детективы получили информацию о занятиях мистера Вана до приезда в Арройо и выяснили, что он был преподавателем общеобразовательной школы в Питтсбурге.

— А раньше?

— Никаких сведений. Он не был коренным американцем и получил вид на жительство в Питтсбурге тринадцать лет назад. Его документы, оставшиеся в мэрии Питтсбурга, свидетельствуют, что он армянин По национальности и родился

в 1885 году.

1 «Армянин… — подумал Эллери. — Это ведь недалеко от Галилеи…» В голов промелькнула какая-то мысль, но он не успел на ней сосредоточился.

— Вы навели справки о Клинге?

— Да. Клинг, слуга мистера Вана, был сиротой, воспитанником приюта Святого Винсента в Питтсбурге. Когда Клинг достиг совершеннолетия, его оставили в приюте для выполнения различных хозяйственных работ. Там он прожил всю жизнь. Когда мистер Ван решил покинуть школу Питтсбурга и переехать в Арройо, он обратился в попечительский совет приюта с просьбой о найме слуги-мужчины и долго выбирал, прежде чем остановился на Клинге. Оба переехали в Арройо, где и проживали безвыездно до недавних событий.

Эллери в недоумении размышлял, что могло вынудить человека променять большой город, каким был Питтсбург, на захудалую дыру Арройо? Криминальное прошлое и желание скрыться от полиции? Не похоже, ведь в большом городе спрятаться легче, чем в селении, где все на виду. Нет, что-то посерьезнее и пострашнее. Но что? Тайна навсегда исчезла с таинственно исчезнув-

шей головой убитого. Случается, некоторые ищут уединения после разгульной жизни. Может быть, это тот случай?

Эндрю Ван, скромный учитель из Арройо, привыкший лакомиться черной икрой…

— Что за человек был Клинг? — прервал мысли Эллери коронер.

Окружной прокурор поморщился.

— В приюте о нем вспоминают как о примитивном и абсолютно безобидном человеке.

— Не было ли за ним замечено склонности к насилию, убийству?

— Нет. В приюте он считался слабохарактерным, флегматичным и глуповатым человеком, который с детьми всегда был вежлив, а со взрослыми обходителен и услужлив.

Прокурор облизнул пересохшие губы и хотел было продолжить рассуждения, но коронер вежливо прервал его и снова вызвал свидетеля Бернхейма.

— Вы знали Клинга, мистер Бернхейм?

— Конечно, сэр.

— Что это был за человек?

— Тихий, добрый, но тупой, как пень.

Кто-то в зале засмеялся, и коронер, наклонившись вперед, призвал к порядку.

— Правда ли, что Клинг был известен в Арройо как человек большой физической силы?

Эллери усмехнулся про себя; «Ого, куда он клонит…»

Бернхейм, нисколько не смутившись, ответил:

— Да, сэр. Он был очень сильный. Мог без труда поднять бушель сахара. Но он и мухи не обидел, господин коронер. Как сейчас помню…

— Достаточно, — прервал его коронер. — Мэр Холлиз прошу вас занять свидетельское место.

Мэтт Холлиз кивнул.

— Вы — глава муниципального Совета, мэр Холлиз?

— Да, сэр.

— Что вы можете рассказать об Эндрю Ване?

— Ничего плохого. Никаких дел у него ни с кем не было. Отшельник, знаете ли. Все свободное время занимался домом, который нанял рядом со школой. Соседи жаловались, что он задирает нос, некоторые считали, что он с приветом. Но я так не думаю. — И мэр уверенно продолжал:

— Просто самостоятельный человек. Не дружил с соседями? А это его личное дело. Не пожелал вместе со мной и Люденом поехать на рыбалку? Не надо, мы не в обиде. — Холлиз кивнул и улыбнулся. — А по-английски он говорил чисто, как я

или вы, господин коронер.

— Бывали у него когда-нибудь гости, вы не знаете?

— Нет, по-моему, но точно сказать не могу. Странный он был тип, раздумчиво продолжал Холлиз. — Разок-другой, когда я отправлялся в Питтсбург по делам, он просил купить ему книги — серьезные, умные. По философии, помню, по истории, про звезды даже и всякие иные в таком же роде.

— Весьма интересно, мистер Холлиз. Теперь, с вашего позволения, вот о чем. Вы ведь банкир, не так ли?

— Да, я состою в правлении банка, — важно подтвердил Холлиз.

По его надменному виду Эллери понял, что человек этот вездесущ и незаменим.

— У Эндрю Вана был счет в вашем банке?

— Нет, сэр. Он получал жалованье наличными и хранил деньги дома. Мне кажется, он вообще никогда не клал денег в банк. Я несколько раз имел честь предложить ему банковские услуги, сами понимаете, дело есть дело, но он отвечал, что предпочитает иметь их под рукой. — Холлиз пожал плечами. Заявил даже, что не доверяет банкам. Ну что ж, каждый волен сам распоря-

жаться своими деньгами; Я лично возражений ему не высказывал.

— А кто-нибудь еще знал, что мистер Ван хранит деньги дома?

Холлиз задумался.

— Может быть, я и упоминал про это в разговоре с кем-нибудь. Но, по-моему, все знали о чудачествах учителя…

Мэр покинул свидетельское место. Пригласили констебля Людена. Констебль уверенно прошел по залу и занял кресло свидетеля с видом человека, который лучше всех знает, как ведутся судебные разбирательства.

— Констебль, вы осматривали дом мистера Вана 25 декабря утром, в пятницу?

— Да, я.

— Вы нашли деньги?

— Ни пенса.

По залу пронесся шепот: «Ограбление!».

Эллери усмехнулся: «Какая-то бессмыслица… Маниакальное убийство на религиозной почве и ограбление?

Никакой увязки». Он выглянул за барьер. Служитель что-то нес к судейскому месту. Это была дешевая жестяная банка зеленого цвета с выломанной крышкой и нехитрым замочком,

болтавшимся на весу. Коронер взял банку из рук служителя, заглянул в нее, перевернул и встряхнул над столом. Она была пуста.

— Скажите, констебль, вы узнаете эту банку?

Люден вздохнул.

— Я готов подтвердить, — пророкотал он громовым басом. — Мы нашли ее в доме Вана. Это его банка для денег.

Коронер передал банку присяжным из местных жителей, которые принялись внимательно ее разглядывать.

— Господа присяжные, ознакомьтесь с вещественным доказательством. Спасибо, констебль. Вы свободны. Прошу на свидетельское место господина почтмейстера Арройо.

Невысокого роста худощавый старичок прошел на место свидетеля и сел.

— Скажите, Эндрю Ван получал много корреспонденции?

— Нет, — покачал головой почтмейстер. — Только специальную учебную литературу, да и то нечасто.

— Были ли адресованы ему письма или посылки на той неделе, когда было совершено убийство?

— Нет.

— Сам он отправлял письма?

— Изредка. Одно-два. В три-четыре месяца.

На свидетельское место был вызван доктор Стрэнг, судебный медицинский эксперт. При упоминании его имени по залу прошел гул восхищения. Это был представительный мужчина с суровым взглядом. Когда он прошел по залу и опустился в кресло свидетеля, создалось впечатление, что он всегда сидел там и был явно на своем месте.

Коронер спросил:

— Доктор Стрэнг, когда вы впервые обследовали тело пострадавшего?

— Через два часа после обнаружения.

— Можете ли вы назвать следствию приблизительное время смерти?

— Да. Полагаю, что к моменту, когда тело обнаружили на перекрестке у дорожного столба, он уже был мертв в течение шести — восьми часов.

— Выходит, убийство было совершено около полуночи, в канун Рождества?

— Именно так.

— Можете ли вы назвать какие-либо подробности и детали, касающиеся состояния трупа, что могло бы помочь следствию?

Доктор Стрэнг ответил сухо, почти протоколь-

но:

— Нет, никаких других следов, кроме рваной раны на шее, явившейся результатом отсечения головы, а также отверстий от вбитых гвоздей на ладонях и ступнях убитого, на трупе не обнаружено.

Коронер привстал и, упершись в стол животом, громко произнес:

— Доктор Стрэнг, каково ваше заключение в связи с этим?

— Полагаю, что пострадавшему нанесли удар по голове либо выстрелили в затылок, поскольку других следов насилия на теле нет.

Эллери кивнул; «Похоже, окружной медэксперт неплохо соображает…»

— По-моему, — продолжал судебный врач, — потерпевший был уже мертв, когда ему отрубили голову. Судя по ране на шее, операция была произведена очень острым инструментом.

Коронер достал какой-то аккуратно упакованный предмет, положил его на стол, развернул и поднял вверх.

Это был угрожающего вида топор на длинном топорище с лезвием, сверкающим в тех местах, где оно не было испачкано кровью.

— Как, по-вашему, доктор Стрэнг, этот инстру-

мент мог служить для отсечения головы?

— Да.

Коронер обернулся к присяжным.

— Улика была найдена на полу на кухне в доме мистера Эндрю Вана, где, очевидно, и произошло убийство. Разрешите заметить, господа присяжные, что на топорище нет отпечатков пальцев, и это свидетельствует о том, что убийца был в перчатках либо тщательно вытер орудие убийства. Топор был собственностью убитого и обычно находился на кухне, так как слуга Клинг рубил им дрова для печи. Пожалуй, все, доктор Стрэнг. Приглашаю на свидетельское место полковника Пикетта.

Глава управления полиции штата Западная Виргиния — высокий мужчина с военной выправкой — вышел вперед.

— Что вы можете сообщить следствию, полковник?

— Были произведены тщательные поиски, — прогремел полковник голосом, напоминавшим орудийные залпы, — однако голову убитого отыскать не удалось. Не было найдено также никаких следов Клинга. Его словесный портрет разослан во все близлежащие штаты и объявлен розыск.

— Я полагаю, вы в курсе последних перемеще-

ний убитого и его пропавшего слуги? Расскажите, что вам удалось установить.

— Последний раз Эндрю Вана видели в четыре часа дня, в четверг, 24 декабря. Он навестил миссис Ребекку Трауб, жительницу Арройо, с целью предупредить, что ее сын Вильям начал отставать в учебе. После визита он направился домой, и никто, как установлено, живым его больше не видел.

— А его слуга Клинг?

— Клинга видел последним Тимоти Трейнер, ферма которого расположена между Арройо и Пагтауном, в тот же день, в начале пятого. Клинг купил у мистера Трейнера мешок картофеля, заплатил наличными и, взвалив его на плечо, ушел пешком.

— Был ли найден этот мешок с картофелем в доме мистера Вана? Это важно, полковник. Следствие намерено установить, добрался Клинг домой или нет.

— Да, был найден. Нетронутый и опознанный Трейнером как тот самый мешок картофеля, который он продал Клингу.

— Что-нибудь у вас еще есть для следствия?

Полковник взглянул на публику и мрачно ответил:

— Да, есть.

В зале наступила гробовая тишина.

На лице Эллери мелькнула улыбка; «Вот он, переломный момент…»

Полковник наклонился и зашептал что-то на ухо коронеру, Стэплтон моргнул, улыбнулся, вытер пухлые щеки и кивнул. Пикетт махнул рукой кому-то в глубине зала. Появился высокий полицейский, который вел за руку удивительное существо — маленького косматого старичка с густой бородой и глазами фанатика. Кожа лица грязно-бронзового цвета была так иссушена солнцем и ветрами, будто он всю жизнь прожил под открытым небом.

Эллери присмотрелся — старик был одет в измазанные засохшей грязью шорты и поношенный серый пуловер, а ноги с набухшими венами были обуты в какие-то замысловатые сандалии. В руке он держал странный посох — нечто среднее между палкой и жезлом, верхушка которого была украшена резной фигуркой змеи, примитивное творение какого-нибудь бедного ремесленника.

В зале послышались шепот, смешки и кое-где взрывы хохота. Коронер громко постучал, требуя тишины.

Вслед за полицейским и странным свидетелем

следовал бледный молодой человек в испачканных машинным маслом брюках. Когда он проходил мимо сидевших в зале, многие его приветствовали, пожимали руки, хлопали по спине, видно, его хорошо знали.

Все трое прошли за барьер и сели. Бородатый старик трясся от ужаса, глаза его вращались, а коричневые от загара руки то сжимали, то разжимали посох.

— Каспар Крокер, встаньте!

Бледный молодой человек в промасленных брюках встал и подошел к свидетельскому месту.

— Вы владелец гаража и бензоколонки на Мейн-стрит, в Вейртоне? — задал вопрос коронер.

— Да, а в чем дело? Вы же меня знаете, сэр.

— Пожалуйста, отвечайте только на заданные вопросы. Следствие желает знать, что произошло около одиннадцати часов вечера, в канун Рождества.

Крокер глубоко вздохнул, беспомощно огляделся вокруг, словно ища поддержки, и начал:

— Я запер свой гараж под Рождество, праздник есть праздник. Живу я рядом с гаражом. В одиннадцать часов, когда мы с женой сидели в гостиной,

я вдруг услыхал какой-то стук и грохот на улице, вроде бы, подле гаража. Я выбежал из дома. Было темно — хоть глаза выколи. Когда я пригляделся, то увидел человека, барабанившего в дверь моего гаража. Он меня заметил и…

— Одну минуту, мистер Крокер. Как он был одет?

Молодой человек пожал плечами.

— Темно было, я не видал. Да и ни к чему мне было его разглядывать.

— А его лицо вы не запомнили?

— Нет, сэр. Хоть он и стоял под фонарем. Он был весь какой-то закутанный, лицо прятал в шарф, оно, конечно, было холодно, но мне показалось, не хотел он, чтобы его заприметили. Гладко побритый, темноволосый, вроде, на иностранца похож, правда, говорил чисто, как истинный американец.

— Сколько, по-вашему, ему лет?

— Лет, эдак, тридцать пять. А может, больше или меньше. Кто ж его разберет в темноте?

— Что ему было нужно?

— Машина для поездки в Арройо.

В зале стало так тихо, что Эллери отчетливо слышал астматическое дыхание сидевшего позади него человека. Никто не шелохнулся. Публика

замерла, сидя на краешках стульев и ошарашенно глядя в рот говорившему.

— И что дальше?

— А то, — продолжил Крокер увереннее, — мне это совсем не понравилось, одиннадцать часов вечера, канун Рождества, жена дома одна, а он вынул бумажник и говорит, мол, заплачу десять долларов, если довезешь. Для бедного человека десять долларов — большие деньги, ну я и согласился.

— И вы его отвезли?

— Да, сэр. Так я и сделал. Вернулся сперва домой за пальто, сказал жене, что через полчаса буду дома, вывел из гаража старый грузовик, он залез в кабину, и мы тронулись. Я спросил, куда ехать, в какое место Арройо ему надо, а он и говорит: «На перекресток, где дорога на Арройо пересекается с дорогой на Нью-Камберленд — Пагтаун. Есть такой?» Я говорю: «Есть». А он: «Туда и вези». Я и отвез. Он вышел, дал мне десятидолларовую купюру. Я развернулся и помчался домой. Как-то мне жутковато стало…

— Вы видели; что он там делал, когда вы отъехали?

Крокер утвердительно кивнул, — Я следил за ним через плечо. Он пошел пешком по дороге,

ведущей в Арройо. Он сильно хромал.

С места, где рядом с полицейским сидел экзотический старец, послышался вздох. Глазки старца бешено вращались, словно искали путь к спасению.

— На какую ногу он хромал, мистер Крокер?

— Да, пожалуй, он оберегал левую ногу, тяжелее ступал на правую.

— Тогда вы видели его в последний раз?

— Да, сэр. И в первый. До той ночи я его никогда прежде не видал.

— Спасибо, это все.

Крокер, довольный, покинул свидетельское место и поспешил к выходу.

— А теперь, — сказал коронер Стэплтон, буравя глазками бородатого старичка, съежившегося на своем ступе, — подите сюда вы.

Полицейский встал, встряхнул старца и подтолкнул его вперед. Старичок, в глазах которого застыл ужас, отшатнулся. Но полицейский бесцеремонно подхватил его под мышки, поволок и посадил на свидетельское место.

— Как ваше имя? — строго спросил коронер Стэплтон.

В зале раздался смех — настолько комичен был вид старичка, представшего перед судом. Стэпл-

тону пришлось долго утихомиривать публику, восстанавливая порядок. Старец, облизывая губы и качаясь из стороны в сторону, что-то шептал себе под нос.

Эллери показалось, что он молился, причем, самое странное — молился он фигурке змеи на конце посоха.

Стэплтон нервно повторил вопрос. Старец выбросил вперед руку с посохом, распрямил костлявые плечи, как будто собираясь с силами, пристально взглянул в глаза коронеру и ответил:

— Я тот, кого называют Харашт. Я — Бог Полуденного Солнца. Ра-Харашт, Сокол.

В зале повисла тишина. Стэплтон заморгал ресницами и отпрянул, словно услышал страшное проклятие, угрожавшее ему. Публика вздохнула и вдруг разразилась истерическим хохотом, вызванным скорее не комичностью ситуации, а каким-то необъяснимым страхом, чем-то зловещим и непонятным в человечке, в его словах и жутковатой маниакальной искренности.

— Кто, кто? — переспросил коронер.

Человек, назвавшийся Хараштом, прижал руку с посохом к груди и не удостоил его ответом.

Стэплтон в явной растерянности вытер плат-

ком вспотевшие щеки, и, заикаясь, продолжил;

— Ээ… Аа… Чем вы занимаетесь, мистер Харашт?

Эллери взглянул на коронера с сочувствием. Допрос для него был явно мучительным мероприятием.

Харашт процедил сквозь зубы:

— Я — Целитель немощных. Я превращаю больных в здоровых и сильных. Я тот, кто плывет на Мэнзете, Ладье Восхода. Я тот, кто плывет на Лизенктэте, Ладье Сумрака.

Меня зовут Гор, Бог Горизонтов. Я сын Нут, богини Неба, матери Исиды и Осириса. Я — Верховный Бог Мемфиса.

Я тот, с кем Этем…

— Довольно! — выкрикнул коронер. — Полковник Пикетт, ради всего святого, что происходит?! Я думал, этот ненормальный может сообщить следствию что-нибудь важное. Я…

Шеф полиции штата резко вскочил. Старик же, назвавшийся Хараштом, спокойно ждал продолжения событий. Его страх прошел, и он, очевидно, почувствовал себя вне досягаемости.

— Простите, господин коронер, — начал полковник, — надо было сразу вас предупредить, что свидетель немного не в себе. Лучше я вам

сам расскажу, чем он занимается, а потом вы ему зададите вопросы. Он устраивает какое-то врачевательное и довольно странное шоу. Сам он весь размалевывается солнцами, звездами, лунами и всякими примитивными рисунками времен египетских фараонов. И, похоже, верит, что он — Бог Солнца. Правда, он совершенно безобиден. Странствует, как цыган, из города в город в фургоне, в который запряжена старая лошадь. Он проехал через Иллинойс, Индиану, Огайо и Западную Виргинию со своими молитвами и везде торговал какими-то целительными снадобьями и зельем для роста волос, словом, всякое такое…

— Эликсир молодости, — важно провозгласил Харашт. — Влитый в бутылку луч Солнца. Я посвящен, я могу заколдовать солнечный свет, я — Менту, я Атму, я…

— По-моему, обыкновенный рыбий жир, — пояснил полковник с улыбкой. Его подлинного имени никто не знает, да и сам он, вероятно, его забыл.

— Благодарю, полковник, — прочувствованно произнес коронер.

Эллери вдруг пронзила неожиданная догадка. Он узнал примитивную эмблему на посохе безумного старца.

Это был урей, изображение кобры, символ власти фараонов. Правда, вместо кобры, насколько мог судить Эллери, там был довольно грубо намалеван солнечный диск через который переползала змея… Египет времен фараонов! Иные имена, упомянутые сумасшедшим Пророком, были ему знакомы: Гор, Нут, Исида, Осирис. Остальные, хотя и странные, имели явно египетское звучание. Эллери, довольный, выпрямился в кресле.

— Итак, мистер Харашт, или как вас там, — продолжил коронер, — вы слышали показание Каспара Крокера о темноволосом хромом человеке?

В глазах старика появилось более осмысленное выражение, и вместе с ним вновь промелькнул страх.

— О человеке, который хромал? — пролепетал он. — Да.

— Вы знаете кого-нибудь на него похожего?

Молчание, затем последовал ответ:

— Да.

— Так, — заметил коронер, вздыхая. — Вот мы и сдвинулись с места. Кто этот человек? Где вы его встречали?

— Это мой жрец.

— Жрец?!

По залу прокатился шепот, и Эллери услышал, как сидевший позади него толстяк сказал:

— Ну и богохульство! Прости, Господи.

— Вы хотите сказать, что он ваш помощник?

— Нет, мой ученик, мой жрец. Верховный жрец Гора.

— Ах, ну да. Как его имя?

— Велия Крозак.

— Гмм… — промычал коронер. — Иностранное имя.

Армянское? — Он уставился на старца.

— Нет нации, кроме египтян, — спокойно ответил старик.

— Хорошо, — сдался коронер. — Назовите по буквам его имя.

— Мы его знаем, мистер Стэплтон, — вмешался полковник. — В-е-л-и-я К-р-о-з-а-к. Мы нашли кое-какие бумаги в фургоне.

— И где же он, этот Велия Крозак? — спросил коронер.

Харашт вздрогнул.

— Он уехал.

Эллери успел уловить паническую вспышку страха в глазах старца.

— Когда?

Старик задрожал. Но тут снова вмешался полковник;

— Разрешите, я поясню, господин коронер. Крозак всегда держится в тени, насколько нам известно. Он бродяжничает со стариком несколько лет. Весьма подозрительный субъект. Он был менеджером в одном рекламном агентстве, или вроде того, а Харашт зарабатывал на жизнь врачеванием и молитвами. Харашт подобрал его где-то на западе. Последний раз их видели вместе в канун Рождества, когда они останавливались возле Холлидей Коув, неподалеку от Вейртона. Крозак ушел около десяти часов, и наш Как-Бишь-Его-Зовут клянется, будто больше его не видел. По времени все совпадает.

— И вы не напали на след этого Крозака?

Полковник растерялся.

— Пока нет. Исчез, как сквозь землю провалился. Но мы его найдем, куда он денется. Мы разослали словесные портреты, его и Клинга.

— Мистер Харашт, — обратился коронер к старику, — вы когда-нибудь бывали в Арройо?

— В Арройо? Нет, никогда.

— Они никогда не забирались так далеко на север Западной Виргинии, пояснил полковник.

— Что вы знаете о Крозаке, свидетель?

— Он истинный верующий, — заговорил Харашт с пафосом. — Он коленопреклоненно молится у алтаря, внимает священным письмам с благоговением и…

— Да-да, понятно, — устало произнес коронер. — Уведите его.

Полицейский, сопровождавший старика, усмехнулся, встал, сгреб бородатого Проповедника в охапку и увел со свидетельского места. Когда оба покинули зал, коронер облегченно вздохнул.

Эллери тоже вздохнул. Его отец прав. Все выглядело так, что как бы ему не пришлось вернуться в Нью-Йорк с поджатым хвостом. Предварительное следствие было суетливым и бестолковым, не поддающимся никакой логике и больше смахивало на фарс. И тем не менее… Было зверски обезглавленное тело, было распятие…

«Распятие!» — Эллери задумался, пытаясь отыскать связь. Распятие — и Древний Египет… Что-то это ему напоминало…

Тем временем в зале суда все шло своим чередом.

Полковник Пикетт предъявил бумаги, найденные в фургоне Харашта, которые, по его мнению, принадлежали Крозаку, бессвязные, не имевшие никакого смысла и никак не характеризующие

личность или занятия писавшего. Не было и фотографий Крозака, что делало опознание этого человека еще более сложным. Затрудняло поиски и отсутствие образца почерка Крозака.

Вызывали многих свидетелей, но их показания мало что дали. Никто не следил за домом Вана под Рождество, никто не видел Крозака после того, как владелец гаража Крокер довез его до перекрестка дорог. Дом Вана был единственным в этом месте, поэтому там никто не ходил по ночам. Гвозди, вынутые из распятого тела, были взяты, как оказалось, из ящика с инструментами, находившегося в прихожей, рядом с кухней, и в свое время были куплены Клингом в лавке Бернхейма, что тот и подтвердил. Обычно такими гвоздями пользовались при строительных работах.

Эллери опомнился, когда коронер встал с судейского места и заговорил:

— Господа присяжные, вы выслушали показания свидетелей…

Эллери вскочил. Стэплтон умолк и взглянул на него, не понимая, что произошло.

— Да, мистер Куин? Вы здесь по поводу…

— Одну минуту, мистер Стэплтон, — торопливо произнес Эллери. — Прежде чем вы обратитесь к жюри присяжных, я хотел бы сделать одно про-

фессиональное замечание, которое, возможно, поможет следствию.

— Что именно? — подал голос прокурор Крумит. — Какие-нибудь новые факты?

— Нет, не новые, господин прокурор, — ответил Эллери с улыбкой. Наоборот, древние как мир, как само христианство.

— Но позвольте, — прервал его коронер под несмолкаемый гул публики, а присяжные даже привстали с мест, чтобы получше рассмотреть новоявленного свидетеля, — на что вы намекаете? Причем тут христианство?

— Если серьезно, ни при чем. — Эллери воззрился на коронера, сверкнув очками. — Главная улика этого ужасного преступления выпала из поля зрения следствия.

Я имею в виду, что убийца, кем бы он ни был, использовал при совершении преступления символ Т: Т-образный столб-указатель, Т-образный перекресток, труп распят в виде буквы Т, буква Т начертана на двери жертвы. Все это упоминалось в прессе, вероятно, не напрасно…

— Да, да, — перебил его Крумит, — мы в курсе. Но где же ваши факты?

— Они налицо. — Эллери уставился на Крумита в упор, и прокурор Крумит сел на место. — Я и сам

не очень-то понимаю связь, в общем, я в растерянности, но, по-моему, символ Т не имеет никакого отношения к алфавиту, — Что вы имеете в виду, мистер Куин? — спросил нетерпеливо коронер.

— Символ Т имеет религиозное значение.

— Религиозное значение? — переспросил Стэплтон.

Неожиданно в зале поднялся седой пожилой человек и заявил;

— Я позволю себе прервать сего образованного джентльмена. Я являюсь президентом Общества евангелистов и никогда не слышал о религиозном символе буквы Т.

Кто-то крикнул;

— Подождите, Пирсон! Пусть договорит.

Эллери улыбнулся.

— С вашего позволения, и я проявлю свою образованность до конца. Существует лишь один крест среди множества других крестов, имеющих форму Т. Он носит название «Тау-креста», или crux commissa,[3] Евангелист выкрикнул с места:

— Да, да, он прав! Но это не христианский крест, в языческий!

Эллери кивнул.

---

[3] Примечания: 3
crux commissa — распятие

— Совершенно справедливо, сэр. И это не греческий крест, использовавшийся дохристианскими народами предхристианской веры. «Тау» еще сотни лет назад предшествовал известному нам греческому кресту. Существует гипотеза, что в оригинале это фаллический символ.

Короче говоря, — зал замер, затаив дыхание, пока Эллери сделал паузу, поправил очки, взглянул на коронера и, наконец, произнес; — «Тау», или Т-образный крест, — неединственное его название. Иногда его еще называют, он снова сделал паузу и медленно закончил:

— Египетским крестом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РАСПЯТЫЙ МИЛЛИОНЕР

Когда преступление совершается новичком, полицейскому надо держать ухо востро. Ни одно из известных ему правил он не сможет применить, а все знания, полученные им за годы обучения, обратятся в бесполезный груз.

Данило Риека

Глава 3
Профессор Ярдли

Итак, следствие зашло в тупик. Непонятно, немыслимо, но факт. Пояснения Эллери по поводу религиозной символики Т не только не пролили свет, но, скорее, еще больше запутали дело. Да и сам он не видел решения.

Впрочем, Эллери успокаивал себя тем, что никто на его месте не смог бы применить логику к действиям сумасшедшего.

Если «дело» было слишком сложным для Эллери, то уж тем более оно было не по зубам коронеру Стэплтону, окружному прокурору Крумиту, полковнику Пикетту и жителям Арройо и Вейртона, и толпам газетчиков, наводнившим город в день суда. Во главе с коронером Стэплтоном, который настаивал на формулировке очевидного, но ничем не подтвержденного заключения, судом был вынесен вердикт: смерть наступила от руки неизвестного убийцы или убийц. Газетчики еще некоторое время покрутились в городе. Полковник Пикетт и прокурор Крумит словно ходили по замкнутому кругу все медленнее и медленнее.

Наконец шум в городе и прессе утих.

Эллери вернулся в Нью-Йорк в философском настроении. Чем больше он думал об этом «деле», тем больше убеждался, что решение должно быть крайне простым. По его мнению, показания свидетелей не подлежали сомнению. Действительно, существовал некий Велия Крозак, иммигрант, говорящий по-английски, шарлатан, который из каких-то темных побуждений замыслил убийство, выследил и лишил жизни жертву — сельского школьного учителя, тоже, кстати, иммигранта. Преступление выявляло недюжинный ум, пораженный маниакальным недугом. Что скрывалось за ним — религиозный фанатизм, кровная месть или вражда, — вероятно, узнать никогда не удастся. Крозак, выполнив какую-то миссию и совершив зверское убийство, наверняка исчез и плывет куда-нибудь по далеким морям, поближе к своей родине. Что касается слуги Клинга, то, скорее всего, он стал безвинной жертвой, оказавшейся меж двух огней и убитой тем же маньяком только потому, что, возможно, увидел его лицо. Клинг мог оказаться тем самым мостом на пути отступления убийцы, который необходимо было сжечь. И вообще, тот, кому ничего не стоило отрубить голову жертве во имя

жуткого символа мести, мог с легкостью убрать с дороги любого, представляющего угрозу его собственной безопасности.

Итак, Эллери возвратился в Нью-Йорк к отцу.

— Я не собираюсь повторять, что я тебя предупреждал, — говорил Куин-старший, когда оба сидели за обеденным столом вечером, в день приезда Эллери, — однако нотации ты заслуживаешь.

— Валяйте, отец, — промямлил Эллери с набитым ртом.

— Мораль такова; убийство есть убийство, и девяносто девять процентов или девять десятых всех убийств, происходящих на земном шаре, объяснить проще простого. Абсолютно ничего сложного, понимаешь? Я не знаю, зачем ты помчался в забытый Богом и людьми Арройо, но наверняка первый же встречный нищий мог бы дать тебе ответ.

Эллери отложил вилку.

— Но ведь логически…

— Та, та, та, — насмешливо пропел инспектор, — иди-ка лучше спать.

С того дня прошло полгода, и Эллери совершенно забыл про убийство в Арройо. К тому же он был загружен — в Нью-Йорке всегда много

дел. Большой город не был символом братской любви людей, там то и дело происходили преступления и убийства. Инспектор, участвуя в расследованиях, постоянно пребывал в исступленно-приподнятом состоянии, а Эллери время от времени присоединялся к отцу, когда какое-нибудь «дело» его особенно интересовало.

И вдруг во второй половине июня, то есть спустя шесть месяцев со дня убийства в Арройо, «дело» о распятом Эндрю Ване всплыло в памяти Эллери.

Было это в среду, 22 июня. Эллери и инспектор Куин сидели за завтраком, когда раздался звонок в дверь и Джуно, прислуга в доме Куинов, пошел открывать и вернулся с телеграммой для Эллери.

«Интересно, — удивился Эллери, вскрывая конверт, — кому это не терпится со мной связаться с утра пораньше?»

— От кого? — пробормотал инспектор, заглатывая кусок сэндвича.

— Сейчас посмотрим. — Эллери развернул телеграмму и взглянул на подпись. — От Ярдли! Вы помните, отец, профессора Ярдли? Моего университетского наставника?

— Как же, конечно. Древнейшая история, да? Помню, он останавливался у нас, когда приезжал

в Нью-Йорк.

Несимпатичный такой, с бакенбардами.

— Лучший профессор в мире, а бакенбарды он сбрил. Господи, сто лет о нем не слышал! С чего бы вдруг…

— Советую тебе прочитать телеграмму, — саркастически заметил Куин-старший. — Это верный способ узнать, зачем человек тебе пишет. В некоторых вопросах, сын, ты глуп, как пробка.

Однако насмешливость в его глазах исчезала по мере того, как менялось выражение лица Эллери, у которого по прочтении телеграммы отвисла челюсть.

— В чем все-таки дело? — полюбопытствовал Куин-старший. — Кто-нибудь скончался? — Инспектор был подвержен простонародному суеверию, считая, что от телеграмм добра не жди.

Эллери кинул телеграмму на стол, вскочил, швырнул Джуно салфетку и помчался в спальню, на бегу стаскивая рубашку. Инспектор прочел:

ДУМАЮ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ ЗАХОТИТЕ СОВМЕСТИТЬ ПРИЯТНОЕ ПОЛЕЗНЫМ ТЧК ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАНЕСТИ ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ ТЧК УБИЙСТВО РЯДОМ МОИМ

ДОМОМ ТЧК ПРОИЗОШЛО СЕГОДНЯ УТРОМ ТЧК ПОЛИЦИЯ…

ПРИБЫВАЕТ ТЧК ВЕСЬМА ЛЮБОПЫТНО ТЧК, СОСЕД РАСПЯТ ТОТЕМНОМ СТОЛБЕ ЗПТ ГОЛОВЫ НЕТ ТЧК ЖДУ ВАС СЕГОДНЯ ТЧК ЯРДЛИ

Глава 4
Брэдвуд

О том, что случилось нечто необычное, стало заметно задолго до того, как старенький «дюсенберг» Эллери прибыл к месту назначения.

Дорога на Лонг-Айленд, по которой уехал Эллери, по обыкновению превышая скорость, была забита полицейскими, совершенно не обращавшими внимания на высокого молодого человека в гоночном автомобиле, который мчался со скоростью пятьдесят пять миль в час.

Эллери с присущим всем гонщикам эгоцентризмом ждал, что его кто-нибудь остановит. Тогда бы он высокомерно бросил в лицо своему моторизованному противнику; «Полиция, экстренно!», поскольку он все-таки заставил отца телефонировать в город, где произошло убийство, и объяснить Вогну, инспектору муниципального полицейского управления Нассау, что «его замечательный сын» (он так и выразился) едет к ним в штат, и не будет ли мистер Вогн так любезен ввести юного следопыта в курс дела. И, как преподнес это инспектор, отец сообщил далее, что

«его замечательный сын» располагает информацией, представляющей интерес для Вогна и для окружного прокурора. Затем последовал звонок окружному прокурору муниципального суда Нассау мистеру Исхему с просьбой оказать содействие «его замечательному сыну». Мистер Исхем, издерганный и взвинченный, промямлил что-то вроде «все новости хороши, инспектор, пусть приезжает» и обещал, что до приезда Эллери на месте преступления ничего трогать не будут.

Около полудня «дюсенберг» катил уже по одной из частных автострад Лонг-Айленда, где и был остановлен мотоциклистом-полисменом.

— Брэдвуд в этом направлении? — спросил Эллери.

— В этом-то в этом, только вам туда не надо, — ухмыльнулся полисмен. Разворачивайтесь и поезжайте отсюда.

— Меня ждут инспектор Вогн и прокурор Исхем, — с обаятельной улыбкой ответил Эллери.

— Ол'райт. Вы мистер Куин? Прошу прощения, сэр, проезжайте.

Эллери с видом победителя нажал на газ и через пять минут катил между двумя частными владениями; одно, судя по группе полицейских

автомобилей у ворот, — Брэдвуд, где и произошло убийство; второе, судя по тому что оно располагалось на противоположной стороне, — обитель его друга и бывшего наставника профессора Ярдли. Сам профессор, высокий, загорелый, худощавый человек с некрасивым лицом и маленькой бородкой, что делало его похожим на президента Авраама Линкольна, подбежал к Эллери и схватил за руки, едва тот успел выбраться из своего «дюсенберга».

— Куин, как я рад вас видеть!

— И я, господин профессор. Сколько лет минуло!

Что вы тут делаете, на Лонг-Айленде? Когда я слышал о вас в последний раз, вы все еще жили в университетском городке и пестовали второкурсников.

Профессор улыбнулся в бородку.

— Я, знаете ли, арендовал замок Иф. — Эллери оглянулся туда, куда профессор махнул рукой, и увидел высящиеся над верхушками деревьев шпили замка в восточном стиле. — У одного старого моего друга. Он по собственному проекту построил сей минарет после того, как его укусила какая-то азиатская муха. Сейчас он уехал в экспедицию на юг Малой Азии, и я летом обитаю здесь,

ибо мне нужны спокойные условия для работы над опусом «Истоки легенды об Атлантиде». Вы знакомы с упоминанием о ней у Платона?

— Конечно, господин профессор. — Эллери улыбнулся. — Я знаком и с «Новой Атлантидой» Бэкона. Но, по правде говоря, это был интерес скорее литературный, чем научный.

Ярдли кивнул.

— Вы нисколько не изменились, мой юный студент, как вижу… Да-с, стало быть, так…

— Как вам пришло в голову вспомнить обо мне?

Они шли по асфальтовой дорожке, ведущей к огромному особняку, построенному в восточном стиле.

— В силу обстоятельств, мой друг, — помолчав, заговорил профессор. — Я с интересом слежу за вашей карьерой и, поскольку, внимательно читаю газеты, то полгода назад наткнулся на загадочное убийство в Западной Виргинии…

— Да, мне следовало знать, что ничто не укроется от вашего острого взгляда. Значит, вы прочли мою романтическую версию преступления в Арройо?

— Разумеется, и заметку о вашем не менее романтическом выступлении в зале суда. Мне

было приятно убедиться, что вы на практике пытались применить те основы знаний, которые я вдалбливал вам в университетские годы. Вы твердо усвоили, что всегда надо смотреть в корень. Египетский крест, мой мальчик? Боюсь, что романтичность несколько заслонила голую научную истину… Ну вот мы и пришли, — Что вы имеете в виду? — нетерпеливо начал Эллери. — «Тау» крест принадлежал древним египтянам…

— Поговорим позже. Думаю, вам интересно будет встретиться с мистером Исхемом. Он был так любезен, что разрешил мне при сем присутствовать.

Окружной прокурор Исхем оказался низким, полным человеком средних лет, с бледно-голубыми глазами и проседью в волосах. Он стоял на веранде огромного особняка и беседовал с высоким, крепким мужчиной в штатском.

— Мистер Исхем, — обратился к нему профессор Ярдли, — позвольте вам представить моего протеже, Эллери Куина.

Оба джентльмена обернулись.

— Ах, да, — произнес Исхем. — Рад, что вы прибыли, мистер Куин. Не знаю, сможете ли вы чем-нибудь помочь, и тем не менее… — Он пожал плечами. — Познакомьтесь, инспектор Вогн из

полицейского управления Нассау.

Эллери пожал руки обоим.

— Вы позволите мне побродить вокруг? Обещаю не путаться у вас под ногами.

Инспектор улыбнулся, сверкнув безупречными зубами.

— Нам бы не помешал кто-нибудь, путающийся под ногами. Что же мы стоим? Не хотите ли осмотреть место происшествия?

— Считаю своим долгом. Идемте, господин, профессор.

Все четверо спустились с веранды и направились по аллее к западному крылу особняка. Отсюда было хорошо видно, что особняк расположен между той самой частной автострадой, где Эллери оставил свой «дюсенберг», и небольшой бухтой, водная гладь которой, позолоченная лучами солнца, виднелась с небольшого холма возле особняка. Кетчемская бухта, пояснил прокурор Исхем, являлась как бы продолжением Лонг-Айлендского пролива. Посреди бухты высился маленький лесистый островок Ойстер-Айленд.

— Уникальный в островной коллекции… — начал Ярдли.

Прокурор Исхем резко прервал профессора на полуслове;

— Мы еще к этому вернемся.

Профессор Ярдли замолчал и от дальнейших комментариев воздержался.

Аллея вела в глубь парка, и на расстоянии примерно в тридцать футов от особняка путников обступили огромные деревья, и почудилось, будто они попали в густой лес. Пройдя футов сто, они вдруг очутились на поляне, посреди которой стоял внушительный резной столб.

Путники остановились и умолкли, как это случается с людьми, неожиданно столкнувшимися с похоронной процессией. Вокруг столба суетились полицейские и детективы, но Эллери их не замечал, глядя поверх голов на сам тотемный столб.

Резной столб был высотой около девяти футов, который в свое время, судя по остаткам краски, был расписан, но краска сильно облупилась и выцвела, словно он стоял тут веками, а резьба, представлявшая собой переплетение гаргульих голов и странных фантастических зверей, оканчивалась наверху грубо вырубленной фигурой орла с опущенной головой и распростертыми крыльями.

Орлиные крылья были плоскими, и Эллери сразу бросилось в глаза, что эта нелепая скульптурная композиция похожа на заглавную букву

Т.

На столбе висело мертвое человеческое тело, руки были прикреплены веревками к крыльям орла, ноги привязаны к столбу на высоте примерно трех футов от земли. Острый клюв деревянной птицы зловеще нависал над телом на расстоянии дюйма от кровавой раны в том месте, где была голова. Зрелище было жутким, отвратительным — обезглавленный труп, провисший, дряблый, был похож на тряпичную куклу с оторванной головой.

— Да… — прервал тягостное молчание Эллери. — Ну и зрелище…

— Убийственное зрелище, — пробормотал прокурор Исхем. — В жизни ничего ужаснее не видел. Прямо кровь стынет в жилах. — Он передернулся. — И все-таки подойдем туда.

Они приблизились к столбу. Эллери заметил в просвете между деревьями, на расстоянии нескольких ярдов, маленькую беседку с соломенной крышей-навесом, которую охранял полицейский. Эллери приступил к осмотру трупа. Это был мужчина средних лет, с брюшком внушительных размеров и узловатыми старческими руками, одетый в серые фланелевые брюки, шелковую рубашку, расстегнутую на груди, белые

ботинки, белые носки и вельветовую домашнюю куртку, тело которого, от шеи и до ступней ног, являло собой сплошную кровавую массу, словно его окунули в ванну, наполненную кровью.

— Это и есть тотемный[4] шест? спросил Эллери, обращаясь к профессору Ярдли.

— «Тотемный столб», — уточнил Ярдли, — таков наиболее часто встречающийся термин. Я не специалист по тотемизму, но реликвия либо североамериканского примитивизма, либо отличная подделка. Никогда не видел ничего подобного. Орел символизирует Орлиный клан.

— Наверное, тело опознали?

— Разумеется, — откликнулся инспектор Вогн. — Вы видите останки Томаса Брэда, владельца Брэдвудского поместья, миллионера, занимавшегося импортом ковров.

— Но тело еще не сняли. Как же можно быть уверенным?

Прокурор, казалось, чуть смутился.

— Это вне всякого сомнения мистер Брэд. Одежда его, да и животик у него приметный, — Вам виднее. А кто обнаружил тело?

— Это случилось в половине седьмого утра, —

---

[4] Примечания: 4

Тотем — в некоторых примитивных верованиях животное, растение или какой-нибудь предмет, являющиеся культовыми.

начал пояснения инспектор. — Нашел тело один из слуг мистера Брэда, шофер, он же садовник, по имени Фокс. Парень живет в домике, примыкающем к особняку в парке.

Он отправился сегодня утром, как было заведено, за автомобилем, — гараж расположен позади особняка, — для мистера Джона Линкольна, одного из служащих. Оказалось, Линкольн не готов был еще ехать, и Фокс пошел на лужайку полюбоваться цветами. Там он и наткнулся на это… Чуть, говорит, не рехнулся от ужаса.

— Неудивительно, — задумчиво заметил профессор Ярдли; который был человеком впечатлительным от природы и в данный момент так скрупулезно рассматривал деревянные скульптуры на тотемном столбе, словно перед ним был исторический памятник.

— Итак, — продолжал инспектор, — Фокс тем не менее сумел взять себя в руки и побежал обратно к особняку. А дальше как обычно — шум, гам. Парень поднял на ноги весь дом. Но никто ничего не трогал. Линкольн, о котором я упоминал, хотя и довольно нервный, но хладнокровный тип, следил за порядком до нашего приезда.

— А кто он такой, этот Линкольн? — вежливо поинтересовался Эллери.

— Главный управляющий делами фирмы Брэда. Может быть, знаете, «Брэд и Мегара», — пояснил Исхем, — крупные импортеры ковров. Линкольн живет в особняке, насколько я осведомлен, мистер Брэд его очень любил.

— Стало быть, ковровые магнаты? А Мегара, он тоже живет здесь?

Исхем пожал плечами.

— Да, когда не путешествует. Как раз сейчас он совершает круиз. Насколько я понял, это его обычное занятие. Брэд был активным компаньоном, а Мегара, пожалуй, нет.

— В таком случае, думаю, мистер Мегара, как заядлый путешественник, мог бы нам объяснить происхождение тотемного шеста, или столба, как уточнил господин профессор, впрочем, не в этом суть…

Маленький сморщенный человечек с большим черным саквояжем в руках двигался по направлению к ним.

— А вот и доктор Рамсен, — облегченно вздохнул прокурор Исхем. Судебно-медицинский эксперт Нассау. Здравствуйте, господин доктор. Взгляните сюда.

— Да уж вижу, — сказал маленький доктор, поморщившись. — Что тут, чикагская бойня,

что ли?

Доктор Рамсен кинул быстрый профессиональный взгляд на тело, насупился и велел:

— О'кей, снимайте. Что мне, тело на столбе, что ли, осматривать?

Инспектор подозвал двух детективов, и они бросились к телу, выхватив ножи. Один побежал в беседку, приволок плетеный стул. Приставив стул к столбу, полицейский влез на сиденье и протянул руку с ножом.

— Разрезать, шеф? — спросил он, прежде чем занести лезвие над веревкой, которая удерживала правую руку Брэда. — Может, веревка нужна целиком, так я могу развязать узел.

— Режьте, — кивнул инспектор. — Мне нужен узел.

Может быть, в нем разгадка?

Подошли другие детективы, и неприятная процедура снятия тела убитого с тотемного столба была завершена в полном молчании, — Между прочим, озадаченно спросил Эллери, наблюдая за манипуляциями детективов, — как убийца умудрился поднять тело на столб, а потом привязать руки к крыльям орла, раскинутым на добрых девять футов над землей?

— Как и детективы, — сухо заметил проку-

рор. — Мы нашли залитый кровью плетеный стул, как тот, что вы видели в беседке. Убийц было либо двое, либо один, но тогда он просто силач. Не так-то легко поднять мертвое тело на такую большую высоту, да еще и закрепить в нужном положении.

— Окровавленный стул вы нашли в беседке? — уточнил Эллери.

— Да, видимо, убийца отнес его обратно. В беседке есть еще кое-что, на что стоит посмотреть.

— Тут тоже есть кое-что интересное, — сказал инспектор Вогн, когда тело убитого наконец сняли со столба и уложили на траву. — Вот это. — Он вынул из кармана и передал Эллери маленький круглый предмет — деревянную игральную шашку красного цвета.

— Гмм… — промычал Эллери. — Как прозаично! Где вы ее нашли?

— На гравии, — ответил Вогн. — Справа, в нескольких футах от столба.

— А почему вы думаете, что это важная улика? — спросил Эллери, вертя шашку в руке.

Вогн засмеялся.

— Любопытно, как мы ее нашли. Судя по всему, шашку подбросили недавно. На чистом сером гравии предмет красного цвета — как сигнал

тревоги. Дорожку тут Фокс расчищает граблями каждый день, поэтому в дневное время шашки явно не было. Фокс бы увидел, и он это подтверждает. Я полагаю, шашка имеет отношение к событиям прошлой ночи, ее подложили в темноте, когда не было заметно.

— Гениально, инспектор! — воскликнул Эллери. — Вы мастер своего дела, профессионал. — Он вернул шашку инспектору как раз в тот момент, когда доктор Рамсен подбежал к ним, мертвенно бледный, выкрикивая слова, вовсе не относящиеся к медицине.

— Что случилось? — спросил инспектор. — Вы что-нибудь обнаружили? — И он вслед за доктором направился к трупу.

— Чертовски странная штука! Я такого ни разу не видел, — нервно бубнил медэксперт. — Вот, полюбуйтесь.

Тело Томаса Брэда лежало, распростертое на траве, в нескольких шагах от столба, словно рухнувшая мраморная статуя с раскинутыми руками, и было, если отбросить одежду и брюшко, точной копией тела Эндрю Вана, которое Эллери осматривал в Вейртоне шесть месяцев назад.

«Оба, — с ужасом подумал Эллери, — были некогда живыми существами, которым чья-то

звериная рука придала жуткую форму буквы Т…» Он тряхнул головой и присоединился к остальным, пожелавшим узнать, что вывело из себя доктора Рамсена.

Доктор поднял правую руку убитого и показал на посиневшую ладонь, в центре которой, будто нарисованная, виднелась красного цвета спираль, местами прерывистая и нечеткая.

— Что вы на это скажете? — вопрошал Рамсен. — Это не кровь, а рисунок краской или татуировка. Но я не понимаю, какого черта?

— Похоже, — начал Эллери, — что ваши предсказания верны, инспектор. Шашка справа от столба, правая рука мертвеца…

— Ну конечно, Господи! — воскликнул инспектор Вогн, достал шашку из кармана и приложил ее верхней стороной к ладони жертвы. Рисунок совпал, и инспектор взглянул на столпившихся вокруг него людей с видом победителя. Но, действительно, какого черта?

Окружной прокурор Исхем покачал головой.

— Я думаю, не так уж это и сложно. Вы ведь не были еще в библиотеке мистера Брэда, Вогн. Поэтому вы не в курсе. Там стоит игральный столик с шашками, так что можете пройти туда и осмотреть его. Полагаю, Брэд просто держал шашку

в руке в тот момент, когда его убили, а убийца этого не знал, и, когда он начал привязывать тело к столбу, шашка выпала.

— Стало быть, убийство произошло в особняке потерпевшего? — спросил Эллери.

— Нет, нет. В беседке. Об этом свидетельствуют многие факты, и не надо переоценивать находку. Шашка случайно оказалась в руке Брэда, рука вспотела, и рисунок отпечатался на ладони.

Оставив доктора Рамсена возле мертвого тела, распростертого на траве, в окружении полицейских, они направились к беседке, расположенной в нескольких шагах от столба-распятия. Эллери, прежде чем войти в беседку, долго осматривал все вокруг.

— Невероятно, но тут нет никакого освещения, — заметил он.

— Убийца пользовался карманным фонариком, в случае, если убийство происходило ночью, — уверенно пояснил инспектор, — Но более точное время определит доктор Рамсен, когда выяснит, сколько времени Брэд уже мертв.

Полицейский, стоявший у входа в беседку, взял под козырек и пропустил подошедших. Беседка была крохотной, наподобие шатра, сплетенная грубо и неряшливо из толстых веток и прутьев,

с остроконечным навесом — крышей из соломы, со стенами, наполовину плотными, а в верхней части, до крыши, решетчатыми. Внутри беседки стояли плетеный стол и два плетеных стула, один залитый кровью.

— Ну на этот счет сомнений нет, — заявил прокурор Исхем, криво усмехаясь и указывая на пол, в центре которого виднелось большое жирное пятно красно-бурого цвета.

Неожиданно подал голос профессор Ярдли;

— Послушайте, это не человеческая кровь. Откуда так много?

— Именно человеческая, — мрачно возразил Вогн. — Крови так много, потому что на этом месте Брэду отрубили голову.

Внимательные глаза Эллери обнаружили на полу, под плетеным столом, начертанное кровью заглавное Т.

— Знакомая картинка, — пробормотал он, громко сглотнув и с трудом отрывая взгляд от магического символа. — Мистер Исхем, как вы объясните Т на полу?

Окружной прокурор воскликнул, воздев руки к небу;

— Боже мой, мистер Куин! Позвольте уж мне вас спросить! Я давно играю в криминальные

игры, возможно, старомоден, но вы-то опытны в такого рода делах.

Как, по-вашему, может ли здравомыслящий человек усомниться, что все это — дело рук маньяка?

— Конечно, не может, И здравомыслящий не сделает ничего подобного. Вы совершенно правы, мистер Исхем. А как насчет тотемного столба? На счастье, что ли, его поставили, а, господин профессор?

— Тотемный столб? — переспросил профессор Ярдли. — Вы имеете в виду религиозную символику? — Он вздохнул. — Неким образом тут переплелись воедино символы североамериканского фетишизма, христианства и примитивного фаллицизма. Маньяку, пожалуй, такое не под силу.

Вогн и Исхем с интересом прислушивались к ученым толкованиям профессора, а Эллери тем временем принялся разглядывать что-то валяющееся на полу рядом с кровавой лужей. Это была курительная трубка с длинным мундштуком.

— Мы исследовали ее, — перехватив взгляд Эллери, заметил Вогн, — и обнаружили отпечатки пальцев Брэда.

Это его трубка, здесь он обычно курил. Мы по-

ложили ее обратно туда, где нашли, специально для вас.

Эллери с признательностью кивнул головой. Трубка была необычная, удивительной формы — с чашей, изящно вырезанной в виде головы Нептуна и мундштуком-трезубцем. Она была наполовину заполнена пеплом, а невдалеке, на полу, куда указал Вогн, лежал такого же цвета табачный пепел, словно трубку выронили и часть пепла просыпалась.

Эллери протянул руку к трубке и внезапно замер.

— Вы уверены, инспектор, что это трубка жертвы?

Вы провели расследование, опрашивали на этот предмет обитателей особняка?

— Нет, знаете ли… — ответил Вогн. — А какой смысл?

В конце концов, на трубке пальцевые отпечатки.

— Да и одет он в домашнюю куртку, в которой обычно курил, — подтвердил Исхем, — и никаких следов другого табака — сигарет или сигар. Непонятно, мистер Куин, что вас смущает?

Профессор Ярдли улыбнулся в бородку, а Эллери, как бы оправдываясь, сказал:

— Я ни в чем не сомневаюсь. Просто я зануда по натуре. Может быть... Он взял в руки трубку, аккуратно выбил из нее пепел на стол, заглянул внутрь и увидел на дне остатки полусгоревшего табака. Из нагрудного кармана Эллери вынул прозрачный пакетик и вытряхнул в него табак. Остальные молча наблюдали за Эллери.

— Понимаете, — объяснил Эллери, — я привык все проверять. Я не утверждаю, что трубка не принадлежит мистеру Брэду. Однако я могу предположить, что табак в ней не его. Допустим, табаком жертву угостил убийца.

Вполне вероятное умозаключение. Как вы, наверное, заметили, трубочный табак нарезан кубиками, а не помолот обычной мелкой крошкой. Если мы обследуем табакерку мистера Брэда и найдем в ней нарезанный кубиками табак, значит, он курил свой. Если нет — табаком его угостил убийца, и это будет важный вывод. Извините, я увлекся, — Что ж, это не лишено смысла, — заметил Исхем, — Как вам удалось до всего этого докопаться? — спросил Вогн.

Эллери тщательно протер стекла очков и увлеченно заговорил;

— Странным казался бы любой вывод, помимо следующего: убийца или был вместе с мистером

Брэдом, когда тот очутился в беседке, или не был, третьего не дано. Во всяком случае, когда мистер Брэд вышел в парк и направился к беседке, в руке он держал красную шашку, по непонятной причине захваченную со столика, за которым, как вы утверждаете, он играл. В беседке на него кто-то напал и убил. Возможно, нападение произошло, когда он курил, и трубка выпала изо рта на пол.

Вероятно, он держал правую руку в кармане и машинально поигрывал шашкой, а в момент гибели зажал ее в кулаке, где она и оставалась, когда его убили, обезглавили, притащили к столбу и привязали. Именно тогда шашка и выпала, не замеченная убийцей. Но зачем мистер Брэд держал ее в руке неясно. Мне кажется, в этом — разгадка преступления. Темное дело, не правда ли, господин профессор?

— Кому ведома природа света? — пробормотал профессор.

В беседку вошел доктор Рамсен.

— Готово, — провозгласил он.

— Ваше заключение, док? — нетерпеливо спросил Исхем.

— На теле нет никаких следов насилия, — заявил доктор. — Это свидетельствует о том, что орудие убийства было направлено в голову.

Эллери вспомнил доктора Стрэнга, который давал показания в зале суда Арройо.

— А мог он быть задушен? — поинтересовался Эллери.

— Пока ответить затруднительно. Это покажет аутопсия — по состоянию легких. Но уже наступило трупное окоченение.

— Как давно он умер? — спросил инспектор Вогн, — Около четырнадцати часов назад.

— Тогда уже стемнело! — воскликнул Исхем. — Стало быть, преступление было совершено около десяти часов, вчера вечером.

Доктор Рамсен нетерпеливо переминался.

— Позвольте закончить. Мне давно пора быть дома.

У потерпевшего небольшое родимое пятно выше правого колена, на бедре. Других особых примет нет. У меня все, Когда они выходили из беседки, инспектор вдруг сказал:

— Хорошо, что я вспомнил, мистер Куин! Ваш отец сообщил мне по телефону, что вы располагаете какой-то информацией и готовы ею поделиться.

Эллери и профессор Ярдли переглянулись.

— Да, — подтвердил Эллери, — располагаю. Скажите, инспектор, что в этом преступлении

вас особенно удивляет?

— Все меня удивляет, — усмехнулся Вогн. — А что?

Эллери в раздумье пнул ногой камешек. Мимо тотемного столба они прошли в молчании. Тело Томаса Брэда было уже накрыто, и несколько человек укладывали его на носилки. Группа направилась к особняку убитого.

— У вас не возникал вопрос, — продолжил Эллери свои рассуждения, почему человек был обезглавлен и распят на тотемном столбе?

— Возникал, ну и что? — фыркнул Вогн. — Мало ли сумасшедших преступников?

— Не хотите же вы сказать, что не заметили бесчисленных символов Т, возразил Эллери.

— Бесчисленных Т?!

— Сам тотемный шест по форме напоминает букву Т: шест — как нога, крылья орла — как перекладина наверху. И мертвое тело распято в виде Т: голова отрублена, руки вытянуты в стороны, ноги плотно связаны. Наконец, а беседке на полу кровью начертано Т.

— Заметить-то я заметил, но что с того?

— Позвольте закончить мысль, — прервал его Эллери, — И само слово «тотем» начинается с Т.

— Чушь, чушь, чушь, — нетерпеливо заговорил

прокурор, — простая случайность. И столб, и положение тела — случайные совпадения.

— Случайность? — Эллери вздохнул. — А то, что шесть месяцев назад в Западной Виргинии было совершено подобное же убийство? Тело было обезглавлено и распято на Т-образном дорожном столбе-указателе, расположенном на Т-образном перекрестке, и на доме жертвы кровью было начертано Т. Вы это тоже назовете случайным совпадением?

Исхем и Вогн остановились как вкопанные. Прокурор побледнел от волнения.

— Вы шутите, мистер Куин?

— Удивляюсь, господа, — вмешался в разговор профессор Ярдли. — В конце концов, это ваша профессия.

Ведь даже я, неисправимый сибарит и лежебока, и то читал об этом убийстве, о нем трубили все газеты…

— Постойте-ка, дайте подумать… — пробормотал Исхем. — Кажется, я припоминаю…

— Господи, мистер Куин! — воскликнул Вогн. — Это невероятно! Это просто невозможно!

— Невероятно — да, — откликнулся Эллери, — невозможно — нет, поскольку имело место быть. Свидетелем по делу, помимо прочих, выступал

некий экзотический старец, назвавшийся Ра-Хараштом, или просто Хараштом…

— Надо бы с ним побеседовать… — начал профессор Ярдли.

— Харашт?! — воскликнул инспектор Вогн. — Есть у нас тут один псих с таким именем, проповедник в нудистской колонии на Ойстер-Айленде, в Кетчемской бухте.

Глава 5
Дела личного порядка

Как говорится, декорации переменились, и настала очередь Эллери удивляться. Бородатый фанатик вблизи Брэдвуда! Ближайший сподвижник Велии Крозака появляется на сцене преступления, как две капли воды похожего на первое! Даже не верилось…

— Мне кажется, — заговорил Эллери, когда они поднимались по ступенькам крыльца на веранду, — что мы расследуем дубликат первого убийства с убийцей-двойником и одинаковыми участниками. Харашт…

— Мне все некогда вам сказать, Куин, — прервал его профессор Ярдли, что с вашим знанием египтологии вам давно пора прийти к тому же выводу, к какому пришел и я.

— Так быстро? — поразился Эллери. — И к какому же выводу вы пришли?

Улыбка осветила широкое некрасивое лицо Ярдли.

— Харашт. Хотя я и не привык обвинять людей бездоказательно, но… В общем, распятия и сим-

волы Т всюду следуют за ним, не так ли?

— Вы забыли о Крозаке.

— Дорогой мой, — начал наставительным тоном профессор, — вы, хорошо меня знаете, я никогда ничего не забываю. Разве действия Крозака противоречат моему утверждению? В конце концов, в криминалистике есть такое понятие, как «соучастник», которого мы имеем, помимо некоего физически сильного и примитивно мыслящего индивида…

Но тут подбежавший Вогн прервал его высоконаучные рассуждения.

— Я только что распорядился взять под наблюдение Ойстер-Айленд, сообщил он. — Надо поторопиться осмотреть то место, как только закончим здесь.

Окружной прокурор был, казалось, смущен стремительным развитием событий.

— Вы хотите сказать, что именно напарник Харашта подозревается в убийстве? Как он выглядит, черт возьми? — Прокурор с большим вниманием стал слушать рассказ Эллери о событиях в Арройо.

— Был составлен словесный портрет, впрочем, совершенно недостаточный для следствия. Особая примета — этот человек хромает. Нет,

мистер Исхем, дело далеко не простое. Видите ли, насколько я понимаю, Ра-Харашт единственный, кто способен опознать Крозака. Но если наш друг «Воплощенный Солнце-Бог» проявит упрямство…

— Давайте войдем, — нетерпеливо произнес инспектор Вогн. — Это для меня уж слишком. Я хочу поговорить с обычными людьми и услышать обычные новости.

В гостиной «восточного» особняка их ожидали одетые в траур три человека, сидевшие в креслах, которые вскочили навстречу Эллери и его спутникам. Глаза их покраснели от слез, лица осунулись, движения были нервными и порывистыми, как у кукол-марионеток, которых дергали за ниточки.

— Здравствуйте, — приветствовал их сухим трескучим голосом высокий, стройный, хорошо сложенный мужчина, которому на вид было лет тридцать пять и который, судя по акценту, был родом из Новой Англии.

— Добрый день, — любезно ответил прокурор Исхем. — Миссис Брэд, это мистер Эллери Куин, он приехал из Нью-Йорка, чтобы помочь нам в расследовании.

Эллери произнес приличествующие ситуации

слова, но руки ему не подали. Маргарет Брэд, женщина лет сорока пяти с мужеподобной, но стройной фигурой, двигалась и говорила, словно во сне, едва шевеля пересохшими губами.

— Очень рада, благодарю вас, мистер. Куин. Я… — Она отвернулась и села, не окончив фразу, словно забыла, что хотела сказать.

— Падчерица мистера Брэда, — представил прокурор. — Мисс Брэд — мистер Куин.

Хелен Брэд улыбнулась, кивнула и, ни слова не говоря, подошла к матери. Это была молодая девушка с большими красивыми глазами, ярко-рыжими волосами и миловидным открытым лицом.

— Итак? — вопросительно произнес мужчина с трескучим голосом.

— Да, да… — пробормотал Вогн. — Мистер Куин…

Вообще-то мы хотели ввести в курс дела мистера Куина, и, кроме того, час назад мы еще не были готовы к каким-либо определенным выводам.

Слушавшие его обитатели особняка согласно закивали головами, как марионетки кукольного представления.

— Может быть, мистер Куин, вы и начнете?

— Отнюдь, — ответил Эллери. — Я вмешаюсь,

лишь когда обдумаю кое-что, поэтому не обращайте на меня внимания.

Мощная фигура инспектора Вогна возвышалась у камина. Скрестив руки на груди, он уставился на Линкольна. Исхем присел, вытирая вспотевший лоб. Профессор, вздохнув, направился к окну и посмотрел на раскинувшийся перед ним парк и убегающее вдаль шоссе, В особняке было тихо, как после шумной вечеринки или после похорон. Никакого плача, возгласов, истерии. Никто, кроме миссис Брэд, ее дочери и Джона Линкольна, никакие другие обитатели особняка, даже прислуга, так и не появились.

— Первое, что следует выяснить, — начал Исхем, — связано с событиями прошлого вечера и ночи, а также с билетами в театр. Мистер Линкольн, не расскажете ли нам подробности?

— С билетами в театр?.. Ах, да… — Остекленелый взгляд Линкольна уперся в стену поверх головы Исхема. — Вчера Том позвонил миссис Брэд из конторы и сообщил, что заказал билеты в театр на Бродвее — для нее, для Хелен и для меня. Миссис Брэд и Хелен должны были встретиться со мной в городе, а он собирался вернуться домой, о чем позже сам мне сказал. Он просил, чтобы я сопровождал дам в театр, поэтому отказаться

я не мог.

— Ас чего бы вам отказываться? — удивился инспектор.

На лице Линкольна появилось сосредоточенное выражение.

— Меня это страшно удивило, так как театр был совсем не ко времени. У нас возникли некоторые проблемы со счетами, и вчера я намеревался поработать допоздна вместе с бухгалтером. Я сказал об этом Тому, но он настаивал…

— Я поняла, — вмешалась миссис Брэд каким-то безучастным голосом, — что он хотел от нас избавиться в тот вечер. — Она вдруг задрожала, и Хелен обняла ее за плечи.

— Миссис Брэд, — продолжал Линкольн, — Хелен и я встретились у Лонгчемпса, чтобы пообедать, а затем мы пошли в театр.

— В какой театр? — уточнил Исхем.

— В «Парк-театр». Я проводил дам и…

— Вы все же решили вернуться в контору? — заметил инспектор Вогн.

— Да. Я извинился и пообещал встретить их после спектакля, а сам отправился в контору.

— И работали вместе с бухгалтером, не так ли? — вкрадчиво произнес Вогн.

Линкольн уставился на него.

— Да… О, Господи… — Он вскинул голову и глотнул воздух ртом, словно утопающий. Никто не проронил ни слова. Наконец он взял себя в руки, принял прежнюю позу и продолжал:

— Я освободился поздно и сразу же поехал в театр…

Инспектор все тем же вкрадчивым тоном прервал его:

— Бухгалтер все время был с вами?

Линкольн вопросительно взглянул на него.

— В чем дело? Что, собственно, вы имеете в виду? Он ушел в восемь часов. Потом я работал один.

Инспектор Вогн откашлялся, глаза его заблестели.

— В котором часу вы приехали за дамами в театр?

— В одиннадцать сорок пять, — произнесла неожиданно вмешавшаяся Хелен таким уверенным тоном, что мать даже оглянулась. — Дорогой инспектор, вы ведете нечестную игру. Вы подозреваете Джона в чем-то дурном и пытаетесь поймать его на лжи или. Бог знает, на чем еще.

— Правда еще никому не вредила, — холодно заметил Вогн. — Продолжайте, мистер Линкольн.

Линкольн моргнул.

— Я подождал дам в фойе. Потом мы поехали домой.

— На машине?

— Нет, поездом. Когда мы вышли на перрон, Фокса не было. Пришлось взять такси.

— Такси? — удивился Вогн. Он немного помолчал и, не говоря ни слова, внезапно покинул гостиную. Женщины испуганно посмотрели ему вслед.

— Дальше, пожалуйста, — попросил Исхем. — Что было не так, когда вы вернулись домой? Во сколько вы вернулись?

— Я точно не помню. Около часа, по-моему.

— После часа, — уточнила Хелен. — Вы, действительно, не помните, Джон.

— Да, не помню. Мы ничего особенного не заметили.

На аллее, ведущей к беседке?.. — Линкольн вздрогнул. — Но нам не пришло в голову пойти туда. Было темно, ничего не видно. Потом мы сразу легли спать.

Вернулся инспектор Вогн.

— Миссис Брэд, неужели вы до утра так и не обнаружили, что ваш муж исчез? — удивился Исхем.

— Мы спим в разных спальнях, — пояснила

миссис Брэд. — Поэтому я ничего не заметила. Мы узнали, что произошло с Томасом, от Фокса, сегодня утром…

Инспектор подошел к Исхему и стал что-то шептать ему на ухо. Прокурор кивнул.

— Как давно вы живете в особняке, мистер Линкольн? — спросил Вогн.

— Очень давно. Сколько лет, Хелен? — Управляющий обернулся и посмотрел на девушку. Взгляды их встретились, и в них вспыхнула симпатия. Молодой человек распрямил плечи, глубоко вздохнул, и остекленелость из его глаз исчезла.

— Восемь лет, Джон. — Голос ее дрогнул, и впервые за все время на глазах выступили слезы. — Я была еще ребенком, когда вы с Эстер приехали.

— Эстер? — в один голос вскрикнули Вогн и Исхем. — Кто это?

— Моя сестра, — ответил Линкольн спокойно. — С раннего детства мы остались сиротами и с тех пор неразлучны.

— А где же она сейчас? Почему ее нет?

Линкольн тихо ответил:

— Она на острове.

— На Ойстер-Айленде? — вскинулся Эллери. — Интересно… Она, случайно, не жрица Солнца? А?

Мистер Линкольн!

— Послушайте, что вы себе позволяете? Джон, ты же не… — воскликнула Хелен, — Моя сестра, — неохотно начал Линкольн, — несколько взбалмошная и всегда впутывается в какие-то нелепые истории. Пройдоха Харашт арендует остров у Кетчемов, давно там живущих и фактически являющихся его владельцами. Он обосновался на острове и проповедует культ Солнца, ну и… нудизм… — Линкольн поперхнулся. — Эстер увлеклась солнцепоклонниками, и мы поссорились. Упрямая девчонка удрала из Брэдвуда к этим придуркам-нудистам. Проклятые мерзавцы! — злобно воскликнул он, — Я не удивлюсь, если они окажутся замешанными в кровавом убийстве…

— Как вы проницательны, мистер Линкольн, — пробормотал профессор Ярдли.

Эллери кашлянул и обратился к неподвижно сидевшей миссис Брэд;

— Не будете ли вы так любезны ответить на несколько личных вопросов?

Миссис Брэд молча разглядывала свои ухоженные руки, — Насколько я понял, мисс Хелен Брэд — ваша дочь, падчерица вашего мужа. Второго мужа, миссис Брэд?

— Да, — ответила Маргарет.

— Мистер Брэд раньше был женат?

Она облизнула губы.

— Мы… Мы женаты двенадцать лет… Но я почти ничего не знаю о его первой супруге. По-моему, он женился, когда жил в Европе, и его супруга умерла в молодости…

— Да, да, понимаю, — посочувствовал Эллери. — А в какой части Европы он тогда жил?

Она взглянула на него, и щеки ее покрылись легким румянцем.

— Я точно не знаю; Томас был румын и жил, наверное, в Румынии.

Хелен Брэд вскинула голову и с негодованием произнесла;

— В самом деле, это какой-то абсурд. Вы хотите знать, откуда человек родом, на ком он был женат сто лет назад, вместо того чтобы расследовать, кто его убил.

— Что-то подсказывает мне, миссис Брэд, — печально улыбнулся Эллери, что география играет здесь не последнюю роль. Скажите, а мистер Мегара тоже румын?

Миссис Брэд посмотрела на него удивленно. Линкольн коротко ответил:

— Грек.

— О, Господи, зачем же… — начал прокурор.

Инспектор Вогн перебил его, улыбаясь;

— Но вы — коренные американцы?

Все трое кивнули. Глаза Хелен яростно сверкали, даже ее волосы, казалось, вспыхнули рыжим огнем. Она уставилась на Джона Линкольна, ожидая его протеста, но он сидел молча, разглядывая носки своих туфель.

— Где сейчас Мегара? — продолжал Исхем. — Кто-то говорил, что он в круизе. Что за круиз?

— Нет, — ответил Линкольн. — Ничего подобного.

Мистер Мегара путешественник, естествоиспытатель-любитель, У него собственная яхта, на которой он плавает.

Он отсутствует по три-четыре месяца в году.

— А сколько времени он отсутствует сейчас? — спросил Вогн, — Почти год.

— И где же он?

Линкольн вздрогнул.

— Я не знаю. Он никогда нам не сообщает, всегда появляется без предупреждения. Не понимаю, почему он на этот раз так долго отсутствует.

— Я думаю, — сказала Хелен, потирая лоб, — что он сейчас в южных морях. — Губы ее задрожали. Эллери заметил это и удивился.

— Как называется его яхта?

Хелен вспыхнула.

— «Хелен».

— Парусная яхта с паровым двигателем? — поинтересовался Эллери.

— Да.

— Есть ли там рация? — спросил Вогн.

— Да.

Инспектор записал что-то в блокнот и спросил;

— Он сам управляет яхтой?

— Нет, что вы. У него есть капитан и команда. Капитан Свифт служит у него много лет.

Эллери неожиданно уселся и вытянул ноги.

— Я полагаю… А как имя мистера Мегары?

— Стивен.

Исхем глубоко вздохнул.

— О, Господи, давайте придерживаться темы. Как долго Брэд и Мегара были компаньонами?

— Шестнадцать лет, — ответил Джон. — Они вместе начинали.

— Их дела шли удачно? Никаких финансовых затруднений?

Линкольн мотнул головой.

— Оба — и мистер Брэд, и мистер Мегара — были надежными партнерами. В их бизнесе, как и у всех, иногда бывает, случался спад, но дело

всегда процветало. — Он на минуту замолчал, и выражение его лица странно изменилось. — Не думаю, чтобы за убийством скрывались финансовые затруднения.

— Интересно, — усмехнулся Исхем. — А что, по-вашему, кроется за ним?

Линкольн задумался.

— Не кажется ли вам, мистер Линкольн, — вступил в беседу Эллери, — что тут замешана религия?

, Линкольн заморгал.

— Почему? Я так не думаю. Хотя само преступление, распятие…

Эллери вежливо улыбнулся.

— Между прочим, какого вероисповедания придерживался мистер Брэд?

Миссис Брэд, сидевшая по-прежнему прямо, с высоко поднятой головой, пробормотала;

— Том как-то говорил мне, что воспитывали православной греческой церковью, но набожным он не был.

Да и верующим, пожалуй, тоже. Скорее атеистом.

— А Мегара?

— Он вообще ни во что не верит… — В тоне проскользнуло что-то, заставившее присутствующих

украдкой взглянуть на нее, но лицо миссис Брэд осталось непроницаемым.

— Православная греческая церковь... — в раздумье протянул профессор Ярдли, — Вполне соответствует Румынии.

— А вы ищете несоответствий? — тихо спросил Эллери.

Инспектор Вогн кашлянул, и миссис Брэд обернулась к нему. Похоже, она почувствовала, к чему он клонит.

— Скажите, миссис Брэд, у вашего супруга есть какие-либо особые приметы?

Хелен была явно шокирована и отвернулась с негодованием. Однако миссис Брэд спокойно ответила;

— Большое родимое пятно выше правого колена, на бедре.

Инспектор облегченно вздохнул.

— Так оно и есть. А теперь, друзья, поговорим о неприятном, Как насчет врагов? Кому мог мешать мистер Брэд?

— Забудьте на минуту о распятии и прочем, — добавил прокурор, — и подумайте, какие могли быть мотивы для убийства.

Мать и дочь переглянулись, а затем одновременно посмотрели на Линкольна. Но тот сидел,

уставившись на роскошный азиатский ковер прекрасной работы, как успел заметить Эллери, с вытканным Древом жизни, символом, не принесшим, однако, долголетия его владельцу.

— Нет, — вымолвила миссис Брэд, — Томас был счастливым человеком, у него не было врагов.

— Бывали ли у вас в гостях малознакомые люди?

— О нет. Мы жили довольно уединенно, мистер Исхем. — Снова что-то в ее тоне насторожило.

Эллери вздохнул, — Не припомнит ли кто-нибудь, бывал ли у вас в доме хромой человек? — Все отрицательно покачали головами. — Скажите, у мистера Брэда не было хромого знакомого?

— Снова последовал отрицательный ответ. Миссис Брэд повторила:

— У Тома не было врагов, — словно хотела убедить в чем-то окружающих.

— Вы, вероятно, забыли, Маргарет, — медленно произнес Линкольн, — о Ромейне. — Он посмотрел на нее горящими глазами, а Хелен бросила беглый взгляд в его сторону, прикусила губу, и на глазах у нее блеснули слезы.

Четверо мужчин с интересом наблюдали за мизансценой, угадывая что-то, бросающее тень на личную жизнь членов семьи Брэдов.

— Ах, да, Ромейн, — промолвила миссис Брэд, не меняя позы. — Я совсем забыла, они повздорили.

— Кто этот таинственный Ромейн? — властно спросил Вогн.

Линкольн торопливо ответил:

— Пол Ромейн. Бесноватый Харашт с острова называет его Верховным Жрецом.

— Ага. — Эллери взглянул на профессора Ярдли, который выразительно повел плечами и улыбнулся.

— На острове они основали нудистскую колонию.

Чертовы нудисты! — зло воскликнул Линкольн. — Харашт — фанатик, он искренне верит, а Ромейн — мошенник, ловко умеющий втираться в доверие и торгующий своим телом, как товаром, человек с мерзкой душонкой.

— И тем не менее, — пробормотал Эллери, — не зря говорил Шерлок Холмс; «Самый величественный из всех храмов — храм человеческой души».

— Ясно, — откликнулся инспектор Вогн. — И все же вернемся к ссоре, если можно, мистер Линкольн.

— Ромейн пасет гостей на острове. Он — глава этого бизнеса и собрал группу каких-то слабоумных, поклоняющихся ему, как божеству, и

настолько одураченных, что они целыми днями бегают по острову нагишом. — Линкольн замолчал на миг. — Простите меня, Хален и Маргарет, но я уж расскажу все как есть. Нудисты, правда, никого из соседей в округе не волнуют… Но Том и доктор Тэмпль придерживаются того же мнения, что и я.

— Гмм, — удивился профессор Ярдли. — Со мной никто не обсуждал сей вопрос.

— Доктор Тэмпль?

— Наш сосед, живущий к востоку от поместья. Так вот, нудисты слоняются по острову голые, как привидения, но, в конце концов, мы же благовоспитанные люди…

«Ой-ой-ой, — подумал Эллери, — какой пуританин!»

— Поместье упирается в залив, и Том решил, что просто обязан вмешаться, встретился с Ромейном и Хараштом и, думаю, настаивал на их законном выдворении с острова…

Вогн и Исхем переглянулись и посмотрели на Эллери.

Мать и дочь сидели молча. Линкольн, выговорившись, был явно не в своей тарелке.

— Ол'райт, мы еще к этому вернемся, — сказал Вогн. — Вы говорите, доктор Тэмпль — ваш сосед?

Хозяин владений к востоку от поместья?

— Не совсем. Это не его владения, он арендует их у Тома и живет по соседству с нами очень давно. Он был военным врачом, сейчас на пенсии. Они с Томом были друзьями.

— А кто живет с западной стороны?

— Чета англичан по фамилии Линн, Перси и Элизабет, — ответила миссис Брэд.

А Хелен пояснила;

— Я познакомилась с ними в Риме, где проводила каникулы. Мы сблизились, они собирались в Штаты, и я пригласила их в гости.

— Когда вы вернулись из Рима? — спросил Эллери.

— В канун дня Благодарения. Мы приехали вместе, но в Нью-Йорке расстались, так как они отправились путешествовать по стране, а в январе навестили нас, и им здесь очень понравилось.

Линкольн усмехнулся, а Хелен покраснела и добавила:

— Да, Джон, так и было. Они стеснялись злоупотреблять нашим гостеприимством, глупо, конечно, но англичане такие зануды. Они захотели жить отдельно, и их поселили в доме на западной стороне поместья, который тоже является собственностью папы. С тех пор они

живут там.

— Что ж, мы их навестим, — заключил Исхем.

— А что, миссис Брэд, доктор Тэмпль, вы говорили, был близким другом вашего супруга?

— Если у вас возникли подозрения в отношении доктора, то совершенно напрасно, мистер Исхем, — отрезала миссис Брэд. — Я очень хорошего мнения о докторе Тэмпле, милейший человек, надо сказать, а Томас был знатоком человеческих характеров, и он его просто обожал и нередко по вечерам проводил с ним время вдвоем, они играли в шашки…

Профессор Ярдли вздохнул, словно был недоволен таким оборотом дел, поскольку рассчитывал на более глубокий анализ событий.

— Шашки! — воскликнул инспектор Вогн. — Это уже кое-что. Кто еще играл в шашки с вашим супругом?

— Мы все часто играли с Томасом.

Вогн выглядел озадаченным. Профессор Ярдли погладил бородку и изрек:

— Боюсь, инспектор, вы на ложном пути. Мистер Брэд был настолько хорошим игроком и так любил шашки, что сажал за доску каждого, кто появлялся в особняке. Если гость не умел играть, хозяин любезно предлагал научить его.

Я, пожалуй, единственный, избежавший этой участи. — Профессор насупился и замолчал.

— Он был уникальным игроком, — сказала миссис Брэд с печальной гордостью, — его хвалил даже чемпион страны…

— В таком случае, вы и сами хорошо играете? — быстро спросил Исхем.

— Нет, что вы, мистер Исхем. Мы приглашали в гости чемпиона на Рождество, в прошлом году. Они с Томом сыграли несколько партий, и Том, по словам чемпиона, не раз его обыгрывал.

Эллери внезапно вскочил и нетерпеливо воскликнул;

— Мы совсем замучили сих милых людей! И все же позвольте задать еще несколько последних вопросов, миссис Брэд, и мы вас больше не задержим. Вы слышали когда-нибудь имя Велия Крозак?

— Вел… Какое странное имя… Нет, мистер Куин, никогда не слышала, ответила удивленная Маргарет.

— А вы, мисс Брэд?

— Нет.

— Вы, мистер Линкольн?

— Нет.

— А имя Клинг вам ничего не напоминает?

Все отрицательно покачали головами.

— Эндрю Ван?

Последовал тот же ответ.

— Арройо, Западная Виргиния?

Линкольн пробормотал:

— Это что, игра, сэр?

— В некотором роде, — улыбнулся Эллери. — Значит, тоже нет?

— Нет.

— Тогда вопрос попроще, на который вы, вероятно, сможете ответить. Когда проповедник Харашт объявился на Ойстер-Айленде?

— В марте, — сразу ответил Линкольн.

— И Пол Ромейн был с ним?

— Да.

— Символизирует ли что-нибудь для вас буква Т?

Все трое изумленно уставились на него.

— Буква Т? — повторила Хелен. — О чем вы?

— Вижу, что нет, — произнес Эллери, в то время как профессор что-то нашептывал ему на ухо.

— Миссис Брэд, ваш супруг часто ссылался на свое румынское происхождение?

— Нет, никогда. Он приехал в Штаты вместе со Стивеном Мегарой. Они были друзьями или компаньонами еще в той стране…

— Откуда вам это известно?

— Как откуда? Мне говорил сам Том.

Эллери сверкнул глазами.

— Простите мое любопытство, но это может оказаться важным… Ваш супруг, как иммигрант, был богатым человеком?

Миссис Брэд вспыхнула.

— Этого я не знаю. Но когда мы поженились, Том был богат.

Эллери задумался, удовлетворенно хмыкая и покачивая головой, и наконец обратился к прокурору:

— Мистер Исхем, если вы дадите мне географический атлас, я некоторое время не буду вас беспокоить, — Атлас? — Прокурор удивленно поднял брови. И даже профессор Ярдли казался озадаченным. Инспектор Вогн нахмурился.

— В библиотеке есть географический атлас, — отозвался Линкольн и вышел.

Эллери расхаживал по гостиной взад-вперед, и на его лице блуждала слабая улыбка.

— Миссис Брэд, — спросил он в друг, — 1 — вы говорите по-гречески или по-румынски?

Она отрицательно покачала головой. Вернулся Линкольн, неся большой фолиант в синем переплете.

— Мистер Линкольн, — обратился к нему Эллери, — вы по роду занятий бываете в Европе и в Азии. Вы знаете греческий или румынский?

— Нет. Нам не приходится пользоваться иностранными языками. Наши отделения в Европе и Азии ведут деловую переписку по-английски, и импортеры тоже владеют английским.

— Понял. — Эллери задумчиво взглянул на географический атлас. — У меня все, мистер Исхем, — Благодарю вас, миссис Брэд, — сказал прокурор. Постараемся сделать все возможное, хотя, честно говоря, дело весьма непростое. Попрошу вас, мистер Линкольн, и дам не покидать пока особняк. Вы можете понадобиться.

Женщины молча встали, переглянулись и вышли из гостиной в сопровождении Джона.

Как только дверь за нами закрылась, Эллери удобно устроился в кресле и открыл географический атлас. Ярдли скучал. Исхем и Вогн обменялись молчаливыми взглядами. Эллери был поглощен изучением атласа в течение пяти минут. За это время он просмотрел три карты и справочный раздел, и лицо его явно просветлело. Он пристроил атлас на широкую ручку кресла и встал. Остальные выжидательно смотрели на него.

— Между прочим, я так и предполагал, — начал он, повернувшись к профессору, — поразительное совпадение, если это, конечно, совпадение. Однако вам судить… Господин профессор, вас ничто не удивляет в именах действующих лиц семейной трагедии?

— В именах, Куин? — Ярдли смутился.

— Ну да, Брэд и Мегара. Брэд — румын, Мегара — грек. Вам это ни о чем не говорит?

Профессор покачал головой, а Вогн и Исхем пожали плечами.

— Видите ли, — заговорил Эллери, достав портсигар и закуривая, — некие милые вещицы делают жизнь чрезвычайно интересной. У меня есть один приятель, помешанный на географии. Чем она его привлекла, кто знает.

Он к ней обращается каждую свободную минуту. Хобби.

Для мистера Брэда — шашки, для многих — гольф, а для моего приятеля география. Он довел свои познания до такого совершенства, что помнит тысячи названий крошечных географических мест. Вот о чем я только что вспомнил…

— Вы нас заинтриговали, — заметил профессор Ярдли. — Продолжайте, прошу.

Эллери улыбнулся.

— Томас Брэд был румын, а в Румынии есть город Брэд. О чем это нам говорит?

— Да ни о чем! — рявкнул Вогн.

— Стивен Мегара — грек, а в Греции есть город Мегара.

— Ну и что? — пробормотал Исхем.

Эллери дружески похлопал Исхема по руке;

— А что, если я вам скажу, что человек, совершенно не связанный ни с миллионером — ковровым магнатом, ни с миллионером — яхтсменом, простой школьный учитель из Арройо, тоже был убит шесть месяцев назад?

Короче, Эндрю Ван…

— Вы хотите сказать… — опешил Вогн.

— Из бумаг Вана явствует, что он родом из Армении, а в Армении есть город Ван и озеро Ван. — Эллери потянулся. — Рассмотрев все три случая, два из которых связаны с бизнесом, а третий — с первыми двумя способом убийства, можно сделать определенный вывод, — Эллери пожал плечами. — Если это простое совпадение, то я — королева Англии. Таким образом, псевдонимы были позаимствованы из географического атласа. — Эллери выпустил колечко дыма. Любопытно, не правда ли? Три джентльмена — иностранцы, желающие скрыть свои

подлинные имена, а заодно и национальности, и места рождения.

— О Боже! — простонал Исхем. — Что дальше?

— Чем дальше, тем удивительней. Можно предположить, что раз господа Ван, Брэд и Мегара изменили имена, то и четвертое действующее лицо трагедии, мифический Велия Крозак, тоже позаимствовал псевдоним у Рэнда Мак Нелли.[5] Но ничего подобного! Нигде ни в Европе, ни на Ближнем Востоке нет географического названия «Крозак». Какой вывод?

— Три вымышленных имени, — медленно заговорил профессор, — и одно настоящее. Причем, именно его обладатель замешан в убийстве одного из обладателей вымышленных имен. Пожалуй, Куин, мой мальчик, мы постепенно подбираем ключ к разгадке иероглифа.

— Тогда вы согласитесь со мной, — нетерпеливо воскликнул Эллери, — что в воздухе носятся египетские ароматы!

Ярдли засмеялся.

— Вы о чем? Дорогой мой, стоит преподавателю употребить в беседе со студентами термин попроще, и его непременно понимают буквально.

---

[5] Примечания: 5

Рэнд Мак Нелли — составитель географического атласа, изданного в США.

Глава 6
Игральные шашки и курительные трубки

Под предводительством Исхема все четверо в задумчивости покинули гостиную и направились в правое крыло особняка, где был кабинет Томаса Брэда. В холле, напротив библиотеки, служившей также кабинетом мистеру Брэду, дежурил полицейский. Они остановились у двери как раз в тот момент, когда из-за угла появилась полная женщина в черном.

— Я миссис Бакстер, — промолвила она. — Джентльмены, позвольте предложить вам перекусить.

Глаза инспектора Вогна засияли.

— Ангел во плоти! Я забыл, когда ел в последний раз.

Вы, вероятно, экономка?

— Да, сэр. Остальные джентльмены тоже не откажутся от ланча?

Профессор Ярдли отрицательно покачал головой.

— Я не могу позволить себе воспользоваться

вашей любезностью. Мой дом в двух шагах, и старая Нэнни, наверное, беспокоится, что меня давно нет и «блюда стынут», как она изволит выражаться. Посему честь имею откланяться. Куин, вы — мой гость, Надеюсь, не забыли?

— Как, уже уходите? — спросил Эллери. — А я рассчитывал на долгую беседу…

— Увидимся вечером. — Профессор помахал рукой. — Я позабочусь о вашем багаже, а ваш драндулет запаркую в свой гараж. — Он улыбнулся представителям власти и удалился.

Ланч был тихим и печальным. Стол был накрыт на три персоны в шикарной зале, и, казалось, никто больше в особняке не притрагивается к пище. Трапеза проходила в молчании, подавала сама миссис Бакстер.

Эллери машинально жевал, а его мозг, словно отлаженный часовой механизм, методично анализировал факты, которыми Эллери предпочитал ни с кем не делиться.

Исхем ненавязчиво пожаловался на свой ишиас. Остальные молчали.

В особняке было тихо.

В два часа пополудни они покинули обеденную залу и вернулись в правое крыло. Библиотека, явно обитель образованного человека, представ-

ляла собой квадратную комнату с красивым дубовым паркетом, почти целиком покрытым толстым китайским ковром. От пола до потолка высились стеллажи, плотно заставленные книгами, 3 нише, в дальнем углу библиотеки, стоял рояль с поднятой крышкой, как, очевидно оставил его Томас Брэд накануне ночью. Круглый стол посреди библиотеки был завален журналами, там же лежали курительные принадлежности. У одной стены стоял диван, передние ножки которого вдавились в ковер, у противоположной — секретер с откинутой крышкой.

Эллери заметил на крышке секретера два почти полных пузырька красных и черных чернил.

— Я уже обследовал секретер с помощью лупы, — сказал Исхем, плюхнувшись на диван. — Брэд использовал его как письменный стол, и здесь могли оказаться бумаги, представляющие интерес для следствия, — Он пожал плечами. — Увы, все без толку. Нашлись столь же ценные, как «нянюшкин дневник». Что касается остального, смотрите сами. Ничего личного. Кроме того, убийство произошло в беседке. Разве что шашки, которые…

— Одну из которых, — продолжил его мысль инспектор Вогн, — мы нашли возле тотемного

столба.

— Полагаю, вы осмотрели весь особняк? — предположил Эллери, с любопытством заглядывавший во все углы.

— Да, безусловно, и очень тщательно. Спальню Брэда, гостиную и прочее. Ничего существенного.

Эллери принялся осматривать круглый стол. Вынув из кармана прозрачный пакетик с остатками табака из найденной в беседке трубки, он открыл большую табакерку, стоявшую на столе, запустил туда руку, и в кулаке у него оказался табак того же цвета и непривычной резки кубиками, как и табак в пакетике.

Он засмеялся.

— Ну вот и этот вопрос отпал. Еще одна зацепка улетучилась. Табак Брэда, если, конечно, это его табакерка.

— А чья же тогда? — ехидно спросил Вогн, Эллери машинально открыл ящик под столешницей, оказавшийся доверху наполненным коллекцией курительных трубок в прекрасном состоянии. Однако дорогие трубки были все примерно одинаковой формы — бочонок с прямым или изогнутым мундштуком. Но две трубки были необычные, тонкие и очень длинные — глиняные

«церковные старосты» старой Англии.

— Гмм… — хмыкнул Эллери. — Мистер Брэд был весьма разносторонним человеком. Шашки редко сочетаются с курительными трубками. Не хватает только борзой у камина. Впрочем, больше ничего интересного.

— А такие в коллекции есть? — спросил Вогн, доставая трубку в форме головы Нептуна с мундштуком-трезубцем.

Эллери покачал головой.

— Вряд ли. Зачем ему две одинаковые? Мне кажется, он и так чувствовал себя с кляпом во рту, когда раскуривал трубку-монстра. Скорее всего, это презент.

Эллери сосредоточенно разглядывал что-то, стоявшее у стены, слева от откинутой крышки секретера. Это был замысловатый складной игральный столик, который легко откидывался и так же легко убирался в узкую стенную нишу позади него, где он был прикреплен шарнирами.

Скользящая крышка, откинутая сейчас над нишей, опускалась и скрывала шашечный столик, по обе стороны которого выдвигались откидные стульчики, тоже убиравшиеся в стену.

— Мистер Брэд был оригиналом, — заметил Эллери, — если судить по наличию встроенного

игрального столика.

Гмм… Наверное, он так все и оставил? Ничего не трогали?

— Мы — ничего, — ответил Исхем безразлично. — Может быть, вы что-нибудь раскопаете?

Столик виртуозной ручной работы был инкрустирован рядами традиционно чередующихся черно-белых квадратов, каждый из которых был обрамлен перламутровым кантом. По обе стороны шашечного столика, напротив каждого игрока, было пространное поле для складывания выбывших из игры фигур. На ближайшем к секретеру поле лежало девять красных шашек, отыгранных черной стороной, на противоположном поле — три черных, завоеванных красными. На самой доске в состоянии игры находились три «короля», то есть две черные шашки, поставленные одна на другую, и три одиночные черные шашки и далее две одиночные красные шашки, одна из которых стояла в первом ряду черных.

Эллери пристально смотрел на игральный столик.

— А где коробка из-под шашек?

Исхем кивнул в сторону секретера. На откидной крышке лежала дешевая картонная коробка. Она была пуста.

— Одиннадцать красных фигур, а должно быть двенадцать, — заговорил Эллери, глядя в потолок и что-то подсчитывая. — Все правильно. Одна красная найдена у тотемного столба.

— Вот именно, — вздохнул Исхем. — Все проверено и обговорено с домочадцами. Других шашек в особняке нет, значит, оброненная — явно отсюда.

— Согласен, — подтвердил Эллери. — Все это очень и очень любопытно, сказал он и снова взглянул на шашечные фигурки.

— Вы полагаете? — бросил Исхем раздраженно. — Сейчас проверим. Я понял, что вам пришло в голову. Погодите, я приглашу дворецкого Брэдов. — Он подошел к двери и сказал полицейскому:

— Позовите Стэллинга, дворецкого.

Эллери молча подошел к секретеру и взял пустую коробку из-под шашек. Исхем наблюдал за ним с ехидной улыбкой.

— И это тоже, — вдруг высказался он. Эллери взглянул на Исхема.

— Да. Я, знаете ли, удивился, когда увидел. Зачем отличному игроку, который не поскупился на оплату замысловатого игрального столика, дешевые шашки?

— Все просто. Ничего необычного, ручаюсь.

Полицейский открыл дверь, и из холла в библиотеку вошел высокий худой человек с запавшими щеками и невыразительными глазами, одетый во все черное, весьма мрачного вида.

— Стэллинг, — приступил Исхем без лишних церемоний, — повторите, пожалуйста, джентльмену то, что вы рассказали мне сегодня утром, — С удовольствием, сэр, — ответил дворецкий мягким, вкрадчивым голосом.

— И, прежде всего, объясните, отчего мистер Брэд играл дешевыми шашками?

— Как я уже говорил, мистер Брэд, — тут Стэллинг вздохнул и возвел глаза к потолку, — всегда играл самыми дорогими шашками. Он заказал игральный столик и маленькие стулья, и для установки всего этого долбили стену в библиотеке. Одновременно с игральным столиком были доставлены шашки из слоновой кости, весьма красивые, резные, с замысловатыми завитушками, которыми он играл много лет. Но недавно доктор Тэмпль выразил восхищение ими и так нахваливал, что мистер Брэд, как он сам мне однажды сказал, — Стэллинг снова вздохнул, — решил сделать сюрприз и подарить ему точно такие же шашки. Поэтому две недели назад он

отправил набор шашечных фигур частному резчику в Бруклине, чтобы тот изготовил двадцать четыре дубликата, и их пока еще не вернули. Ничего подходящего, кроме примитивной дешевки, в особняке не было, и он временно пользовался этими.

— А теперь, Стэллинг, — попросил прокурор, — расскажите нам, что произошло вчера вечером.

— Да, сэр. — Стэллинг облизнул губы кончиком языка. — Перед тем как уйти из дома вчера вечером, как просил мистер Брэд…

— Минуту, — вмешался Эллери. — Итак, вас просили покинуть дом вчера вечером?

— Да, сэр. Когда вчера мистер Брэд вернулся из города, он пригласил Фокса, миссис Бакстер и меня в кабинет. — Стэллинг с трудом сглотнул, словно вспомнил что-то тревожащее его. — Миссис Брэд и Хелен уже уехали, по-моему, в театр. Мистер Линкольн к обеду не появился. Мистер Брэд выглядел весьма усталым. Он вынул из бумажника десять долларов и протянул их мне со словами, что Фокс, миссис Бакстер и я можем быть свободными после обеденной трапезы. И еще он сказал, что желает провести вечер в одиночестве и предупредил Фокса, что возьмет маленький автомобиль. Мы и ушли.

— Понятно, — пробормотал Эллери.

— А что за история с шашками, Стэллинг? — спросил Исхем.

Стэллинг закивал головой.

— Прежде чем покинуть особняк, когда Фокс и миссис Бакстер уже сидели в автомобиле, я заглянул в кабинет мистера Брэда, чтобы узнать, не надо ли ему чего-нибудь. Он ответил «нет» и, как мне показалось, весьма нервно попросил меня удалиться вместе с остальными.

— Вы наблюдательны, приятель, — заметил Эллери.

Стэллинг с признательностью взглянул на него.

— Стараюсь, сэр. Так вот, когда я вчера вечером заглянул к мистеру Брэду, как я уже рассказывал мистеру Исхему, мистер Брэд сидел за шашечным столиком и играл сила с собой.

— То есть у него не было партнера, — уточнил Вогн. — Почему вы сразу об этом не сказали, Исхем?

Прокурор опустил голову, а Эллери попросил;

— Поясните, Стэллинг, как именно он играл?

— Дело в том, сэр, что все фигурки были расставлены на игральном столике — и черные, и красные, — а он ходил и теми, и другими. Он

начинал игру, делая ход с той стороны, где сидел, обдумывал следующий и переставлял фигуру с противоположной стороны. Я видел только два хода…

— Извините, — прервал его Эллери, — а с какой стороны он сидел?

— Вон с той, ближе к секретеру. Но когда он пошел красными, то пересел на другой стул и принялся, как обычно, обдумывать ход. — Стэллинг вздохнул. — Он был исключительным игроком и довольно часто практиковался один.

— С этим ясно, Стэллинг, — вмешался Исхем. — А что вы сами делали потом, когда покинули особняк?

— Все уехали в город. Фокс отвез нас с миссис Бакстер на автомобиле к синематографу «Рокси» и обещал забрать после сеанса. А куда он сам отправился, я не знаю.

— И он, действительно, отвез вас домой после сеанса? — спросил инспектор Вогн.

— Нет, сэр. Мы его прождали целых полчаса и решили, что с ним что-то случилось, возможно, попал в аварию, сели на поезд, а потом от вокзала доехали на такси.

— На такси? — усмехнулся инспектор. — Да, привокзальные таксисты вчера вечером неплохо

подзаработали.

И во сколько вы вернулись?

— Около полуночи, сэр. Но, может быть, и позднее, но не скажу.

— Фокс к тому времени уже был в особняке Брэдов?

Стэллинг явно растерялся.

— Боюсь, сэр, не могу ответить вам. Он живет о гарковом домике у залива. Там, даже если пойти туда с фонарем, ночью сквозь густые деревья трудно что-либо разглядеть.

— Ну, к этому мы еще вернемся. А вы не беседовали с Фоксом, Исхем?

— У меня не было времени.

— Минуту, — обратился Эллери к Стэллингу. — Мистер Брэд не говорил вам, что ожидает гостя?

— Нет, сэр. Он только сказал, что желает побыть один.

— И часто он отсылал вас подобным образом?

— Нет, сэр, такое случилось впервые.

— И вот еще что, — Эллери присел возле круглого стола и постучал пальцем по табакерке, — вам известно, что здесь хранится?

Стэллинг удивленно поднял брови, — Разумеется, сэр. Трубочный табак мистера Брэда.

— О'кей. Есть еще трубочный табак в доме?

— Да, сэр. Мистер Брэд отлично разбирался в разных сортах табака, а этот, специальной резки, выписывал из Англии. Никакого другого табака он не курил. Видите ли, — доверительным тоном закончил Стэллинг, — мистер Брэд нередко говорил, что американский табак не лучше соли…

Совершенно неожиданно Эллери вспомнил Эндрю Вана с его пристрастием к черной икре, а Томас Брэд был страсть как неравнодушен к табакам… Эллери тряхнул головой.

— Еще кое-что, Стэллинг. Инспектор, вы не могли бы показать ему трубку «Нептун»?

Вогн достал курительную трубку и протянул ее Стэллянгу. Тот взглянул и кивнул головой.

— Да, сэр. Я ее видел.

Трое мужчин вздохнули с досадой. Везение было явно на стороне преступника, далекого от наказания.

— Стало быть, так оно и есть. Трубка Брэда, да? — усмехнулся Исхем.

— Да, совершенно верно, сэр, — подтвердил дворецкий. — Правда, мистер Брэд подолгу не курил одну ч ту же трубку, утверждая, что трубки, как и живые существа, нуждаются в отдыхе. В ящике стола он держит коллекцию трубок, весьма дорогих, сэр. Эту я сразу узнал, часто ее видел.

Намедни вспоминал даже…

— Ну хорошо, хорошо. Достаточно, — оборвал его нетерпеливо Исхем, И Стэллинг, вновь превратившись из свидетеля в дворецкого, с учтивым поклоном покинул кабинет-библиотеку.

— Итак, — заключил инспектор, — у нас есть «дело о шашках», «дело о табаке» и «дело о трубках», из-за которых мы напрасно потеряли массу времени. Правда, мы нащупали одну ниточку — Фокс. — Вогн потер руки. — Не так уж и плохо. Нудистскую компанию на острове тоже следует посетить. Да, нелегкий денек нас ждет.

— Деньки, — поправил его Эллери, — как в добрые старые времена.

Послышался стук в дверь, и инспектор Вогн пошел открывать. На пороге стоял человек с одутловатым лицом, который тут же что-то зашептал Вогну, и тот время от времени кивал, потом закрыл дверь и вернулся в библиотеку.

— Что случилось? — спросил Исхем.

— Да ничего особенного. Много белых пятен. Один из моих людей доложил, что они совсем не обнаружили следов. Никаких. Но это невероятно!

— А что они искали? — спросил Эллери.

— О Господи, да голову же, голову!!!

Некоторое время все молчали, и в библиотеке словно витал ледяной дух трагедии. За окнами расстилался залитый солнцем зеленеющий парк, и невозможно было поверить, что владелец роскошного особняка лежал, обезглавленный и окоченевший, в судебном морге, как бездомный утопленник, выловленный из Лонг-Айлендского пролива.

— Что еще? — подал голос Исхем, будто обращаясь к самому себе.

— Мои парни опросили станционных служителей, — заговорил Вогн, — и всех соседей в округе, пытаясь узнать о возможных вчерашних посетителях. Из показана Линкольна и Стэллинга следует, что мистер Брэд вчера кого-то ждал. Человек не станет отсылать жену, падчерицу, клерка и всю домашнюю прислугу просто так.

Ему явно, не нужны были свидетели. Тем более что раньше он никогда подобным образом не поступал.

— Совершенно справедливо, — поддержал его Эллери. — Ваши доводы весьма убедительны. Вчера вечером мистер Брэд явно кого-то ждал.

— Но нет ни одного человека, подпадающего под подозрение. Кондукторы поездов и станционные служители не помнят никакого незнакомца,

ехавшего по железной дороге около девяти часов вчера вечером. Соседи? — Инспектор пожал плечами. — Маловероятно. Любой мог войти и выйти незамеченным из особняка Брэдов.

— Между прочим, — заметил прокурор, — вы, Вогн, беретесь за дело не с той стороны. Ну какой же человек, имея преступные намерения, сойдет на станции назначения, если он не кретин? Вероятно, он сообразит выйти из поезда раньше и добраться дальше пешком.

— А как насчет приезжих на автомобилях? — спросил Эллери.

Вогн покачал головой.

— Мы проиграли и этот вариант, мистер Куин. В поместье Брэдов подъездные дороги посыпаны гравием, и там нет следов, шоссе покрыто щебенкой, дождя не было, сами понимаете, что следов тоже нет. И тем не менее автомобиль не исключается.

Эллери глубоко вздохнул.

— Есть еще одна зацепка, инспектор. Пролив Инспектор Вогн выглянул в окно.

— О, нам это и в голову не пришло. — Он сконфуженно усмехнулся. — А как просто нанять в Нью-Йорке или Коннектикуте в гавани моторную лодку… Сейчас же пошлю туда детективов

навести справки.

Эллери улыбнулся, — Ум хорошо, а два лучше. Не так ли, инспектор?

— Да уж, — примирительно сказал Вогн.

Исхем встал.

— Идемте, у нас много дел.

Глава 7
Фокс

Они все больше и больше углублялись в дебри расследования. Никакого просвета.

Было ясно, что миссис Бакстер, экономка, ничего нового не расскажет. Но в интересах предварительного дознания ее следовало еще раз допросить. Поэтому они вернулись в гостиную и снова приступили к расспросам.

Приглашенная миссис Бакстер к изложенной Стэллингом истории ничего существенного не добавила. «Нет, она ничего не знает о посетителях. Нет, когда она подавала мистеру Брэду в зале, он не показался ей грустным или раздраженным. Возможно, он был несколько более рассеянным, Да, Фокс отвез ее со Стэллингом к „Рокси“. Да, она вернулась вместе со Стэллингом поездом, добиралась с вокзала на такси, около полуночи была в особняке.

Нет, миссис Брэд и остальные члены семьи еще не вернулись, Впрочем, она не совсем уверена. Горел ли в особняке свет? Нет, сэр. Что-нибудь было не так? Нет, сэр».

С тем миссис Бакстер и покинула гостиную, Когда стало нестерпимо скучно, Эллери отвлекся, разглядывая обломанный ноготь на указательном пальце. И вдруг ни с того ни с сего в памяти всплыло имя Эндрю Вана.

— Ну, пора поговорить с шофером, — заявил Исхем.

Они вышли из особняка и двинулись по узкой гравиевой дорожке. Исхем шествовал впереди, за ним Вогн и последним плелся Эллери, который умудрился на ходу склониться над розовым кустом, упиваясь ароматом и удивляясь, когда же, наконец, его коллеги покончат с бесконечными хождениями и отправятся на остров.

Исхем обогнул левое крыло особняка и вывел их в парк. Немного пройдя по тропинке среди густых деревьев, они очутились на лужайке, посреди которой стоял симпатичный маленький домик из неструганных бревен, возле которого на солнышке млел полицейский.

Исхем постучал и, услышав «войдите», распахнул дверь. Фокс стоял, широко расставив ноги и сжав кулаки.

На лице его как-то странно, пятнами, проступала бледность. Это был высокий, прямо державшийся человек, худой и какой-то весь

узловатый, как бамбуковая трость.

Увидев их, он разжал кулаки и, ссутулившись, сел в самодельное кресло, возле которого стоял.

— Фокс, — без вступления начал Исхем, — у меня не было возможности поговорить с вами сегодня утром.

— Да, сэр, — ответил Фокс.

И Эллери внезапно понял, что бледность Фокса не случайна, просто это естественный, хотя странный; цвет лица.

— Мы знаем, как вы нашли тело, — продолжал прокурор, присаживаясь в другое кресло.

— Да, сэр, — пробормотал Фокс. — Это было ужасно.

— А теперь нам хотелось бы услышать, почему вы расстались вчера с миссис Бакстер и мистером Стэллингом, не заехав за ними в синематограф, где были и когда вернулись, — закончил Исхем.

Как ни странно, Фокс не смутился, не растерялся, и выражение его лица не изменилось.

— Я катался по городу. Вернулся в Брэдвуд около полуночи.

Инспектор Вогн подошел к Фоксу и положил ему руку на плечо.

— Послушайте, — заговорил он почти ласково, — мы не хотим навредить вам или в чем-либо

напрасно обвинить. Если вы невиновны, никто не станет вас задерживать…

— Я невиновен, — заверил Фокс.

Эллери показалось, что интонация, произношение и сама речь Фокса несут налет образованности и культуры, и он посматривал на шофера с нарастающим интересом.

— Ну ладно, — сказал Вогн, — А теперь говорите правду. Где вы были?

— Я сказал правду, — ответил Фокс упавшим голосом. — Я прокатился по Пятой авеню, пересек парк, потом долго ехал по Риверсайд Драйв. Погода была чудесная, и я немного развеялся.

Инспектор взглянул на Исхема и улыбнулся.

— Слыхали, он развеялся! Что же вы не пригласили миссис Бакстер и Стэллинга развеяться вместе с вами?

Широкие плечи Фокса дрогнули.

— Они меня не просили.

Исхем и Вогн переглянулись. Эллери посмотрел на Фокса и с изумлением заметил, что на глазах у него выступили слезы.

— О'кей, — подытожил Исхем. — Это веша версия. Вы на ней настаиваете. Но, упаси Бог, если мы ее опровергнем. Как давно вы работаете у Брэдов?

— Первый год, сэр.

— У вас есть рекомендации?

— Да, сэр. — Он подошел к старенькому комоду, выдвинул ящик и достал аккуратный чистый конверт.

Прокурор заглянул в конверт и передал его Вогну.

Инспектор довольно долго рассматривал бумаги и вдруг, бросив их на стол, вышел из комнаты.

— Бумаги в порядке, — произнес Исхем, вставая.

— Кстати, миссис Бакстер, мистер Стэллинг и вы — единственная прислуга в особняке?

— Да, сэр, — ответил Фокс, не поднимая глаз и собирая бумаги, которые он начал нервно теребить.

— Ээ… Фокс, — вступил в разговор Эллери, — когда вы вчера ночью возвращались домой, вы не заметили ничего подозрительного?

— Нет, сэр, — Просим вас никуда не отлучаться, — властно сказал Исхем и вышел за дверь, где к нему присоединился инспектор.

Эллери немного задержался у порога. Фокс не шелохнулся.

— Он все лжет про вчерашнюю ночь, — громко

заявил Вогн. Фокс, наверняка, услышал его. — Ну да ладно.

Проверим.

Эллери задумался: «Была какая-то жестокость в действиях местных властей, и к тому же забыть слезы в глазах Фокса…»

В молчании все двинулись к западу от особняка. Домик Фокса находился недалеко от Кетчемской бухты.

Отсюда, в просветах между деревьями, уже виднелись солнечные блики на водной глади. Чуть удалившись от домика в глубине парка, они вышли на узкую тропинку.

— Это тоже владения Брэда, — заговорил Исхем. — Думаю, дом Линнов где-то тут, у дороги.

Они пересекли дорогу и сразу очутились в сосновой роще. Пять минут спустя Вогн отыскал тропинку, вьющуюся по роще к западной части поместья и становящуюся все шире. Роща редела. Наконец они увидели среди деревьев невысокий каменный дом, на открытой веранде которого сидели мужчина и женщина. Путники подошли ближе, и мужчина вежливо поднялся.

— Мистер и миссис Линн? — спросил прокурор, когда они остановились у веранды.

— Именно, — ответил мужчина. — Я — Перси Линн, а это моя жена. А вы, я полагаю, из Брэдвуда?

Линн — высокий, темноволосый, худощавый англичанин с гладко зачесанными назад волосами и пронзительным взглядом, — держался с достоинством. Элизабет Линн была полной блондинкой с улыбкой, словно приклеенной на лице.

Исхем приветственно кивнул головой, а Линн спросил:

— Может быть, зайдете в дом?

— Нет, спасибо, — вежливо поблагодарил Вогн, — Мы на минуту. Вы слышали новости?

Англичанин печально кивнул, а с лица миссис Линн улыбка так и не исчезла.

— Ужас! Кошмар! — проговорил Линн. — Я узнал о несчастье, когда прогуливался по дороге вдоль рощи и встретил полицейского. Он и рассказал мне о трагедии.

— Естественно, — обронила миссис Линн, — мы не сможем сразу уехать.

— Да, конечно, — поддержал ее муж.

Наступила короткая пауза, Исхем и Вогн обменялись взглядами. Линны молчали. Над курительной трубкой мистера Линна, которую он держал в руках, вился легкий дымок.

Неожиданно он взмахнул рукой и произнес:

— Тем не менее, джентльмены, вы пришли по делу, вы ведь, я полагаю, из полиции?

— Да, точно, — ответил Исхем, который дожидался, чтобы Линн заговорил первым.

Вогн отмалчивался. Эллери был увлечен, разглядывая вечную улыбку на лице миссис Линн, и наконец разгадал, что это из-за ее искусственных зубов.

— Вероятно, вы должны проверить наши паспорта? — небрежно обронил Линн. — Опросить соседей и знакомых, не так ли? — И он тут же вручил паспорта Исхему. — г Вам необходимо знать, как мы здесь оказались?.. — начал он, когда Исхем вернул паспорта.

— Нет, мы уже знаем от мисс Брэд, — прервал его Исхем. — Но нам надо уточнить, где вы были прошлой ночью.

— Ах, да, конечно. — Линн громко откашлялся. — Знаете ли, мы были в городе…

— В Нью-Йорке?

— Ну да. Мы пообедали в ресторане, потом были в театре, смотрели какую-то чушь…

— Во сколько вы вернулись?

Вдруг заговорила миссис Линн;

— О, вы знаете, мы не возвращались. Переноче-

вали в отеле. Было слишком поздно и…

— В каком отеле? — уточнил инспектор.

— В «Рузвельт-отеле».

Исхем усмехнулся.

— Скажите, а во сколько вы все-таки туда пришли?

— О, после полуночи, — ответил англичанин. — После спектакля мы зашли в бар и…

— Прекрасно, — прервал его инспектор. — А здесь у вас много знакомых?

Они одновременно покачали головами.

— Очень мало, — ответил Линн. — Помимо семейства Брэдов и чудака-профессора Ярдли, да еще доктора Тэмпля — никого.

Эллери обаятельно улыбнулся.

— Скажите, когда-нибудь кто-нибудь из вас посещал Ойстер-Айленд?

Англичанин мило улыбнулся в ответ.

— Это совсем неинтересно. Нудизм нам не в диковинку. Мы навидались в Германии…

— О, — вступила в разговор миссис Линн, — люди на острове… — Она брезгливо поморщилась. — Я согласна с бедным мистером Брэдом, что островитян надо выселить, Как можно скорее и как можно дальше! — Мм-даа… У вас есть какие-нибудь предположения о мотивах преступ-

ления? — спросил Исхем.

— Мы в полной растерянности, сэр. И в абсолютном неведении. Это жуткое убийство… Просто дикость какая-то…

— Да, вы правы, — сухо подтвердил Исхем. — Благодарю, не смею вас больше задерживать.

Глава 8
Ойстер-Айленд

Кетчемская бухта вдавалась в берега владений Брэда полукругом, в центре которого была небольшая гавань, где швартовались моторные лодки и катера, Эллери и его спутники вернулись по узкой тропинке обратно к берегу и теперь стояли у кромки воды, в нескольких шагах от гавани. Не далее чем в миле от них, посреди залива виднелся остров, который назывался Ойстер-Айленд, его береговая линия казалась вырванной из суши и как бы вытягивалась вдаль. Другой стороны острова не было видно, и Эллери подумал, что форма острова соответствует его названию.[6]

На водной глади Лонг-Айлендского пролива этот остров был похож на зеленый изумруд, случайно оброненный в воду. Деревья и обильная дикорастущая поросль подступали к кромке воды, однако Эллери заметил и небольшую оголенную береговую полосу, служившую, вероятно, причалом. Никаких построек там не было, Исхем, выйдя на причал, крикнул: «Эй, там!», обращаясь

---

[6] Примечания: 6
Ойстер (англ.) — устрица.

к команде полицейского катера, курсировавшего между островом и материком. Немного западнее Эллери заметил очертания еще одного полицейского катера, который патрулировал ближе к береговой линии острова.

Первый катер, приблизившись к причалу, пришвартовался.

— Ну, можем отплывать, — сказал Вогн остальным, ступая на палубу. Надеюсь, мистер Куин, дело идет к завершению.

Эллери и Исхем поднялись на палубу, и катер отчалил по направлению к острову. Отплыв от берега, они увидели очертания острова и близлежащей полосы суши.

К западу от причала просматривался участок берега, где стояли на приколе лодки Линнов, одна из которых белела у самого причала. Точно такая же маленькая пристань была и у восточной стороны бухты. Указав в том направлении, Эллери спросил:

— Там и живет доктор Тэмпль?

— Да, наверное, это его причал. Но лодок не видно, — ответил Вогн.

Кагер быстро скользил по воде, приближаясь к Ойстер-Айленду. Вдруг инспектор Вогн вскочил на ноги, лицо его побагровело, и он закричал:

— Смотрите, там что-то случилось!

Они устремили взгляды в сторону острова и увидели, как из лесной чащи острова к воде выбежал мужчина с перекинутой через плечо вопившей и сопротивлявшейся женщиной. Мужчина впрыгнул в привязанную у берега лодку, бесцеремонно швырнул в нее женщину, завел мотор и помчался от острова прямо навстречу полицейскому катеру. Криков женщины слышно не было. Не прошло и десяти минут после бегства пары, а это явно было бегство, как из леса на крутом берегу острова выскочил совершенно голый человек, высокий, широкоплечий, загорелый, хорошо сложенный, с копной черных волос.

«Тарзан, потерявший свою львиную шкуру…» — подумал Эллери, заметивший, что мужчина растерянно глядит вслед удалявшейся лодке. Эллери перевел взгляд на беглецов, и, когда снова посмотрел на берег, голый человек исчез. Он бросился в воду с высокой береговой кручи и нырнул, словно гарпун, в воду, а вынырнув, стремительно и красиво поплыл вдогонку за беглецами.

— Вот псих! — воскликнул Исхем. — Неужели он собирается догнать моторку?

— А моторка уже остановилась, — холодно заметил Эллери.

Исхем взглянул в сторону лодки и увидел, что она беспомощно покачивается на волне, а беглец тщетно пытается завести заглохший мотор.

— Эй, давай быстрее! — крикнул Исхем рулевому. — Не то парень живым не уйдет!

Катер взревел, и звук сирены эхом отразился от острова. Словно впервые в жизни услышав сигнальный гудок, мужчина в лодке и голый человек в воде замерли и начали озираться в поисках источника звука. Увидев катер, голый пловец тряхнул головой, выбросив целый фонтан брызг, и нырнул. Когда он вынырнул, стало ясно, что он плывет обратно к острову, да так быстро, будто за ним гонятся акулы.

Мужчина в лодке плюхнулся на сиденье и замахал рукой в сторону катера. Когда полицейский катер приблизился к лодке, голый преследователь уже вылез из воды на берег острова и опрометью бросился в лес, Катер остановился возле лодки, и мужчина вдруг захохотал, откинув назад голову. Он был худым, неопределенного возраста человеком с медно-багровым лицом от долгих лет пребывания под экваториальным солнцем.

Девушка, трофей сего загорелого аборигена, судя по ее сходству с мистером Линкольном, была

его заблудшей сестрицей. Белокожая молодая островитянка с очень стройной фигурой, о чем можно было заключить с полной уверенностью, поскольку ничего, кроме мужской куртки, на ней не было, и ту, вероятно, набросил ей на плечи похититель, была опоясана набедренным лоскутом ткани, таким грязным, словно ее наготу пытались прикрыть подобранной на дороге тряпкой.

— Над чем вы, черт побери, смеетесь? — сердито выкрикнул инспектор. Кто вы такой и зачем увезли женщину?

Мужчина вытер слезы, навернувшиеся на глаза от смеха, и встал.

— Извините. Позвольте представиться — Виктор Тэмпль, а это — мисс Эстер Линкольн. Благодарю за спасение.

— Забирайтесь на борт, — пригласил Вогн.

Исхем и Эллери помогли женщине подняться на палубу.

— Одну минуту, господа! — воскликнул доктор Тэмпль, и от его веселости не осталось и следа, она сменилась подозрительностью. — Кто вы такие?

— Полиция. Давайте, давайте, поживее!

— Ах, полиция, — пробормотал мужчина, медленно карабкаясь на борт.

Один из детективов привязал лодку Тэмпля к катеру для буксировки. Доктор нервно посматривал то на Эллери, то на прокурора, то на инспектора. Девушка уселась на скамью, опустив голову.

— Объясните, наконец, по какому праву? Почему полиция?

Прокурор Исхем коротко изложил, происшедшее.

Доктор Тэмпль побледнел, а Эстер Линкольн подняла на прокурора полный ужаса взгляд, — Брэд? — потерянно прошептал доктор Тэмпль. — Убит… Невероятно! Еще вчера утром я его видел, и на тебе…

— А Джон? — встрепенулась Эстер. — С ним все в порядке?

Ей никто не ответил. Доктор Тэмпль нервно покусывал нижнюю губу и внезапно спросил;

— Вы видели Линнов?

— А что?

Тэмпль немного помолчал, улыбнулся и пожал плечами.

— Да просто так. Соседи все-таки… Бедный Том… — Доктор сел и уставился на воду.

— Поворачивайте назад в Брэдвуд! — скомандовал Вогн.

Эллери заметил на причале Брэдвуда высокую фигуру профессора Ярдли и помахал рукой. В ответ Ярдли тоже приветственно поднял руку.

— Итак, доктор Тэмпль, — мрачно заговорил Исхем, — что у вас за глупые игры с похищением и кто тот голый идиот, плывший за вами?

— Ну что ж, придется сказать правду. Эстер, простите меня, дорогая.

Девушка не ответила. Она казалась совершенно подавленной вестью о гибели мистера Брэда.

— Мисс Линкольн, — начал доктор, — несколько импульсивна. Она еще очень молода и частенько делает глупости…

— Виктор… — попыталась вмешаться Эстер. Но доктор продолжал:

— Джон Линкольн, на мой взгляд, плохо выполняет обязанности по отношению к сестре.

— Это на ваш взгляд, — вставила Эстер.

— Да, Эстер. По прошествии недели Эстер не вернулась с острова, и я счел необходимым вернуть ее в лоно семьи. Если уж никому нет до нее дела, это мой долг.

Нудисты! — Он фыркнул. — Извращенцы! Если быть объективным, это жулики и негодяи, испытывающие терпение окружающих.

Девушка вспыхнула.

— Виктор Тэмпль! Что вы себе позволяете?!

— Извините за нескромность, но не все ли вам равно, если мисс Линкольн желает прогуливаться нагишом?

Похоже, она совершеннолетняя, — заметил инспектор Вогн.

Доктор Тэмпль скрипнул зубами.

— А по-моему, следовало вмешаться. Она же почти ребенок! Ее заманила пустая болтовня этого наглого красавца…

— Наверное, вы о Поле Ромейне? — спросил Эллери, Доктор кивнул.

— Ну да, он самый. Яркий образчик дурацкого культа солнцепоклонников. Чего-чего, а солнца на острове хватает. Я поехал туда рано утром и здорово с этим типом сцепился. Прямо пещерный человек! Смех, да и только! Однако дело приняло серьезный оборот. Он намного сильнее меня, вот я и сгреб мисс Линкольн в охапку и удрал. Если бы Ромейн не споткнулся и не ударился своей пустой башкой о камень, он бы меня крепко поколотил. Ну да все кончилось благополучно.

Эстер, вздрагивая, поглядывала на доктора.

— И все-таки мне не ясно, какое вы имели право? — возразил Исхем.

Доктор Тэмпль встал, и в его глазах появилась

угроза.

— Не ваше дело, черт возьми, кем бы вы ни были!

Я собираюсь на ней жениться — вот и все мое право! Она меня любит, хотя и не подозревает об этом. Но, видит Бог, я ей это докажу!

— Сложная любовная история… — вставил Эллери, Патрульный катер тем временем причалил к берегу, и профессор Ярдли поздоровался с прибывшими.

— Привет, Куин! Давно наблюдаю за вашим катером.

Привет, доктор Тэмпль! Что-нибудь случилось?

Доктор Тэмпль кивнул.

— Да, знаете ли. Я украл любимую женщину, а сии джентльмены хотят отправить меня на виселицу.

— Сочувствую вам, господин доктор, — вежливо сказал профессор.

— Идемте, господин профессор, — вмешался Эллери, — вы нам понадобитесь.

— Да, вот еще что, — начал инспектор, — доктор Тэмпль, вы говорили, что видели Брэда вчера утром?

— Буквально пять минут. Он торопился в город.

Я встречался с ним и в понедельник вечером, именно в канун предпоследней его ночи. Он был такой же, как обычно… Ничего не понимаю… Вы кого-нибудь подозреваете?

— Господин доктор, как вы провели последнюю ночь?

Тэмпль усмехнулся.

— Решили начать с меня? Я весь вечер был дома, а живу я один. Днем приходит прислуга, убирает, готовит обед.

— Просто в порядке знакомства, хотелось бы о вас побольше узнать, пояснил Исхем.

Тэмпль развел руками.

— Все что угодно.

— Как давно вы живете здесь?

— С 1921 года. Я вышел в отставку, служил в армии военным врачом. В начале войны был в Италии, в медицинском батальоне, имею два ранения. Участвовал в кампании на Балканах, где попал в плен. Знаете ли, не шуточки… На этом моя военная карьера и закончилась.

Я был интернирован австрийцами вплоть до окончания войны.

— А после войны приехали в Штаты?

— Нет. Некоторое время я скитался по миру и лишь потом вернулся домой. Знаете ли, после

войны многие так поступали. Друзей нет, семьи нет... Со временем здесь я и осел, и живу по сей день, изображая провинциального джентльмена, — Спасибо, господин доктор, — сказал Исхем более тепло. — Мы с вами здесь расстанемся, — Он чуть подумал и добавил; — Вам бы лучше вернуться в особняк Брэдов, мисс Линкольн. Мы едем на остров и доставим оттуда ваши вещи.

Эстер Линкольн, не поднимая головы, неожиданно заявила металлическим голосом;

— Я здесь не останусь. Я возвращаюсь обратно.

Лицо доктора Тэмпля вытянулось.

— Возвращаетесь обратно? — закричал он. — Вы в своем уме, Эстер? После всего, что случилось?

Эстер сбросила плечом его куртку и выпалила;

— Не надо мне указывать, что можно делать, а чего нельзя, доктор Тэмпль! Я возвращаюсь на остров, и да же вы меня не удержите! Ни за что на свете!

Вогн посмотрел на Исхема, который, казалось, пытался скрыть свое возмущение, Эллери разрядил обстановку, предложив:

— Послушайте, давайте все вместе возвратимся на остров. Может быть, из этого выйдет что-нибудь путное.

И снова полицейский катер пересек акваторию Кетчемской бухты, на этот раз достигнув острова без приключений. Когда они причалили, то первым, кого они увидели, спускаясь на берег, был некто, похожий на привидение, маленький старичок, лохматый, с нечесаной бородой и горящими глазами фанатика, закутанный в белый балахон, обутый в замысловатые сандалии. В правой руке он держал посох с набалдашником в виде грубо вырезанной фигурки змеи. Старец вылез из кустов, разогнул спину и с любопытством уставился на приезжих.

За ним высился недавний голый пловец, сейчас одетый в белые шорты и майку, но, как и прежде, босой. Некоторое время они молча взирали друг на друга, и, наконец, Эллери тепло поприветствовал аборигенов:

— Ба! Харашт собственной персоной!

Профессор Ярдли улыбнулся в бородку.

Старец-привидение пристально взглянул на Эллери, словно пытаясь припомнить его, но, похоже, это ему не удалось.

— Да! Я ношу это имя! — провозгласил он звонким голосом. — А вы почитатели гробниц?

— Смотри, как бы мы не стали почитателями ТВОЕЙ гробницы, старый бродяга, — зло про-

шипел инспектор Вогн, выходя вперед и хватая старика за руку. — Ты заправляешь этим вертепом? Где твоя хижина? Нам надо потолковать, Харашт выглядел совершенно беспомощным. Он повернулся к напарнику и заныл:

— Пол, ты видишь, Пол!

Пол Ромейн с ненавистью смотрел на доктора Тэмпля, который отвечал ему тем же.

Эстер, как успел заметить Эллери, скрылась в кустах.

Харашт опять заскулил;

— Кто вы такие? Что вам надо? Мы тут мирно обитаем…

Исхем фыркнул, а Вогн загремел;

— Ну-ну, прямо святой Моисей! Дедуля! Мы полицейские! Мы ищем убийцу!

Старик дернулся, словно от удара, губы его задрожали, и он заохал:

— Опять! Опять!!

Пол Ромейн опомнился первым, грубо оттащил Харашта от полицейских и встал перед инспектором.

— Говорите со мной. Старик немного не в себе. Ищете убийцу? Валяйте! Мы-то тут при чем?!

Тип решительно нравился Эллери. Он был красив физической, животной красотой, гип-

нотизировал мужественностью, и было ясно, почему впечатлительные и сентиментальные дамочки теряли из-за него головы.

Исхем спросил:

— Где вы и этот убогий были вчера ночью?

— На острове. А кого убили?

— А вы не знаете?

— Нет. Кого же?

— Томаса Брэда.

Ромейн часто заморгал и воскликнул:

— Брэда?! За что? А мы-то тут при чем? Мы знать никого не знаем, оставьте нас в покое!

Инспектор Вогн деликатно отодвинул прокурора в сторону. Вогн был высокого роста, его глаза приходились как раз на уровень глаз Ромейна, и взгляды их встретились.

— Послушай, ты! — Инспектор ткнул пальцем в грудь Ромейна. — Оставь свой идиотский тон! Ты разговариваешь с окружным прокурором штата и шефом Управления полиции. Советую отвечать как пай-мальчик, ясно?

Ромейн поднял было руку, но железные пальцы Вогна сомкнулись на его запястье.

— Ну ладно, — пробормотал Пол, — Если уж вам так приспичило, спрашивайте.

— Когда в последний раз ты и этот маразматик

покидали остров?

— Бойся, Пол! Они неверные!! — заныл Харашт.

— Спокойно! — прикрикнул на него Ромейн, и тот притих. — Старик ни разу не покидал острова с момента поселения, а я неделю назад ездил за продуктами в город.

— Вот как? — Инспектор отпустил руку Ромейна. — Пошли! Нам надо осмотреть ваше поселение, или колонию, или как там вы это называете…

Вслед за Харашто м они направились в глубь острова.

Стояла удивительная тишина, нарушаемая только пением птиц и жужжанием пчел. Признаков человеческого жилья не было заметно.

Внезапно Ромейн что-то прокричал, очевидно, подал сигнал, предупреждающий о появлении чужих на острове, и через несколько минут путники вышли на поляну.

Они увидели огромную, нескладную, грубо сколоченную деревянную постройку, перед которой стояли колонисты Харашта, все, впрочем, одетые. Их было человек двадцать, мужчины и женщины всех возрастов и комплекций, наряженные в лоскутья. Ромейн снова издал какой-то крик, и

они мигом исчезли внутри постройки.

Харашт тоже последовал к постройке, держа в руке самодельный урей и бормоча молитву. Войдя следом за ним и Ромейном, путники оказались в странной комнате, просторной и светлой, украшенной астрономическими рисунками и гипсовой фигуркой Гора, египетского бога с птичьей головой и коровьими рогами, где возвышалось нечто вроде кафедры, обложенной какими-то деревянными плитками, назначение которых было для Эллери загадочным. Потолка в комнате не было, и лучи полуденного солнца золотили стены.

Харашт прошел к алтарю и, не обращая внимания на своих спутников, опустился на колени, воздел руки к небу и стал возносить молитвы на незнакомом языке.

Эллери вопросительно посмотрел на профессора Ярдли, стоявшего неподалеку.

— Невероятно, — прошептал профессор. — Этот человек — живой анахронизм… Чтобы кто-либо, живущий в двадцатом веке, говорил на древнеегипетском?..

Эллери удивился.

— Вы считаете, что он понимает, о чем говорит?

Ярдли печально улыбнулся и ответил:

— Этот человек безумен. Но он потерял разум, а не связность речи… Он называет себя Ра-Харашштом. На самом деле он есть, вернее, был когда-то египтологом с мировым именем. Я давно хотел вам рассказать про него, продолжил профессор после небольшой паузы, — но все не было возможности остаться наедине, Я узнал его сразу, как только увидел. Это было несколько недель назад, когда я отправился обследовать остров. Прелюбопытная история! Его имя Страйкер. Он перенес тяжелейший солнечный удар, находясь в экспедиции в Египте много лет назад, да так и не поправился окончательно. Несчастный человек!

— Но безумец говорит на древнеегипетском! — возразил Эллери.

— Он воспроизводит по памяти молитву Гору. Поймите, это был крупный ученый, но теперь у него в голове все перепуталось и пришло в беспорядок, а его безумие перечеркнуло все, что он когда-либо знал. Обратите внимание на убранство — оно не в египетском стиле, такой комнаты в Египте быть не может. Тут смешение всего и вся: коровьи рога — принадлежность Исиды, урей — символ власти фараонов, да и Гора он не забыл, а те деревянные плитки, полагаю,

служили для сидения верующих при отправлении службы. И библейские выражения я нахожу в его речи… — Профессор пожал плечами. — Все бессвязно смешалось в его больном мозгу…

Харашт закончил молитву и встал, опустив руки. Он улыбался и казался более разумным и успокоенным.

Эллери изучал его с нарастающим интересом, пытаясь вспомнить что-нибудь из работ Страйкера. Действительно, много лет назад, еще в подготовительной школе при университете, он читал о нем. Знаменитый египтолог Страйкер, и поныне бормотавший на языке, погребенном в веках… Эллери оглянулся и увидел Эстер Линкольн, одетую в короткую юбочку и пуловер и смотревшую на них из дверного проема с противоположной стороны молельной комнаты.

Недолго постояв там, она вошла и, не глядя на доктора Тэмпля, пересекла комнату, остановилась возле Пола Ромейна и взяла его за руку. Пол покраснел и сделал шаг в сторону, а доктор Тэмпль улыбнулся.

Инспектор, не обращая внимания на амурные дела троицы, подошел к Страйкеру и спросил;

— Вы можете ответить на некоторые простые вопросы?

Безумный Пророк наклонил голову.

— Спрашивай.

— Когда вы покинули Вейртон, Западная Виргиния?

Глаза старика блеснули.

— После обряда куфы, пять лун назад.

— Когда?! — Вогн вытаращил глаза.

Профессор Ярдли кашлянул.

— Позвольте, я поясню, инспектор. Обряд куфы производился древними египтянами на закате солнца и состоял из церемонии приготовления куфы из шестнадцати ингредиентов — меда, вина, мирры и так далее, — которые смешивались в бронзовой чаше при чтении священных писаний. Он имеет в виду церемонию куфы, проведенную им пять лун назад, то есть в январе.

Инспектор кивнул, а Страйкер благодарно улыбнулся профессору. Вдруг Эллери неожиданно для себя так громко воскликнул «Крозак!», что все вздрогнули. Улыбка сползла с лица Страйкера, и губы его задрожали. Ромейн не шелохнулся.

— Извините, — пробормотал Эллери. — Со мной бывает. Продолжайте, господин профессор.

— Весьма кстати, — улыбнулся Вогн. — Харашт, а где Велия Крозак?

Страйкер облизнул губы.

— Крозак… Нет, нет! Я не знаю! Он покинул храм!

Он бежал!!

— А когда вы связались с этим типом? — спросил Исхем, указывая на Ромейна.

— Что еще за Крозак? — вмешался Ромейн. — Я познакомился со стариком в феврале, и мне понравилась его идея с солнцепоклонниками…

— Где вы познакомились?

— В Питтсбурге. Мне показалось, что это отличное закаливание организма, — продолжил Ромейн, распрямив плечи. — Конечно, — он понизил голос, — болтовня про Бога Солнца хороша для придурков, а по мне, важно только одно — люди сбрасывают одежду и живут под солнцем. Смотрите! — Он глубоко вздохнул, и его великолепная грудная клетка надулась, как шар. Впечатляет, а? Я позволяю волшебным лучам Солнца прикасаться к моей коже…

— Хватит! — перебил его инспектор. — Старая песенка! Я хожу одетым с той поры, как вылез из люльки, и там не менее могу обвязать тебя вокруг своего мизинца, Скажи лучше, как ты попал на остров?

— Злые козни! — внезапно выпалил Страйкер, — Козни? Чьи? — Исхем удивленно поднял

брови.

— Козни! — упрямо повторил Страйкер.

— Да не слушайте вы его! — воскликнул Ромейн. — Он как заупрямится, от него слова нормального не добьешься, Когда я с ним встретился, он все твердил: «Козни, козни… Поселиться на Ойстер-Айленде — козни…».

— Это случилось, когда вы стали его учеником или раньше? — спросил Эллери.

— Раньше.

Следствие снова оказалось в тупике. Было ясно, что безумный египтолог при всем желании не способен связно выразить ни одной мысли, а Пол Ромейн просто ничего не знает о преступлении полугодовой давности.

Дознание выявило, что на острове проживают двадцать три нудиста, в большинстве Нью-Йоркцы, привлеченные объявлением в газете или личной миссионерской деятельностью Ромейна. Прибывали они в островную колонию по железной дороге, затем ехали на такси и далее плыли на лодках. Владелец Кетчема встречал гостей и обычно водил по острову, устраивая нечто вроде короткой экскурсии.

Старина Кетчем, как выяснилось, жил вместе с женой в восточной части острова.

Инспектор Вогн собрал и начал допрашивать дрожавших от страха нудистов. Некоторые, понимая, что теперь их приверженность наготе может стать достоянием общественности, пришли позднее на пристань в полной экипировке, с ручным багажом. Но инспектор мрачно покачал головой — ни один не покинет остров без специального разрешения. Он записывал имена и адреса островитян, саркастически улыбаясь новоявленным Смитам, Джонсам, Браунам, — Кто-нибудь из вас покидал остров вчера? — спросил Исхем.

Оказалось, таких нет. Никто из них не был на материке последние несколько дней.

Предварительное дознание на острове подходило к концу. Эстер Линкольн все еще стояла возле Ромейна, когда доктор Тэмпль сказал:

— Пойдем, Эстер.

Она отрицательно покачала головой.

— Ты делаешь большую глупость, Эстер. Не стой хотя бы рядом с этим мерзавцем и ему подобными тупоголовыми ублюдками!

Ромейн угрожающе шагнул вперед.

— Что ты сказал? Повтори!

— Ты слышал, тупоголовый болван! — зло выкрикнул доктор и двинул Ромейна в челюсть, вложив в удар всю свою силу, обиду и нена-

висть.

Эстер на мгновение замерла. Но вдруг у нее задрожали губы, и она бросилась в лес, всхлипывая и шмыгая носом.

Инспектор Вогн отпрянул.

Ромейн, откинув голову, захохотал.

— Это все, на что ты способен, старый зануда? — Уши его побагровели. Я предупреждаю тебя, Тэмпль! Держись подальше от острова! Если я тебя встречу еще хоть раз, кости переломаю! Все кости до единой в твоем мерзком теле! А теперь убирайся отсюда!

Эллери вздохнул.

Глава 9
Залог в сто долларов

Туманное дело еще больше запутывалось. Визит на остров завершен, а загадка убийства оставалась. Все понимали, что неспроста появился вблизи Брэдвуда человек по имени Харвшт. Это явно не было случайностью.

Какая-то связь могла существовать между убийством школьного учителя и убийством миллионера…

Полицейский катер отчалил от пристани и помчался вдоль побережья Ойстер-Айленда. Отплыв довольно далеко, путники увидели небольшой причал, похожий на все местные причалы.

— Наверное, собственная пристань Кетчемов, — Предположил Вогн. Швартуемся.

Остров тут был более диким, чем на западной стороне. С деревянного помоста, на котором они стояли, были хорошо видны пролив и берег к северу от Нью-Йорка.

Доктор Тэмпль и профессор Ярдли вернулись на катер, а прокурор, инспектор и Эллери спусти-

лись с пристани и двинулись в направлении к лесу. Было прохладно.

И если бы не тропинка, по которой они шли, густой лес мог бы показаться девственным. Пройдя ярдов сто пятьдесят, они набрели на некое подобие цивилизации, очутившись у дома, построенного из громадных, грубо тесанных бревен, на крыльце которого сидел коренастый загорелый старик и спокойно курил трубку. Увидев приближающихся людей, он вскочил и недружелюбно спросил:

— Что вы здесь делаете? Разве вам не известно, что остров — частная собственность?

— Полиция! — сурово осадил его инспектор Вогн. — Вы мистер Кетчем?

Старик кивнул.

— Полиция, говорите? Из-за нудистов? Мы с миссис Кетчем тут ни при чем. Мы только хозяева этого клочка суши, и коли мои арендаторы в чем-то замешаны, пускай сами виноватятся.

— Вас никто не обвиняет! — рявкнул Вогн. — Вы знаете, что в Брэдвуде произошло убийство?

— Да вы что? — У Кетчема отвисла челюсть, и трубка застыла в зубах. Слышь, ма? Стало быть, в Брэдвуде убийство… Ну, а мы-то, собственно, при чем?

— Возможно, ми при чем, — мрачно процедил сквозь зубы Исхем. — Убит Томас Брэд.

— Быть того не может! Только не мистер Брэд! — послышался в глубине дома женский голос, и миссис Кетчем выглянула из двери. — Какой ужас! Я всегда говорила…

— Шла бы ты в дом, — прервал ее излияния мистер Кетчем, и женщина исчезла. — Я бы не сказал, джентльмены, что меня это слишком удивляет…

— Это почему же, интересно? — спросил Вогн.

— Да все к тому и шло.

— В каком смысле?

Кетчем прищурил один глаз.

— Мистер Брэд и тот псих, — он кивнул в сторону леса, — они все время ругались, а началось это сразу же, как пришлые арендовали у меня остров на весь летний сезон. Вы, верно, знаете, что остров принадлежит мне?

Четыре поколения моих предков жили тут…

— Да, да, знаем, — нетерпеливо проговорил Вогн. — Так что же, мистеру Брэду не нравилось, что Харашт и его ученики расположились близко от его поместья?

— Минуту, инспектор, — вмешался Эллери. — А кто именно договаривался об аренде?

Кетчем выпустил дым и ответил;

— Кто-то нездешний, с такой смешной фамилией, постойте… Крозак… — с трудом произнес он.

Все трое переглянулись. Наконец хоть какой-то след неуловимого хромого из Арройо.

— Тот человек хромал? — спросил Эллери, — Не могу точно сказать. Я его в глаза не видел.

Подождите-ка, тут у меня есть кое-что любопытное для вас. — И он вошел в дом.

— Отлично, мистер Куин, — похвалил прокурор Эллери. — Вы вытащили выигрышный билет. Крозак… Если Ван — армянин, Брэд — румын или, во всяком случае, из Центральной Европы, и рядом возникает Крозак, уже горячо, Вогн.

— Похоже, так, — пробубнил инспектор.

Появился Кетчем, радостно размахивающий грязным, замусоленным листком бумаги.

— Письмо, — сказал он, — от него, от Крозака. Поглядите-ка сами.

Вогн схватил письмо, а Эллери и Исхем стали читать его через плечо Вогна, Письмо было напечатано на машинке на каком-то странном листке и датировано 13 октября прошлого года. Адресат ссылался на объявление в газете о сдаче в аренду на летний сезон острова Ойстер-Айленд и прилагал залог в сто долларов до арендной пла-

ты, договор о которой вступит в силу с 1 марта. В конце письма стояла подпись, сделанная на машинке: Велия Крозак.

— Что ж, и деньги были приложены, мистер Кетчем? — скороговоркой заговорил Вогн.

— А как же!

— Чудненько! — воскликнул Исхем, потирая руки. — Попробуем раскопать, с какой почты Крозак отправил письмо, а там найдем и подлинную подпись.

— Боюсь, — усомнился Эллери, — что наш Крозак — невидимка, если судить по его поступкам, и тут выкрутился, и мы обнаружим на бланке подпись какого-нибудь Харашта. Помните, к «делу Вана» не было приобщено ни одного образца подписи Крозака.

— Скажите, а 1 марта этот Крозак появился на острове? — спросил прокурор.

— Нет, сэр. Никакого Крозака и в помине не было.

Только старый болван, ну как его? Гар… тьфу, Хар… Харашт и с ним еще один, Ромейн, заявились, оплатили аренду и поселились на острове.

Вогн и Исхем поняли, что надо срочно искать Крозака.

К сожалению, от Кетчема больше о незнакомце

ничего нового узнать не удалось, и они принялись расспрашивать его о конфликте Брэда и Харашта и выяснили, что с самого поселения, когда религиозный культ солнцепоклонников на деле обернулся нудизмом, возмущенный мистер Брэд приплыл на остров, чтобы выразить островитянам недовольство обитателей материка. Но Харашт оставался глухим ко всем доводам и угрозам. Ромейн, правда, выпустил когти, и мистер Брэд предложил ему даже вернуть всю сумму, внесенную за аренду, и обещал многократно большую для покрытия расходов пришельцев, если они уберутся восвояси.

— Извините, а кто, собственно, подписывал договор об аренде? — вежливо спросил Исхем.

— Старец — служитель культа, — ответил Кетчем.

Харашт и Ромейн от переселения и возмещения убытков наотрез отказались. Мистер Брэд настаивал, мол, по закону они нарушают общественный порядок и наносят ущерб нравственности, а Ромейн возражал, утверждая, что колонисты никого не трогают, остров удален и от людей, и от общественных мест, и за свои денежки они, островитяне, живут, как желают. Тогда мистер Брэд пригрозил законом ему, Кетчему, и потребовал

выдворить чужаков с острова…

— Меня и миссис Кетчем они не беспокоили, — сказал старик. — И, хотя мистер Брэд предлагал мне тысячу долларов, я отказался — уговор дороже денег.

Выяснилось, что последняя жестокая ссора случилась три дня назад, в воскресенье. Мистер Брэд переплыл бухту и встретился в лесу с Хараштом, где и произошла словесная перепалка и старый чудак пришел в жуткую ярость.

— Я испугался, того и гляди, начнет камнями кидаться… — заметил Кетчем, — Подоспел Ромейн, а он малый сильный, велел мистеру Брэду убираться с острова. Я за деревьями стоял, но вмешиваться не стал, не мое это дело. Мистер Брэд уходить отказался, и Ромейн схватил его за шиворот, пригрозил, мол, не уберешься, я тебя так отделаю, что мать родная не узнает, и мистер Брэд ушел, крича в ярости, что никаких денег не пожалеет, чтобы с ними расправиться…

Исхем сказал, потирая руки;

— Замечательно, мистер Кетчем! А кто-нибудь еще с материка встречался на острове с Хараштом или с Ромейном?

— Было дело. — Кетчем улыбнулся, — Приплывал Джон Линкольн из Брэдауда, на прошлой

неделе. Он тоже сцепился с Ромейном… Впервой такое случилось. Ну, я вам скажу, прямо как за кубок на звание чемпиона боролись. Линкольн за сестрой приплыл, она только-только в колонии поселилась, а как брат приплыл, она ему назло сбросила одежду, голой стояла, протестовала значит. Кричать стала, мол, он всю жизнь ею помыкал, хватит, взрослая уже, делает, что хочет. А она фигурой ничего… Я за деревьями стоял, баталию их наблюдал…

— Кетчем, старый развратник! — донесся женский голос из дома. — Неужто не стыдно?

— Да будет тебе, — пробубнил Кетчем, — Ну, Линкольн услыхал, что сестра не желает на материк возвращаться, увидал срам этот, что голая стоит с Ромейном, не совестится, да как поднаддал ему, ну и пошло-поехало…

Ромейн разозлился, хуже не бывает, сгреб Линкольна, швырнул в воду, здоровенный он, Ромейн-то…

Поскольку ничего существенного больше узнать от разговорчивого старика не удалось, они вернулись на катер. Профессор Ярдли неторопливо курил. Доктор Тэмпль бродил взад-вперед по палубе, и его лицо было тревожным.

— Что-нибудь еще? — спросил Ярдли.

— Да, кое-что есть.

Пока полицейский катер пересекал Духту от острова к материку, все молчали.

Глава 10
Приключения доктора Тэмпля

День тянулся бесконечно долго. Прокурор Исхем куда-то уехал. Инспектор Вогн без конца отдавал распоряжения и выслушивал рапорты. На Ойстер-Айленде было тихо. Миссис Брэд не выходила из спальни, сказавшись больной, и Хелен ухаживала за ней. Джон Линкольн бесцельно слонялся по Брэдвуду. Полицейские и детективы сновали повсюду. Репортеры толпились, приезжая и уезжая, озаряя сумерки вспышками фотокамер.

Эллери наконец отправился с профессором Ярдли в его Замок Иф. Ни Эллери, ни профессор в тот вечер больше не говорили о преступлении, которое свело их вместе. Они вспоминали университетские годы, первые шаги Эллери в криминалистике, обсуждали научные труды профессора Ярдли. В одиннадцать часов Эллери облачился в пижаму и удалился спать. Профессор курил, предавался еще в течение часа размышлениям, писал письма и затем тоже отошел ко сну.

В полночь в доме доктора Тэмпля не спали. Сам

доктор в черных брюках, черном пуловере и черных мокасинах бесшумно выскользнул за дверь и исчез среди темных деревьев, отделявших его дом от восточной части Брэдвуда. Он был совершенно невидим во мраке лесной чащи. В нескольких ярдах от дороги он был вынужден спрятаться за деревом. Кто-то двигался ему навстречу.

По очертаниям фигуры доктор угадал, что это полицейский, очевидно, несший ночное дежурство. Полицейский направлялся к дороге, ведущей к бухте. Когда его шаги замерли вдали, доктор быстро перебежал через дорогу и, скрывшись среди деревьев, продолжил путь на запад. Не менее получаса он шел по Брэдвуду, будучи никем не замеченным, и приблизился к владениям Линнов. Удвоив осторожность, он подкрался к дому Линнов с северной стороны, где деревья росли гуще и мрак был непрогляднее. Скрывшись в тени ветвистого платана, доктор замер у окна первого этажа, в котором горел свет и занавеси были задернуты. Сначала он услышал звук шаркающих шагов, потом в окне появился силуэт толстухи Линн. Почти одновременно он различил стук закрываемой двери и, наконец, услышал ее чуть дрожавший голос:

— Перси, ты все закопал?

— Да, да, Бэт. Ради Бога, не говори так громко. Тут полно полицейских, — откликнулся ее супруг полушепотом.

Шаги замедлились у окна, занавеси подняли, и из окна выглянул Линн. Доктор Тэмпль испуганно отпрянул и вжался в стену под окном, услышав вскоре шорох опускаемых занавесей.

— Где? — снова донесся голос миссис Линн.

Доктор Тэмпль весь обратился в слух, но шепот мистера Линна был так неразборчив, что он ничего не расслышал, кроме слов, случайно произнесенных громко:

— Им никогда не найти, если сами не проболтаемся.

— Но доктор Тэмпль… Я боюсь его, Перси!

— Да, да, понимаю. В Будапешта, после войны… «Дело Банделейна». Как же, помню… Черт побери, это он!

Точно он!

— Но он ничего не сказал… — прошептала миссис Линн. — Может быть, он не узнал нас? Или забыл?

— Только не он! На прошлой неделе у Брэдов он так на меня смотрел… Будем осторожны, Бэт. Мы по уши влипли…

Свет в окне погас, скрипнули пружины кро-

вати, и голоса почти сразу же смолкли. Доктор Тэмпль постоял еще немного, но в доме было тихо. Очевидно, Линны заснули. Доктор пустился в обратный путь. Пробираясь лесом, вдоль побережья Кетчемской бухты, он услышал плеск воды. Присмотревшись, доктор заметил лодку, приближавшуюся к причалу, а в ней мужчину и женщину.

Доктор Тэмпль укрылся под деревьями и прислушался.

Женщина упрекала;

— Почему ты вечно какой-то озабоченный? Поедем на остров, найдем укромное местечко…

Голос мужчины был низким и строгим:

— Ты ведешь себя как ребенок. Говорят тебе, опасно, особенно сегодня. Ты просто рехнулась! Тебя станут искать, будут неприятности. Нам надо расстаться, пока все не уляжется…

Женщина выкрикнула надрывным голосом:

— Я подозревала! Ты меня не любишь!!

Мужчина, прикрыв ей рот ладонью, злобно зашипел:

— Что ты орешь? Кругом полиция!

Женщина сказала уже спокойнее:

— Нет, с ней ты не будешь. Я не позволю…

Мужчина молчал. Доктор увидел, как лодка

остановилась у пристани. Женщина поднялась с кормы, и мужчина бесцеремонно вытолкнул ее на берег, а сам торопливо начал грести к острову.

Взошла луна и облила все вокруг ярким светом. Доктор Тэмпль узнал плывущего в лодке. Пол Ромейн! А женщина, стоявшая на берегу и смотревшая ему вслед, была миссис Маргарет Брэд. Доктор Тэмпль усмехнулся и исчез среди деревьев.

Глава 11
Ну и дела!

На следующий день утром Эллери отправился в особняк Брэдов и у ворот увидел автомобиль прокурора Исхема. Подумав, что произошло нечто из ряда вон выходящее, Эллери поспешил войти. Он проскочил мимо побледневшего Стэллинга и очутился в гостиной, где обнаружил улыбающегося Исхема и Вогна вместе с Фоксом, шофером и садовником покойного Брэда. Фокс стоял, скрестив руки на груди и уставившись в пол. Миссис Брэд, Хелен и Джон Линкольн, как и накануне, сидели в креслах.

— Входите, мистер Куин! — радушно пригласил его Исхем. — Вы как раз вовремя.

— Фокс, мы ведь все знаем. Почему вы сами не хотите рассказать?

— Я не понимаю, про что вы? — упрямо твердил Фокс, но было ясно, что он все понимает и лишь попросту тянет время.

Вогн оскалился.

— Хватит прикидываться, фоке! В ту ночь, когда был убит мистер Брэд, вы были у Пэтси Малонэ…

— В ту самую ночь, — добавил Исхем, — когда вы отвезли Стэллинга и миссис Бакстер в синематограф. В восемь часов, Фокс.

Фокс молчал, губы его побелели.

— Ну что вы на это скажете? Зачем скромному шоферу наведываться в особняк нью-йоркского гангстера?

Фокс моргнул, но промолчал.

— Не хотите говорить, да? — Инспектор подошел к двери. — Майк, позовите Плейна.

Появился человек в штатском, неся в руках штемпельную подушечку, намазанную чернилами, и лист бумаги. Фокс издал вопль и кинулся к двери. Человек в штатском, бросив подушечку, схватил Фокса за руку, а инспектор вцепился в ноги Фокса и свалил его на пол.

Поняв, что его одолели, Фокс перестал сопротивляться и позволил поставить себя на ноги.

— Снимите отпечатки пальцев, — велел инспектор.

Человек в штатском схватил правую руку Фокса и поочередно стал прикладывать его пальцы сначала к штемпельной подушечке, затем к бумаге, проделав то же самое и с левой рукой.

Фокс, казалось, агонизировал.

— Сверьте пальцевые отпечатки с картоте-

кой, — приказал инспектор человеку в штатском, и тот удалился. — А теперь. Фокс, если, конечно, это ваше подлинное имя, в чем я лично сомневаюсь, извольте отвечать на вопросы. Зачем вы поехали к Малонэ?

Молчание.

— Как ваше настоящее имя? Откуда вы?

Молчание.

Инспектор подозвал двух детективов из холла и приказал:

— Отведите его в парковый домик и заприте там, Позже мы вернемся к допросу.

Фокс вышел, избегая взглядов миссис Брэд и Хелен, — Ол'райт, — сказал инспектор. — Простите, миссис Брэд, за невольный спектакль! Но ваш шофер явно отрицательный персонаж и плохой актер.

Миссис Брэд покачала головой.

— Не могу в это поверить… Приятный молодой человек, вежливый, внимательный… Не думаете же вы, что именно он…

— Если это он, помоги ему Бог! — воскликнул инспектор.

— Я уверена, что не он! — решительно высказалась миссис Брэд. — Фокс не может быть убийцей или гангстером, — и повторила:

— Я уверена. Он замкнутый человек, но никогда Не совершал неблаговидных поступков, К тому же он весьма образованный и культурный. Я сама видела, как он нередко читал серьезные книги и даже поэзию!

— Люди умеют притворяться, миссис Брэд, — посетовал Исхем. — Он мог просто играть роль, нанявшись к зам шофером. Мы проверили его рекомендации они безупречны, однако он служил на прежнем месте, лишь несколько месяцев!

— Возможно, только ради рекомендаций и нанялся, — поспешил высказаться Вогн и, обернувшись к Эллери, заметил:

— Кстати, мы получили телеграмму вашего отца, который располагает гораздо большим числом осведомителей, чем все полицейские Нью-Йорка вместе взятые…

— Я чувствовал, что без отца не обойдется, — пробормотал Эллери. — Так что же он сообщил?

— Его осведомители видали Фокса входящим в особняк Малонэ, и этого вполне достаточно для определенных выводов.

Эллери пожал плечами, а Хелен возмутилась:

— Отвратительно, что ваши люди ищут в окружающих только плохое…

Линкольн сел и закурил.

— Знаешь, Хелен, нам лучше держаться подальше от всего этого.

— Джон, занимайся своими делами.

— Дети, дети, — томно проговорила миссис Брэд.

Эллери вздохнул.

— Итак, какие новости, мистер Исхем? Как-то скучно без информации.

Инспектор усмехнулся.

— Поглядите-ка на это. — Он передал Эллери пачку машинописных страниц. — Если сумеете что-нибудь раскопать, то вы просто гений. Прошу вас остаться, — обратился он к Линкольну, который встал и собирался куда-то выйти. — Мне надо задать вам несколько вопросов.

Линкольн остановился и удивленно посмотрел на инспектора. Женщины замерли в креслах.

— Что это значит? — резко спросил Линкольн.

— Вчера вы дали показание, что в понедельник обе дамы были в театре. Это ложь. Стало быть, вы всячески пытаетесь помешать расследованию убийства мистера Брэда. И вы, миссис Брэд, тоже, — спокойно обронил Исхем. — Люди инспектора выяснили у таксиста, что в понедельник вечером он вез от вокзала до Брэдвуда только двоих — мистера Линкольна и мисс Брэд.

Хелен вскочила, но миссис Брэд не шелохнулась.

— Мама, не говорите ничего! Это непорядочно! Вы что, хотите сказать, что кто-то из нас убийца, да?!

Линкольн забормотал:

— Послушай, Хелен, может быть, лучше…

— Джон! — закричала Хелен. — Если ты сейчас же не замолчишь, я перестану с тобой разговаривать! — И, закусив губу, бросилась к двери.

Миссис Брэд издала стон, и Хелен, вернувшись, села рядом с ней и обняла ее за плечи.

— Ну что же, — заключил Исхем. — Сами видите, мистер Куин. Таково официальное дознание. Миссис Брэд, попрошу принять к сведению, что с настоящего момента вы все трое подозреваетесь в убийстве мистера Томаса Брэда.

Глава 12
Беседы с профессором

Словно пес, ухвативший кость, мистер Эллери Куин; детектив-любитель, спешил к своему другу и наставнику, неся бумаги и рапорты, фиксирующие ход следствия. Солнце пекло нещадно, и Эллери мечтал о прохладе. Профессора он застал в галерее, украшенной в стиле «Арабских ночей» мрамором и турецким узорчатым орнаментом, с бассейном посредине. Профессор в коротких шортах сидел на краю бассейна, опустив ноги в воду, и курил трубку.

— О! — восхитился Эллери. — Да у вас тут прямо гарем!

— Опять вы употребили совсем неподобающее слово, — критически заметил профессор. — Неужели вы не знаете, что на Востоке апартаменты мужчины «селамик», а не «гарем»? Куин, снимите лишнее, поплавайте в бассейне и присоединяйтесь ко мне. А что у вас в руках?

— Рапорт о ходе следствия. Не вставайте, господин профессор. Мы посмотрим его вместе. Подождите меня, я мигом.

И, действительно, буквально через минуту он вернулся в одних плавках, весь покрытый испариной. Приблизившись к краю бассейна, Эллери плашмя шлепнулся в воду, обдав профессора фонтаном брызг и чуть не погасив его трубку.

— Еще один ваш недостаток, — проворчал Ярдли, — вы плохо плаваете. Вылезайте немедленно, пока не утонули сами и не утопили меня.

Эллери выбрался из воды, уселся рядом с профессором на кромке бассейна и разложил бумаги.

— Итак, что мы имеем? — буркнул профессор, пробежав глазами страницу. Ничего нового! Однако милейший инспектор зря времени не терял, связался с властями округа Хэнкок…

Профессор снова набил трубку и закурил.

— Итак, инспектор-профессионал… И что же в сообщениях?

Эллери вздохнул.

— Тут рапорт о вскрытии тела Эндрю Вана. Знаете ли, это скучно и не совсем приятно читать, а если вы когда-либо знакомились с подобными документами, то ничего интересного для себя не почерпнете. Ха-ха! Любопытно… «Лично окружному прокурору Исхему». О!

Это в духе мистера Крумита. Так. «Лично для

господина Исхема». Результаты дознания о существовании связи между потерпевшими — школьным учителем из Арройо Эндрю Ваном и Томасом Брэдом, миллионером, убитым на Лонг-Айленде. Показания свидетельствуют, что таковой не обнаружено. Была проверена личная переписка Вана и тому подобное. Да уж, негусто…

— Образец пустой риторики, — прокомментировал профессор.

— Бог с ним, с Арройо. Вернемся к Брэдвуду. Заключение медэксперта Рамсена о вскрытии тела Томаса Брэда. Ничего нового. Следов насилия не обнаружено, следов отравления нет и так далее. Кстати, следов удушья в легких тоже не обнаружено. Следовательно, он не был задушен.

— А почему вы тогда спросили у доктора Рамсена, не была ли жертва задушена?

— Поскольку никаких следов насилия не было обнаружено, мне хотелось поточнее установить, что явилось причиной смерти. Доктор Рамсен утверждает, что смерть наступила от удара тяжелым предметом по голове либо от выстрела из огнестрельного оружия. По-моему, скорее первое.

— Мне тоже так кажется, — согласился профес-

сор. — А что там еще интересного?

— Исследование всех возможных путей следования убийцы. Практически невозможно выявление всех лиц, которые вышли из поездов на ближайших к Брэдвуду железнодорожных станциях в день преступления. От патрульных полицейских на автострадах не поступало никаких сообщений. Опрос яхтсменов и рыбаков, плававших по проливу во вторник днем и вечером, тоже ничего не дал…

— Да, гиблое дело, — обронил профессор. — Убийца мог приехать на автомобиле, на поезде или приплыть по воде, хотя точно мы ничего не знаем. Как это ни абсурдно, но можно предположить, что он появился на гидроплане.

— Неплохая идея, господин профессор. Впрочем, невероятное — не значит абсурдное. Однако обратимся к рапорту. Ничего существенного… Веревки, которыми было привязано тело к тотемному столбу… Стоп, тотемный столб на самом деле оказался дешевой вешалкой, которую можно купить практически в любой скобяной лавке? В радиусе десяти миль от Брэдвуда не обнаружено ни одного очевидца, который что-либо видел или слышал о преступлении, хотя, как сообщил Вогн, радиус поисков был расширен.

— Дотошные люди, — заметил профессор.

— Что касается узла на веревке, — тоже пустой номер. Любой нормальный человек, как вы или я, завязал бы такой же.

— Вы — да, но отнюдь не я, — возразил Ярдли. — Я старый морской волк и узлы вяжу морские.

— Теперь о Поле Ромейне, — продолжал Эллери, — В рапорте отмечено, что он присоединился к нашему египтологу в Питтсбурге в феврале, как он сам заявил, и больше ничего неизвестно. Белое пятно…

— Ах, этот Линн.

Эллери на минуту отложил бумаги.

— Да, кстати, Линны. Что мы о них знаем?

Профессор погладил бородку.

— Аа, заподозрили что-то, мои мальчик? Я знал — от вас ничто не ускользнет. Есть в этой паре что-то сомнительное.

Эллери опять склонился над бумагами.

— Итак, в ответе на наш запрос Скотланд-Ярд немногословен и утверждает, что на Линнов данных нет. Были проверены их паспорта, и, конечно же, они оказались в полном порядке. Однако Скотланд-Ярд обещает продолжить поиски криминала на своих граждан Линнов. Да, господин профессор, — Эллери отложил рапорт, — вы

ведь не в курсе событий, происшедших с нашим другом Фоксом и миссис Брэд?

Профессор Ярдли поднял брови. И Эллери поведал ему о дознании в гостиной Брэдов. Тогда профессор задумчиво произнес:

— Я начинаю догадываться, но не буду делать скороспелых выводов. Что там еще в «ходячей энциклопедии» Вогна?

— Результаты его дополнительных расследований.

Швейцар «Парк-театра» опознал по словесному описанию миссис Брэд. Она в середине первого акта ушла из театра. Это было часов в девять.

— Одна?

— Да… И вот еще что.

Вогн откопал оригинал квитанции денежного залога на сто долларов, отправленного Кетчему из Пеории, штат Иллинойс, за подписью Велии Крозака.

— Не может быть! — Профессор округлил глаза. — Значит, есть образец его подписи?

Эллери вздохнул.

— Увы, слишком поспешный вывод. Будьте осторожны, господин профессор. Подпись была напечатана на машинке. Адрес простой: Пеория. Видно, он бродяжничал в тех краях со Страйке-

ром, оказался в Пеории случайно… И вот еще что любопытно. По указанию инспектора, были проверены бухгалтерские книги фирмы «Брэд и Мегара». Фирма процветает, финансы в полном порядке. Но наш друг Стивен Мегара, путешественник-любитель, странствующий в дальних морях, совсем не участвует в бизнесе уже пять лет. Брэд заправлял фирмой, но, в основном, всем занимался Джон Линкольн.

Не понимаю, каков вклад Мегары в дела фирмы?

Эллери нечаянно обронил листки рапорта на пол и вдруг воскликнул:

— Что это? Я и не заметил…

Трубка профессора застыла в воздухе.

— Что именно? О чем вы?

Эллери был страшно возбужден.

— Информация о Крозаке! Последний рапорт. Наверное, окружной прокурор Крумит потребовал, чтобы его возвратили, а потом решил избавиться от лишних проблем и подсунул все бедняге Исхему. Шесть месяцев следствия… Велия Крозак — черногорец из Монтенегро.

— Черногорец? По национальности? Однако сейчас страны Монтенегро больше не существует, — с живейшим интересом откликнулся

профессор Ярдли. — Она вошла в состав современной Югославии, которая в (922 году официально объединила Сербию, Хорватию и Словению.

— Н-да… Крумит сообщает, что Крозак был одним из первых эмигрантов из Монтенегро после провозглашения мира в 1918 году. Когда он получил визу на въезд в США, было зафиксировано, что он — черногорец по национальности. Других сведений нет.

— Крумит что-нибудь раскопал в связи с его американской карьерой?

— В общем, ничего. Крозак переезжал из города в город, привыкал к стране, изучал язык. В течение нескольких лет он торговал вразнос мелкими вышитыми изделиями, циновками и прочим.

— Все они так, — философски заметил профессор, Эллери подошел к следующему параграфу рапорта.

— Он познакомился с Хараштом, то есть со Страйкером, четыре года назад в Чатануге, штат Теннесси. Они сразу сошлись. Страйкер торговал тогда «солнечным эликсиром» — рыбьим жиром с самодельной этикеткой.

Крозак стал его менеджером или «жрецом», если говорить на языке бедного безумного старика, проповедовавшего культ Солнца и практику-

ющего исцеление немощных во время своих странствий по дорогам Америки.

— А известно что-нибудь о Крозаке после убийства в Арройо?

Лицо Эллери омрачилось.

— Нет, он просто исчез.

— А как насчет слуги, Клинга?

— Никаких следов. Словно сквозь землю провалился. По поводу Клинга я и сам удивляюсь. Если Крозак и его убил, то где он спрятал тело? Честное слово, господин профессор, когда мы узнаем о судьбе Клинга, нам не составит труда решить всю головоломку. Крумит прощупывал связь Клинга и Крозака, пытаясь выяснить, не были ли они соучастниками, но ничего не обнаружил.

— Это не, означает, что связи не было, — отметил профессор.

— Разумеется. Кроме того, что касается Крозака, мы не знаем, был ли он заодно со Страйкером или нет.

— Страйкер… Вот вам пример гнева Господня, — прошептал профессор.

Эллери усмехнулся.

— Из рапорта ясно, что Крумит и до Харашта добрался и установил, что он — тот самый Элва Страйкер, известный египтолог, который по-

терял рассудок вследствие солнечного удара, перенесенного им много лет назад в Египте. Семьи и родственников у него нет, он считается неопасным безумцем. Вот, послушайте: «Согласно вердикту прокурора округа Хэнкок, Элва Страйкер, называющий себя Хараштом или Ра-Хараштом, признан невиновным в смерти Эндрю Вана. В течение некоторого времени он был мишенью злоумышленников, использующих в низких корыстных целях его экзотическую внешность, безобидное сумасшествие и религиозный фанатизм. Мы считаем, что существует также человек, который, по неизвестным мотивам, убил Эндрю Вана. Имеющиеся факты свидетельствуют, что это Велия Крозак».

— Отлично сформулировано, не правда ли?

— Случайные совпадения, не в пользу Крозака, — заключил профессор.

Эллери покачал головой.

— Случайные или нет, но Крумит прав, что Крозак и есть убийца.

— Почему вы так полагаете?

— Факты против него. Однако то, что Крозак убил Вана, не является главным в моей версии. Недостающее Звено — кто он, этот Крозак?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил про-

фессор.

— Я хочу сказать, что Велию Крозака может опознать только один человек — Страйкер, которого нельзя официально вызвать в суд для дачи свидетельских показаний. Поэтому я и спрашиваю: кто он, этот Крозак? Где он сейчас? Может быть, среди нас?

— Нонсенс, — уверенно произнес профессор. — Черногорец с хорватским акцентом, к тому же хромой, — Не такой уж нонсенс, господин профессор. Иностранцы быстро осваиваются в нашей стране. Если вы помните, разговаривал с гаражменом Крекером наш Крозак на чистейшем английском языке. Что касается моего предположения, будто Крозак находится среди нас, то, чтобы оценить его, вам просто необходимо лучше ознакомиться с подробностями убийства Брэда…

— Неужели? — удивился Ярдли. — Я так не считаю.

Позвольте вам заметить, молодой человек, вы пытаетесь бежать впереди паровоза.

— Я всегда так бегаю. — Эллери встал и нырнул в бассейн.

Когда его голова появилась над поверхностью воды, он улыбнулся и сказал:

— Я не сообщил вам, господин профессор, что

наш Крозак подвизался в проповедовании культа Солнца, в Брэдвуде еще в октябре, то есть до убийства Вана. Убедительно? Так что он вполне может находиться где-то здесь. — Эллери выбрался из бассейна и улегся на прохладный мрамор, заложив руки за голову. — Итак, сосредоточимся. Начнем с черногорца Крозака. Кто, скажем, убил уроженца Центральной Европы, предположительно, румына по национальности, и выходца из Центральной Европы, предположительно, армянина по национальности? Три эмигранта из Центральной Европы, возможно, из одной страны, поскольку я совершенно уверен, что Ван и Брэд не из Армении и не из Румынии. — Эллери закурил сигарету. — А теперь рассмотрим эти совпадения с точки зрения мотивов преступления. Центральная Европа, Балканы… Средоточие суеверий и насилия, дикости и невежества. О чем это свидетельствует?

— К сожалению, я не сведущ в вопросе о Балканах, — огорчился профессор. — Могу только утверждать, что сотни лет эта часть суши была источником не только странного и мистического, но и уникального фольклора.

Полагаю, это результат не только отсталости и изолированности от мира, но и неприступности

горного окружения.

— Ха-ха! Есть идея! — воскликнул Эллери. — Вампиризм! Помните бессмертного «Дракулу» Брэма Стокера, ввергавшего в ночные кошмары честных бюргеров? История человека-вампира, обитавшего, кстати, в Центральной Европе и, кстати, тоже отрубавшего головы.

— Чушь! — заявил профессор, пристально глядя, на Эллери.

— Сдаюсь, — кивнул Эллери, — но только потому, что в сердца Вана и Брэда не воткнули осиновые колья. Ни одна история про вампиров не обходится без этой «милой церемонии». Если бы полиция обнаружила еще и колья, то я бы не сомневался, что мы имеем дело С суеверным сумасшедшим, очищающим землю от вампиров.

— Ну это уж совсем несерьезно… — запротестовал профессор.

Некоторое время Эллери молча курил, а затем продолжал:

— Не знаю, серьезно это или нет, но судите сами, господин профессор. Мы можем, конечно, отмахнуться от вампиризма, как от страшной сказки, — и только. Но если мистеру Крозаку угодно верить в вампиров и сражаться с ними, отсекая людям головы, нельзя просто отмахнуть-

ся от этого феномена. Как вы помните, это один из постулатов философии прагматизма. Если вампиризм существует для Крозака, то…

— А как это увязать с вашим Египетским крестом?. - прервал его рассуждения профессор, сидевший прямо, в удобной позе и как будто собиравшийся долго дискутировать.

— С Египетским крестом? — переспросил Эллери. — А разве вы сами не видели его на месте преступления?

Разве вы не согласны со мной?

Ярдли выбил трубку, положил ее рядом с собой на край бассейна, погладил бородку, словом, принял благообразный профессорский вид;

— Сын мой, — поучительно начал он, — хватит околпачивать самого себя.

Эллери вспыхнул.

— По-вашему, «Тау» — крест не Египетский?

— Именно.

Эллери задумался.

— Ваше мнение авторитетно… А как насчет пари, господин профессор?

— Пари?! Я не люблю спорить, не такой характер.

Где, скажите на милость, crux commissa называют Египетским крестом?

— В «Британской энциклопедии». Примерно год назад я занимался некоторыми исследованиями о крестах. Я тогда работал над романом. Насколько я помню, «Тау» или Т-крест считался египетским изобретением и обычно называется Египетским крестом. Во всяком случае, там было указано, что слова «тау» и «египетский» употреблялись в связи со словом «крест». Вы сами можете обратиться к энциклопедии.

Профессор улыбнулся.

— Я верю вам на слово. Не знаю, кто писал для энциклопедии статью о крестах, но это был явно эрудированный человек. И все же «Британская энциклопедия» не лишена ошибок, как и все сотворенное человеком, и не может быть истиной в последней инстанции. Я не корифей египтологии, однако это одна из областей моей научной деятельности, и я смею утверждать, что никогда не встречал понятия «Египетский крест». Это заблуждение. Есть в египтологии нечто, по форме напоминающее заглавное Т…

Эллери совершенно растерялся.

— Но почему тогда вы настаиваете, что «Тау» — не…

— Потому что нет, — прервал его профессор Ярдли. — Один из священных атрибутов,

использовавшийся древними египтянами, действительно, имел форму греческой Т, которую можно заметить, рассматривая иероглифы. Но это вовсе не «Тау» — крест, древнейший религиозный символ христиан. Существует много аналогичных словосочетаний, например, название «Крест святого Антония» применяется к «Тау» — кресту, ибо на последнем тоже изображают распятого святого Антония, но, строго говоря, это такой же крест Святого Антония, как ваш или мой нательный крест.

— Выходит, «Тау» — крест вовсе не Египетский крест, — пробормотал Эллери. — Черт возьми, я совсем запутался.

— Если вам угодно называть его так, я не возражаю. Крест — символ. Испокон века существует множество его разновидностей, к примеру, крест у индейцев Западного полушария, до прихода испанцев. Но важно иное. Если и есть какой-либо крестообразный символ, который, судя по его форме, можно назвать Египетским крестом, то это, несомненно, «Анх».

— «Анх»? — Эллери удивился. — Видите ли, я как-то не задумывался… Т-крест с кругом на конце?

Ярдли отрицательно покачал головой, — Нет,

нет, не круг, юноша, а какая-либо маленькая фигурка. «Анх» по внешнему виду напоминает крест, который называется crux ansata[7] и довольно часто встречается в египетских папирусах, «Анх» символизирует божественность и могущество и метит держащего его человека как властелина жизни.

— Властелина жизни? — Какая-то мысль мелькнула в голове Эллери. — О, Господи, вот оно что! Пусть остается Египетский крест? Что-то подсказывает мне, что мы на верном пути.

— Успокойтесь, молодой человек!

— Ну как же, господин профессор, неужели вы не понимаете? Все проще простого! «Анх» — символ жизни, перекладина от Т-руки, нога от Т-туловища, фигурка наверху — голова. Нет головы — нет жизни. Что это значит? Крозак заменил символ жизни на символ смерти.

Профессор пристально смотрел на Эллери некоторое время и, покачав головой, сказал:

— Логично, мой мальчик, чертовски логично! Но на миллион парсеков далеко от истины.

Восторг Эллери невольно угас.

— А сейчас-то что не так?

---

[7] Примечания: 7
Crux ansata — крест с петлей.

— Ваши рассуждения о мотивах Крозака, отсекающего головы жертвам, были бы правильны, если бы «Анх» был символом человеческого тепа. Увы, Куин.

У «Анха» более прозаическое происхождение… — Профессор вздохнул. — Вы заметили сандалии на Страйкере-Хараште? Это имитация подлинной обуви древних египтян. Я не хочу ни о чем спорить, в конце концов, я такой же корифей антропологии, как и египтологии. Но…

«Анх», по мнению специалистов, крест с петлей, как бы изображает ремешок сандалии, такой же, какую носит Страйкер. Петля наверху — ремешок, охватывающий лодыжку. Вертикаль ниже петли — ремешок, спускающийся по подъему ноги и соединенный с подошвой сандалии, между большим пальцем и остальными пальцами, а короткие горизонтальные ремешки идут по обе стороны ступни к подошве сандалии.

Эллери был сражен.

— И все же я не понимаю, почему символ древнеегипетской сандалии мог стать символом власти над жизнью, даже в фигуральном смысле?

Профессор пожал плечами.

— Первоначальное слово или идея древних

не всегда доступны пониманию современного разума. Эта идея непонятна и с научной точки зрения. Но поскольку «Анх» — крест использовался при написании различных фраз со значением «жить», он и стал символом жизни, бытия. Ну, а раз так, то, несмотря на прозаичность прохождения «Анх» — креста от сандалии из специально выделанного папируса, символ стал овеществляться древними египтянами и превратился в амулет из дерева, фаянса или другого материала. Однако никогда этот символ не олицетворял человеческой фигуры.

— О'кей. Отбросим все это, — предложил Эллери. — И теорию «Анха» тоже. Скажите, господин профессор, а древние египтяне практиковали распятие?

Профессор улыбнулся.

— Не хотите сдаваться? К сожалению, не знаю.

— Тогда отказываемся от этой версии. По крайней мере, я. Извините, господин профессор, но если Крозак отсечением головы своим жертвам хотел изобразить символ креста, то уж никак не «Анха», а скорее «Тау».

Поскольку вероятность существования «Тау» — креста в Египте времен фараонов мала, если вообще она есть, то и у Крозака, возможно,

такой идеи не было, зато была связь с сумасшедшим египтологом, страдающим египтоманией и проповедующим религию древних египтян. Логично? Логично. Томас Брэд был распят на тотемном шесте, простите, столбе, который является еще одним подтверждением религиозного символа. Если и далее следовать нашей логике и допустить, что Крозак имел в виду «Анх» — крест, тогда он, скорее всего, оставлял бы головы на месте, чем отсекал их. Итак, мы дважды опровергли сомнения по поводу египетской теории, но у нас нет доказательств для американской теории тотемизма, за исключением одного-единственного факта места распятия Томаса Брэда, да и то выбранного, вероятно, из-за Т-образной формы перекрестка дорог, нежели из религиозных соображений. Однако не приходится настаивать на теории распятия на «Тау» — красте в христианском вероучении, ибо отсечение головы, насколько мне известно, не применялось при умерщвлении мучеников.

Вывод: мы отбрасываем все религиозные теории.

— Ваше кредо, — подытожил профессор, — не противоречит учению раблезианцев: великое и всемогущее «может быть».

— Да, именно то, с чего я и начал, — заключил Эллери.

— С чего же?

— С факта, что Т — это Т и больше ничего. Т — буква алфавита. Т, Т… забубнил Эллери и вдруг замолчал, пристально уставившись на воду в бассейне, будто в жизни ничего подобного не видел.

— Что с вами? — забеспокоился профессор.

— Неужели это возможно? — забормотал Эллери. — Нет, слишком уж все просто… Но в то же время — никаких подтверждений… Я уже однажды наткнулся на это…

Эллери замолчал и, похоже, не слышал вопроса профессора. Ярдли вздохнул и закурил трубку. Так они и сидели молча, пока вошедшая пожилая негритянка не прервала их уединения.

— Мистер Ярдли, — заговорила она извиняющимся тоном, — тут к вам какой-то человек…

— А? — Профессор растерянно оглянулся. — Кто? Зачем?

— Инспектор, сэр. Он такой сердитый, сэр, просто ужас!

— Зовите, Нэнни. Пусть войдет.

Через минуту в галерею с бассейном ворвался весь взъерошенный и взмокший Вогн, размахивающий листком бумаги.

— Куин! — закричал он. — Есть новости!

Эллери вернулся к действительности.

— О! Привет, инспектор. Что там у вас?

— Вот, почитайте.

Инспектор положил листок на мраморный пол рядом с Эллери.

Эллери и профессор переглянулись и начали читать.

Это была радиограмма с Ямайки:

НАХОЖУСЬ ПОРТУ ТЧК СЕГОДНЯ УЗНАЛ СМЕРТИ БРЭДА ТЧК ПЛЫВУ НЬЮ-ЙОРК НЕМЕДЛЕННО ТЧК

Радиограмма была подписана:

СТИВЕН МЕГАРА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РАСПЯТЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Словно главный судья Брюссельского Дворца Правосудия, однажды я открыл для себя, что работа криминального расследования часто направляется мотивами, непонятными законопослушным гражданам.

Феликс Брюваж

Глава 13
Секрет Нептуна

Яхта Мегары «Хелен» за рекордно короткий срок проплыла от Ямайки на север, к Багамским островам, но в бухте Провидения что-то случилось с двигателем, и капитан Свифт вынужден был зайти в порт Нассау для ремонта. Прошло несколько дней, прежде чем яхта снова вышла в море, и лишь 1 июля, через восемь суток после радиограммы «Хелен» причалила к суше и добралась до Нью-Йорка. Из порта радировали о беспрепятственном прохождении яхты через гавань, и вскоре «Хелен», в сопровождении полицейского катера, появилась в проливе Лонг-Айленд.

За восемь дней ничего нового не произошло, если не считать похорон мистера Брэда. Траурная церемония, без особой пышности, состоялась на местном кладбище. Вдова мистера Брэда, как отмечала пресса, перенесла процедуру похорон с завидной стойкостью. Даже Хелен, падчерица покойного, выглядела более расстроенной, чем ее мать.

Поиски Велии Крозака приняли масштабы поимки государственного преступника. Его словесный портрет был разослан во все Управления полиции и шерифам всех штатов, направлен в порты, словом, его разыскивала полиция 48 штатов, а также Канады и Мексики. Несмотря на принятые меры, ни одного черногорца задержать не удалось. Человек словно улетел в космос. О Клинге тоже не было ни слуху ни духу. Шофер Фокс все еще находился под охраной в своем парковом домике, хотя формально он не бил арестован, но его жизнь мало чем отличалась от узников тюрьмы-крепости Синг-Синг.

Были сняты и проверены пальцевые отпечатки Фокса, но нигде в полицейских картотеках восточных штатов они не значились. Инспектор послал копии его отпечатков пальцев в западные штаты — безрезультатно. И сам Фокс хранил молчание. Он не жаловался на свою участь, но что-то в его взгляде настораживало инспектора, и тот удвоил охрану. Фокс стерпел и это, сломить его так и не удалось. День за днем он тихо сидел в своем домике, еле прикасаясь к еде, которую готовила на кухне и подавала ему миссис Бакстер, казалось, он еле двигался и еле дышал.

1 июля, в пятницу, когда «Хелен» входила через

Лонг-Айлендский пролив в узкую Кетчемскую бухту, причал Брэдвуда был битком набит людьми детективами, полицейскими, военными. Все с нетерпением наблюдали за неторопливыми маневрами щеголеватой красавицы-яхты, выкрашенной в ослепительно белый цвет, с удлиненным корпусом, по бокам которого были подвешены небольшие лодки. В туманном утреннем воздухе фигурки людей, копошившихся на борту, были едва различимы.

Инспектор Вогн, прокурор Исхем, Эллери Куин и профессор Ярдли стояли на пристани в ожидании яхты. От Брэдвуда отчалил полицейский катер, и на его палубу, когда он приблизился к «Хелен», перебрались несколько членов экипажа. Катер пустился в обратный путь. Толпа замерла…

Стивен Мегара был высоким, до черноты загорелым, сильным мужчиной, с черными пушистыми усами и крупным носом. Его внешность излучала жизненную силу, но вместе с тем была какой-то зловещей. Эллери с любопытством изучал его. Похоже, это был типичный человек действия, полная противоположность тучному, медлительному и усталому человеку, каким казался его компаньон Томас Брэд.

— Я Стивен Мегара, — представился гигант, говоривший по-английски с легким акцентом. — Хелен! — воскликнул он, увидев девушку в толпе. Подошел, взял ее за руку и, не обращая ни на кого внимания, с нежностью заглянул ей в глаза. Она вспыхнула и медленно отняла руку. Мегара улыбнулся, и усы его, топорщась, поползли вверх. Он прошептал что-то на ухо миссис Брэд, кивнул доктору Тэмплю и снова заговорил:

— Значит, Том убит, Я к услугам каждого, кто пожелает мне содействовать.

Прокурор усмехнулся.

— В самом деле? — И добавил; — Я окружной прокурор Исхем. Это инспектор Вогн из Нассау. Мистер Куин, следователь-эксперт. Профессор Ярдли, ваш сосед.

Мегара всем пожал руки и, обернувшись, указал на сухопарого пожилого человека в синей форменной одежде:

— Капитан Свифт, мой шкипер.

— Рад приветствовать, — сказал Свифт, приложив к козырьку левую руку, на которой, как успел заметить Эллери, недоставало трех пальцев. Когда все двинулись к особняку Брэдов, Эллери обнаружил, что бывалый морской волк и на суше шагает тяжелой походкой вразвалку.

— Сожалею, что я слишком поздно узнал про смерть Тома, — обратился Мегара к Исхему. — Я был в плавании по далеким морям, а туда вести доходят нескоро. Это был страшный удар для меня…

Однако тон его был совершенно бесстрастным, мало того, в нем даже сквозило безразличие. Он говорил о смерти компаньона, как, вероятно, обсуждал бы очередную партию импортируемых ковров.

— Мы ждали вас, мистер Мегара, — сообщил Вогн. — Как вы думаете, у кого были мотивы для убийства вашего компаньона?

— Гмм… — протянул Мегара. — Затрудняюсь ответить.

Прежде надо разобраться, что произошло.

Исхем уже открыл было рот для ответа, но Эллери внезапно спросил самым любезным тоном:

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Эндрю Ван?

На какую-то долю секунды Мегара замер, однако лицо его оставалось непроницаемым.

— Эндрю Ван? А при чем тут он?

— Итак, вы знаете его! — воскликнул Исхем.

— Он был убит при аналогичных обстоятельствах, как и ваш компаньон Томас Брэд, — пояс-

нил Эллери.

— Вам убит? — Что-то в облике яхтсмена неуловимо изменилось, взгляд стал тяжелым.

— Убит и обезглавлен, а тело было распято в виде буквы Т, — поведал ему Эллери.

Мегара внезапно остановился, а за, ним — и вся кавалькада. Лицо его побагровело.

— А… — прошептал он. — Вот оно что… Но мы, кажется, пришли…

Мегара дрожал, плечи его опустились, и он весь съежился, отчего показался намного старше.

— Вы можете объяснить символ Т? — настойчиво спросил Эллери.

— Да как сказать… — Мегара стиснул зубы и торопливо зашагал к особняку. Все молча потянулись за ним.

Стэллинг открыл дверь, и его лицо озарила счастливая улыбка.

— Мистер Мегара, как я рад вас привет…

Мегара прошествовал мимо, даже не взглянув в его сторону, и направился в гостиную, остальные следовали за ним. В гостиной Мегара стал нервно прохаживаться из угла в угол. Миссис Брэд подошла к нему и, взяв за руку, тихо сказала;

— Стивен, если бы ты мог прекратить весь этот кошмар…

— Стивен, ты ведь знаешь! — воскликнула Хелен.

— Если вы действительно что-то знаете, мистер Мегара, ради Бога, снимите с нас подозрение! — умоляюще проговорил Линкольн. — Ведь это просто ужасно!

Мегара вздохнул, сунул руки в карманы и заговорил:

— Спокойно, господа! Капитан, садитесь и простите меня, что я вовлек вас в мои семейные дела.

Свифт моргнул и остался стоять. Ему было явно не по себе, и он жался к двери.

— Джентльмены, — начал Мегара, — думаю, что я знаю, кто убил моего… кто убил Томаса Брэда.

— Неужели знаете? — удивленно воскликнул Вогн.

— И кто же? — нетерпеливо спросил Эллери.

Мегара распрямил плечи.

— Человек по имени Велия Крозак. Нет никаких сомнений. Что касается Т, подозреваю, что только один человек мог оставить такой знак. В некотором смысле это символ жизни, который… Впрочем, расскажите лучше, что произошло при убийстве Вана и при убийстве Брэда?

Вогн взглянул на Исхема, и тот кивнул. Инспектор изложил подробно факты, связанные с преступлениями, начав с жуткой находки Оркинсом и старым Питером распятого тела школьного учителя. Когда он упомянул о владельце гаража Крокере и его встрече с хромым человеком, пожелавшим добраться до дорожного перекрестка, Мегара кивнул и сказал:

— Это он, именно он.

Вогн завершил рассказ, и Мегара печально улыбнулся.

— Теперь мне все ясно. — Он обрел прежний облик, и голос его зазвучал увереннее. — Скажите, а что вы нашли в беседке? У меня есть некоторые сомнения…

— Но, мистер Мегара, я не вижу связи… — запротестовал Исхем.

— Давайте сходим туда, — властным тоном предложил Мегара и первым направился к двери.

Исхем колебался, но Эллери перехватил его взгляд и кивнул. Все устремились за яхтсменом.

Когда они шли по дорожке к тотемному столбу и к беседке, профессор Ярдли шепнул Эллери:

— Ну что, Куин, похоже на финал?

Эллери пожал плечами.

— Не думаю. Все, что я говорил о Крозаке, не утратило своей силы. Но где он, черт возьми? Если Мегара сможет его опознать в его теперешнем обличье…

— Это нам очень поможет, — договорил профессор. — А почему вы все еще считаете, что он здесь?

— Я не уверен, но предполагаю.

Вход в беседку был закрыт куском ткани, и возле нее дежурил полицейский. Вогн раздвинул занавес, и Мегара, не колеблясь, вошел в беседку, в которой все было без изменений с тех пор, как сюда вошли следователи на следующее утро после преступления. Мегара не обратил внимания ни на Т, ни на кровавую лужу, ни на беспорядок и следы борьбы. Он сразу же схватил курительную трубку «Нептун».

— Я так и знал, — произнес он успокоенно. — Инспектор, когда вы упомянули трубку, я почувствовал, что здесь что-то не так.

— Не так? — Вогн опешил, глаза же Эллери были ясны и приветливы. — Что не так, мистер Мегара?

— Да все не так. — Мегара осмотрел трубку. — Думаете, это трубка Тома? Ничего подобного.

— Вы хотите сказать, что это трубка Крозака? —

спросил инспектор.

— Хотел бы, но не могу, — ответил Мегара мрачно. — Это моя трубка.

Наступила напряженная тишина, которую минуту спустя решился нарушить Вогн.

— В конце концов, — начал он, — даже если это и так…

— Погодите, Вогн, — перебил его прокурор. — Ведь и Стэллинг показал, что это трубка Брэда, хотя его ошибку можно объяснить. Но ведь на трубке были обнаружены отпечатки пальцев Брэда, он курил ее в ту ночь, и в ней был его табак. А теперь, мистер Мегара, вы заявляете, что трубка ваша. Не понимаю…

Глаза Мегары сузились.

— Я и говорю, что здесь что-то не так. Это моя трубка. Если Стэллинг утверждает, что это трубка Томаса, то он либо лжет, либо заблуждается, поскольку он мог видеть эту трубку в особняке Брэдов до моего прошлогоднего плавания на яхте. Я случайно забыл ее.

— Тогда явно непонятно, почему человек вдруг стал курить чужую трубку? — вежливо заметил Эллери, обращаясь к Исхему.

— Вот именно, — отозвался Исхем.

— Это исключено, — заявил Мегара. — Том не

стал бы курить чужую трубку. У него их целая коллекция, откройте ящик стола в его кабинете, сами убедитесь. Кроме того, Том был очень брезглив и ни за что не взял бы в рот не свою трубку. — Мегара ласково вертел трубку в руках. — «Нептун» у меня уже пятнадцать лет, и Том отлично знал, что это моя самая любимая трубка.

— Заметьте, джентльмены, — вновь заговорил Эллери, — мы стоим на пороге весьма любопытного открытия, Это первый луч света во мраке. Неужели вы не оценили важность опознания трубки мистером Мегарой?

— Важность, важность... — проворчал Вогн. — Важно только одно — Крозак пытается обвинить мистера Мегару.

— Отнюдь, инспектор! — возразил Эллери. — Крозаку и в голову не пришло бы впутывать мистера Мегару, ведь все знали, что он в плавании, за сотни тысяч миль отсюда. К тому же, все эти Т, связь с убийством мистера Вана... Это как подпись убийцы.

Неожиданно он обратился к яхтсмену;

— Где вы были, сэр, точнее, где была ваша яхта и вся ваша команда 22 июня?

Мегара повернулся к шкиперу.

— Мы ожидали этого вопроса. Верно, капитан?

Так где мы были?

Капитан сунул руку в большой карман бушлата и достал сложенный лист бумаги.

— Выписка из судового журнала, сэр, — сказал он, протягивая листок Мегаре.

— Оказалось, что 22 июня «Хелен», проплыв Панамский канал, направилась в Вест-Индию. К выписке был приложен чек, подтверждающий оплату ее прохода по каналу.

— Вся команда была на борту, — доложил Свифт. — По судовому журналу можно сверить. Мы шли по Тихому океану на восток.

Вогн кивнул.

— Никто не сомневается в ваших словах, капитан, но судовой журнал мы все же посмотрим.

Исхем обратился к Эллери:

— Мистер Куин, у вас есть какие-либо замечания?

— Боюсь, инспектор, из этих документов ясно, — Эллери указал на выписку и чек, — что Крозак не должен был пытаться убедить нас в том, что мистер Мегара убил своего компаньона, поскольку точно знал, что у мистера Мегары железное алиби. Но, исходя из того, что обнаруженная курительная трубка принадлежит мистеру Мегаре и мистер Брэд вряд ли курил

ее, мы можем предложить другую стройную версию.

— Чудненько, — сказал профессор Ярдли, — если, действительно, можем. Но каким образом?

— Мистер Брэд не мог курить трубку «Нептун», которая принадлежит мистеру Мегаре. Но кто-то ее курил, или хотя бы держал в руках. Судя по пальцевым отпечаткам, это был все же мистер Брэд. Итак, если он ее не курил, но держал в руках, какой вывод?

— Великолепно, — пробормотал профессор. — Значит, создали видимость, что мистер Брэд ее курил. А оставить на трубке пальцевые отпечатки жертвы детская забава для убийцы.

— Верно! — подтвердил Эллери. — Создать видимость, что трубку курили, было совсем просто. Убийца мог ее набить табаком, раскурить и, выкурив половину, погасить. Дальше. Кому надо было создавать видимость, что мистер Брэд курил трубку? Убийце. Зачем? Чтобы создалось впечатление, будто мистер Брэд вышел из кабинета в домашней куртке, с трубкой в зубах и направился в беседку, где его и убили.

— Похоже на правду, — одобрил Исхем. — Но зачем Крозаку эта уловка с трубкой мистера Мегары? Разве он не мог взять трубку из ящика

мистера Брэда, его личную?

Эллери пожал плечами.

— О, проще простого. Где Крозак ее взял? В ящике стола. Верно, мистер Мегара?

— Верно, — ответил Мегара. — Том держал там коллекцию трубок, а когда нашел забытую мною, то, скорее всего, положил вместе со своими до моего возвращения.

— Именно. Итак, открыв ящик стола, Крозак увидел коллекцию трубок. Он, естественно, подумал, что все они принадлежат мистеру Брэду, и решил выбрать, действуя по принципу: чем заметнее, тем легче опознать.

«Нептун» — самая подходящая из всех. И убийца создает видимость, что мистер Брэд курил в беседке трубку «Нептун». К счастью, трубка опознана и оказалась собственностью мистера Мегары, а не мистера Брэда. Но тут мы пришли к любопытному выводу, Крозак промахнулся, создавая впечатление, будто мистера Брэда убили, когда он курил в беседке. Почему? Потому что, не найди мы трубку, мы бы догадались о причине нахождения Брэда в беседке только по его домашней куртке и полагали бы, что его туда привели силой. Но если человек спокойно курил трубку в беседке, то вполне разумно было бы

предположить, что он делал это по собственной воле. Значит, мы выяснили, что он там на курил, а убийца хочет убедить нас в обратном. Следовательно, напрашивается вывод, что беседка не была местом преступления, в то время как убийца настойчиво навязывает нам эту мысль.

Мегара посмотрел на Эллери с интересом, но во взгляде его мелькнул и откровенный цинизм. Все остальные молчали.

Эллери продолжал:

— Но если беседка — не место преступления, то где же оно? Мы должны его найти и обследовать. Впрочем, обнаружить его нетрудно. Это, конечно, библиотека.

Последний раз мистера Брэда видели живым именно там. Он играл в шашки сам с собой и кого-то явно ждал, поскольку постарался избавиться от всех домочадцев.

— Минуту, мистер Куин, — прервал его Мегара. — Все гладко, без сучка, без задоринки, но все совсем не так.

Эллери удивленно поднял брови.

— Не понял? Что вас смущает в моей версии?

— Вы не правы. Крозак знал, что это моя трубка.

Эллери снял очки и начал тщательно протирать

стекла носовым платком, что было признаком удовлетворения либо восхищения.

— Весьма неожиданное заявление. Однако откуда Крозаку было знать, что трубка ваша?

— Потому что трубка была в футляре. Вы нашли в ящике стола футляр?

— Нет. Не хотите ли вы сказать, что на футляре были ваши инициалы, мистер Мегара?

— Не инициалы, а полное мое имя. Когда я в последний раз держал свою трубку в руках, она была в футляре, специально изготовленном для нее, для других трубок футляр не годился, если, конечно, они не были дубликатами моей.

— Замечательно! — воскликнул Эллери, широко улыбаясь. — Я отказываюсь от своих утверждений. Вы дали новое направление моим мыслям, мистер Мегара, а фактам — иную окраску. Крозак знал, что это ваша трубка и тем не менее выбрал ее и оставил в беседке. Футляр, судя по всему, он прихватил с собой. Зачем? Если бы он оставил футляр в ящике стола, мы бы его обнаружили, сопоставили с трубками мистера Брэда и поняли, что трубка «Нептун» не его. Припрятав ваш футляр, Крозак заставил нас поверить, что это трубка мистера Брэда, причем, поверить основательно.

— А почему основательно? — поинтересовался Вогн.

— Да потому, что мистер Мегара вернулся, опознал свою трубку и рассказал о пропавшем футляре. Крозак предполагал, что так и будет. Следовательно, Крозак хотел, чтобы до возвращения мистера Мегары мы считали, что трубка принадлежит мистеру Брэду, а место преступления — беседка. После приезда мистера Мегары, по расчетам Крозака, мы должны были выяснить, что беседка не является местом убийства, и начать поиски подлинного места преступления.

— Значит, — медленно произнес профессор, — убийца хотел, чтобы мы отыскали настоящее место происшествия? Не понимаю, зачем?

— Мне тоже это кажется странным, — заметил Исхем, — Проще простого, улыбнулся Эллери. — Крозак стремился к тому, чтобы мы осмотрели подлинное место преступления не неделю назад, а сейчас. Понимаете?

Именно сейчас.

— Но почему, Боже мой? — нетерпеливо воскликнул Мегара. — Какой в этом смысл?

Эллери пожал плечами.

— Точно не знаю, но какой-то смысл есть. Крозаку было важно, чтобы мы там что-то обнаружили

именно сейчас, когда вы, мистер Мегара, здесь, в Брэдвуде, что-то такое, чего мы не должны были найти в ваше отсутствие.

— Ерунда! — рявкнул Вогн.

— Как бы там ни было, — рассудительно заметил Исхем, — я все же сомневаюсь.

— Предлагаю, — живо откликнулся Эллери, — действовать по подсказке мессира Крозака. Если он этого желал, надо его ублажить. Вернемся в библиотеку.

Глава 14
Ключ из слоновой кости

Библиотека со дня убийства была заперта. Дверь открыли, и Исхем, Вогн, Мегара, профессор Ярдли и Эллери вошли в эту комнату. Капитан Свифт направился в портовый док. Мисс Брэд и мисс Линкольн оставались в своих комнатах. Доктор Тэмпль давно куда-то испарился.

Начались поиски. Это был не просто осмотр, а тщательное обследование, когда перетряхнули чуть ли не каждую пылинку. Исхем занялся секретером, Вогн — остальной мебелью. Профессор Ярдли был в нише, где стоял рояль, и наслаждался, разглядывая музыкальный салон. Мегара уселся в кресло. Наконец первое открытие. И сделал его, конечно же, Эллери, причем, совершенно неожиданно. Он осматривал угол дивана, поэтому и решил отодвинуть его от стеллажей, и диванные ножки оказались на ковре. Эллери вдруг ойкнул и наклонился, чтобы обследовать ту часть ковра, которая находилась прежде под диваном. Исхем, Вогн и Ярдли поспешили к нему. Мегара поднялся с кресла, но подходить не стал.

— Что там?

— То самое, — пробормотал инспектор. — Пятно.

— Пятно крови, — уточнил Эллери.

Темное пятно засохшей крови выделялось рядом с золотистым ковром с назойливостью сургучной печати, а возле него на расстоянии нескольких дюймов на ворсе ковра была вмятина квадратной формы от ножки стула, секретера или стола, простоявшего там долгое время, но явно не от дивана, ножки которого были круглыми.

Эллери, так и не встав с колен, озирался вокруг, и, наконец, его взгляд остановился на секретере, который стоял у противоположной стены.

— Здесь должна быть еще одна вмятина, — начал он и потащил диван на середину комнаты.

И, действительно, на расстоянии трех футов от первой вмятины оказалась точно такая же.

— Но пятно? — удивился Исхем. — Как оно, черт возьми, попало под диван? Стэллинг ведь говорил, что в комнате ничего не менялось.

— Что же тут непонятного? — сухо произнес Эллери, поднимаясь с колен. Ничего и не менялось, просто ковер перестелили по-другому, а Стэллинг не заметил.

Эллери еще раз оглядел комнату и, убедившись,

что только ножки секретера могли оставить на ковре квадратные вмятины, подошел к нему и приподнял. На ковре, под ножкой секретера, была точно такая же квадратная вмятина, как и на другой стороне ковра, только менее отчетливая.

— Давайте проведем маленький эксперимент, — предложил Эллери. Перевернем ковер.

— Как перевернем? — спросил Исхем. — Зачем?!

— Чтобы он лежал так, как был постлан накануне той ночи, во вторник, пока Крозак его не перестелил.

Лицо инспектора Вогна озарила улыбка.

— Понял! — воскликнул он. — Теперь до меня дошло!

Он не хотел, чтобы мы сразу обнаружили пятно, а избавиться от него не смог.

— И это только половина истины, — заверил его профессор Ярдли. — Если я правильно понимаю ход мыслей моего юного друга…

— Вы все понимаете правильно, — заверил его Эллери. — Надо убрать стол, с остальным — проще.

Мегара по-прежнему стоял в углу, прислушиваясь к разговору, и даже не пошевельнулся, чтобы помочь.

Вогн легко поднял стол и вынес из библиотеки. Взявшись вчетвером за углы ковра, они без особого труда перевернули его так, что кровавое пятно оказалось на противоположной стороне. Две вмятины очутились точно под ножками секретера, а кровавое пятно…

Исхем вытаращил глаза.

— Под шашечным стулом!

— Н-да, картина проясняется, — пробормотал Эллери. — Пятно находится на расстоянии двух футов от откидного стула, рядом с секретером.

— Ударили сзади, — отметил профессор, — когда Брэд увлеченно играл сам с собой, хотя и подозревал, наверное, что страсть к шашкам не доведет его до добра, — А что думаете вы, мистер Мегара? — неожиданно обратился Эллери к молчаливому яхтсмену.

Мегара пожал плечами.

— Это депо следствия.

— Полагаю, — произнес Эллери, усаживаясь в мягкое кресло и закуривая, что настало время анализа фактов. Есть возражения, инспектор?

— Я все же не понимаю, зачем надо было перестилать ковер? — спросил Вогн. — Кого он хотел надуть? Мы бы ничего не обнаружили, если бы он сам не навел нас на след ухищрениями с трубкой

мистера Мегары.

— Минуту, инспектор. Выходит, Крозак сначала хотел скрыть место преступления. Потом устроил, и довольно ловко; спектакль с трубкой, заставив нас вернуться на подлинное место преступления в поисках кровавого пятна. А мог бы поступить проще. Видите вон там, на откидной крышке секретера, два пузырька чернил? Убийце достаточно было бы вылить красные чернила на пятко, бросить рядом пустой пузырек и на этом закончить розыгрыш. Полиция, увидев чернильное пятно, вряд ли стала бы искать под ним кровавое. Вместо этого Крозак перестелил ковер, прикрыв пятно, и сам же манипуляциями с трубкой «Нептун» навел нас на мысль о его существовании. Вывод один; от всех ухищрений Крозак не выиграл ничего, кроме времени.

— Это так, — согласился профессор. — Но зачем вообще ему было нужно, чтобы кровавое пятно нашли?

— По трем возможным причинам, — начал пояснять Эллери. — Первая: в библиотеке было что-то представляющее опасность для Крозака, что он хотел впоследствии забрать и чего не смог взять сразу. Вторая: существовал, очевидно, некий предмет, который Крозак хотел принести

сюда позже и не мог оставить тогда…

— Минуту, — прервал его прокурор Исхем. — И то и другое звучит правдоподобно, поскольку в обоих случаях подтасовка места преступления отвлекает внимание следствия от библиотеки, оставляя ее тем самым в полное распоряжение убийцы.

— Нет, мистер Исхем, вы заблуждаетесь, — поправил его Эллери. — Крозак ожидал, что если пятно крови не будет обнаружено в первый раз и беседку примут за место преступления, то все равно особняк Брэдов наводнят полицейские, и библиотека будет охраняться, что не позволит ему проникнуть туда. Но есть и еще одно возражение, джентльмены. Если Крозак был намерен вернуться в библиотеку и лишь на время превратить беседку в место преступления, то ему было бы выгоднее изобразить место происшествия как постоянное, не заманивая нас туда, что дало бы неограниченное время для проникновения в библиотеку. Но он ничего не предпринял, а просто вернул нас в беседку, а потом в библиотеку.

— Это выше моих сил, — пробормотал Исхем. — Тут вам не полицейские приемы, Вогн, а неортодоксальный метод раскрытия преступления, вот что я вам скажу! Но понять его очень сложно.

Продолжайте, мистер Куин.

— Третья причина: в библиотеке находится нечто, что было здесь в ночь убийства, что безопасно для убийцы и что он не собирался позже уносить, зато хотел, чтобы полиция нашла это, но не раньше, чем возвратится из плавания мистер Мегара.

— фу! — воскликнул Вогн. — Вся эта заумь не по мне!

Выпустите меня отсюда!

Мегара спокойно обратился к Эллери;

— Продолжайте, мистер Куин.

— Мы — люди дисциплинированные, — не смущаясь, вновь заговорил Эллери, — мы осмотрели все вокруг и нашли то, что и должно быть найдено при вас, мистер Мегера. Знаете ли, я давно приметил, что чем дальше заходит преступник в своих злодеяниях, тем больше ошибок он допускает. Но пригласим Стэллинга, Детектив, стоявший за дверью, крикнул:

— Стэллинг!

И дворецкий немедленно появился в библиотеке, — Мистер Стэллинг, обратился к нему Эллери, — вы хорошо знаете эту комнату?

Стэллинг кашлянул.

— С вашего позволения, сэр, не хуже мистера

Брэда.

— Я рад. Посмотрите вокруг.

Стэллинг огляделся.

— Все ли в порядке? Не появилось ли чего-нибудь нового? Такого, чего здесь не должно было быть?

Стэллинг улыбнулся и еще раз внимательно осмотрел комнату, заглянул во все углы, открыл ящики стола, откинул крышку секретера. Осмотр занял у него не более десяти минут, после чего он твердо заявил:

— Библиотека точно в том виде, сэр, какой была в последний раз, то есть накануне смерти мистера Брэда.

Вот только стола нет…

Все поняли, что дальнейшие расспросы бессмысленны. Однако Эллери не сдавался.

— Ничего не повреждено, не пропало?

Дворецкий покачал головой.

— Нет, сэр. Правда, прежде пятна не было, да и игральный столик…

— И что же с игральным столиком? — быстро спросил Эллери.

Стэллинг пожал плечами.

— Шашки. У шашек другая позиция. Мистер Брэд тогда, после моего ухода, продолжал игру…

— Великолепно, мистер Стэллинг, — облегченно вздохнул Эллери. — Вы просто Шерлок Холмс. Все, благодарю вас.

Стэллинг бросил торопливый взгляд на Мегару, безразлично уставившегося в стену, и вышел.

— Теперь будем искать, — заключил Эллери.

— О, Господи, а теперь-то что? — вздохнул Вогн.

— Инспектор, если бы я знал что, то незачем было бы искать.

Поиски продолжались. Все четверо, кроме Мегары, спокойно на них взирающего, ползали по библиотеке на четвереньках, буквально обнюхивали углы, осматривали диванные подушки, ощупывали ножки мебели, ручки кресел, ворошили внутри секретера, заглядывали под шашечный столик. Ну прямо сценка из «Алисы в Стране Чудес»! Прошло пятнадцать минут, и Эллери, разгоряченный и злой, встал с четвереньек и уселся напротив Мегары, чтобы перевести дух. Остальные продолжали упорные поиски, время от времени поглядывая на стеллажи, забитые книгами, и с ужасом прикидывая, каково будет перебирать по одному эти сотни томов.

Внезапно Эллери воскликнул:

— Идиоты! Ползаем тут чуть ли не на брюхе,

а зачем? Крозак хотел, чтобы мы вернулись и что-то нашли.

Мы кашли пятно крови. Оно было скрыто, но не очень тщательно. Вероятно, и то, что мы ищем теперь, не может быть спрятано так, что искать надо целый год. Мистер Мегара, вы не знаете, здесь есть тайник?

Мегара покачал головой. Эллери продолжал;

— Это напоминает мне обыск, который однажды проводили мой отец, я и комиссар Кронин, распутывая «дело об убийстве адвоката Монте Филда», который был отравлен в театре, прямо во время спектакля. Помните, господин профессор?

Глаза профессора блеснули, и он ринулся через всю комнату в нишу с роялем. Он не стал осматривать инструмент, а просто сел на него и с профессиональным видом начал перебирать клавиши с нижней басовой ноты.

— Доскональная проверка, Куин, — объявил он. — Представим, что я Крозак и мне надо кое-что спрятать, мелкое, к примеру, и плоское. Времени у меня мало, чужую библиотеку я знаю плохо. Что делать? Где мне, — он на минуту замолчал, услышав фальшивую ноту, но поняв, что рояль просто плохо настроен, продолжал развивать свою мысль. — Крозак ищет место, которое СЛУЧАЙНО

найти нельзя и найти можно только тогда, когда Крозаку это будет выгодно. Крозак оглядывается по сторонам, видит рояль. Дальше; мистер Брэд мертв, лежит в своей библиотеке. «Конечно, — думает Крозак, — кто будет играть на рояле в библиотеке — кабинете покойного? По крайней мере, это произойдет не скоро…» И вот…

— Это триумф интеллекта, господин профессор! — восхищенно воскликнул Эллери. — Я бы никогда не додумался.

Когда музыкальные импровизации профессора Ярдли близились к концу, он сделал открытие, наткнувшись на клавишу, которая не нажималась вовсе.

— Эврика! — воскликнул Ярдли.

Все собрались вокруг него, и даже Мегара проявил любопытство. Клавиша опускалась лишь на четверть дюйма, сколько по ней ни ударяли, а потом вдруг застряла и больше не поднималась.

Эллери сказал: «Минуту!», достал из кармана швейный наборчик, постоянный предмет насмешек со стороны отца, вынул длинную толстую иглу и принялся ковырять ею в зазоре между капризной клавишей и соседней.

Действительно, не прошло и минуты, как между двумя клавишами из слоновой кости забелел

многократно сложенный лист бумаги. Присутствующие просияли. Эллери аккуратно извлек листок из рояля. Все в молчании двинулись к середине кабинета, где Эллери развернул листок и положил его на стол. Лицо Мегары оставалось непроницаемым. Это было необычное, написанное корявым почерком, послание, адресованное полицейским властям.

ПОЛИЦИИ:

ЕСЛИ Я БУДУ УБИТ, А У МЕНЯ ЕСТЬ ТАКОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ, ПРОВЕДИТЕ НЕМЕДЛЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА В АРРОЙО, ШТАТ ЗАПАДНАЯ ВИРГИНИЯ,
ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ЭНДРЮ ВАНА, РАСПЯТОГО И ОБЕЗГЛАВЛЕННОГО В КАНУН ПОСЛЕДНЕГО РОЖДЕСТВА.

СРОЧНО ОПОВЕСТИТЕ СТИВЕНА МЕГАРУ, ГДЕ БЫ ОН НИ БЫЛ, ЧТОБЫ ОН СРОЧНО ВОЗВРАТИЛСЯ В БРЭДВУД.

СООБЩИТЕ ЕМУ, ЧТОБЫ ОН НЕ ВЕРИЛ В СМЕРТЬ ЭНДРЮ ВАНА. ТОЛЬКО МЕГАРА ЗНАЕТ, ГДЕ ЕГО НАЙТИ.

ОЧЕНЬ ПРОШУ, ЕСЛИ ВАМ ДОРОГА ЖИЗНЬ

НЕПОВИННЫХ ЛЮДЕЙ, ПРОВЕДИТЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ ШАГОВ, ПОКА МЕГАРА НЕ СКАЖЕТ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ.

ВАН И МЕГАРА НУЖДАЮТСЯ В ЗАЩИТЕ. ЭТО ВАЖНО, И Я ПОВТОРЯЮ: МЕГАРА ЗНАЕТ ДОРОГУ. ВЫ ИМЕЕТЕ ДЕЛО С МАНЬЯКОМ-ОДИНОЧКОЙ, КОТОРЫЙ НИ ПЕРЕД ЧЕМ НЕ ОСТАНОВИТСЯ.

Письмо было подписано; ТОМАС БРЭД.

И в подписи, судя по почерку на бумагах, лежащих на секретере, сомневаться не приходилось.

Глава 15
Лазарь

Весь облик Стивена Мегары на глазах переменился.

Взгляд стал бегающим, он озирался по сторонам, посмотрел на дверь, возле которой стоял детектив, вынул из кармана автоматический пистолет, проверил его дрожащими руками, потом вдруг подошел к двери и захлопнул ее под носом у детектива, кинулся к окну и опасливо выглянул в парк. Там он постоял некоторое время, хохотнул внезапно и торопливо сунул пистолет обратно в карман.

— Мистер Мегара, — начал было Исхем, но яхтсмен так резко обернулся, что Исхем умолк.

Лицо Мегары было встревоженным.

— Том слабохарактерный человек, — сдавленно проговорил он, — но он меня не запугает.

— А где же мистер Ван? Как он мог остаться живым?

Что все это значит? Я не понимаю, почему?.. — забубнил Исхем.

— Минуту, — прервал его Эллери. — Не торо-

питесь, мистер Исхем. Давайте сначала прожуем это, а потом уж откусим новый кусок… Ясно, что мистер Брэд положил письмо в секретер или в ящик стола вместе с трубками, предполагая, что письмо сразу найдут в случае его убийства. Но он не предвидел хитрости мистера Крозака, который лично у меня с каждым шагом расследования вызывает все большее уважение. Убив мистера Брэда, Крозак не стал обыскивать библиотеку. Вероятно, он интуитивно угадал, что письмо существует, а обнаружив его, понял, что оно для него не представляет никакой опасности…

— С чего вы это взяли? — спросил Вогн. — Вот уж не думаю, что убийца допустил бы, чтобы письмо жертвы нашли.

— Если бы Крозак почувствовал в письме угрозу для себя, — сухо пояснил Эллери, — он бы его уничтожил или, возможно, взял бы с собой. Но он оставил его на месте преступления, не нарушая последнюю волю покойного.

— Почему? — спросил Исхем.

— Почему? — повторил Эллери. — Потому что находку безопасного для него письма считал своим преимуществом. Что сказано в письме? Эндрю Ван жив, и Стивен Мегара знает, где его искать.

Профессор Ярдли округлил глаза.

— Чертовски умно. Ведь сам-то он не знает, где Ван.

— Вот именно. Крозак, теперь это ясно, убил в Арройо другого человека, думая, что убил Вана. Следующим был Брэд. Когда он убил Брэда и нашел письмо, то понял, что с Ваном он промахнулся и тот жив-здоров.

Если у Крозака был мотив для убийства Вана шесть месяцев назад, то он, скорее всего, есть и сейчас, и Крозак еще вернется к этому. Но где же Ван? Вероятно, Ван почувствовал, что Крозак за ним охотится, и скрылся, подставив вместо себя другого человека. Вернемся к письму. В нем говорится, что Ван жив, но где он скрывается, не указано, сообщается только, что это знает Мегара.

— Продолжайте, — сказал Исхем. — Теперь я понимаю, куда вы клоните. Почему Крозак не уничтожил письмо? Потому что Мегара выдал бы нам местонахождение Вана, и Крозак каким-либо образом узнал бы это от нас.

— Именно, — согласился Эллери. — Не найди мы письма после возвращения мистера Мегары, никто бы не усомнился в смерти мистера Вана, а мистер Мегара тем более. Верно; мистер Мегара?

— Пожалуй. Но Крозак не мог этого знать.

— Получается, — продолжал Эллери, — что, оставив письмо в библиотеке, Крозак понимал, как только полиция найдет его, будет объявлен розыск Эндрю Вана. Но Крозаку он тоже нужен, а полицейский розыск может помешать его собственному расследованию. Поэтому, оставив здесь письмо, он убил двух зайцев. Первое — в перерыве между убийством Брэда и приездом Мегары он мог вести свое собственное расследование беспрепятственно, так как полиция в смерти Вана не сомневалась. Второе — если за этот отрезок времени Крозак не найдет Вана, он ничего не теряет. Когда Мегара вернется, следствие возобновится, найдут письмо на подлинном месте преступления. Мегара сообщит местонахождение Вана… Крозак пойдет по нашему следу и выйдет на Вана.

Мегара пробормотал;

— Может быть, уже вышел.

Эллери внимательно посмотрел на него.

— Думаете, он нашел Вана за столь короткий срок?

— От этого дьявола всего можно ожидать…

— Послушайте, — прервал их инспектор, — по-моему, мы топчемся на месте. Мистер Мегара, объясните нам, какая существует связь между

мистером Ваном, вашим компаньоном Брэдом и вами?

Яхтсмен заколебался.

— Ведите ли, мы… мы… — Руки его заметно дрожали, и он сунул их в карманы.

— Что вы? — резко спросил прокурор Исхем.

— Братья.

Эллери во все глаза смотрел на Мегару. Исхем возбужденно произнес:

— Вы правы, мистер Куин. Это не подлинные их имена. Никакие они не Брэд, Мегара и Ван. Они…

Мегара внезапно сел.

— Нет, это не то, что вы думаете. Я поясню. — Глаза его затуманились, и он устремил взгляд куда-то вдаль. — Когда я все расскажу, вы поймете то, что прежде для вас было загадкой. Как только вы упомянули про эти Т обезглавленные в виде Т тела, с вытянутыми руками и связанными ногами, про кровавые Т на дверях и на полу, про Т-указатель на перекрестке дорог и тотемный столб…

— Не хотите ли вы сказать, что ваша фамилия начинается с буквы Т?

Мегара кивнул так медленно, словно его голова была невероятно тяжелой, — Да, — ответил он тихо. — Наша фамилия Твэр.

Т-В-Э-Р. Начинается с Т, как видите.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил профессор:

— Вы, как всегда, правы, Куин. Простое совпадение, и ничего более. Буква алфавита, вот и все. Никаких крестов, никакой египтологии, никакого религиозного фанатизма. И все же странно…

— И тем не менее я не верю, — заявил Вогн. — Никогда не слышал о таких диких вещах.

— О распятом из-за фамилии человеке! — закончил его мысль Исхем.

Мегара вскочил, выпрямился в полный рост и гневно заговорил:

— Вы не знаете Центральной Европы! Вы никак но поймете, что Крозак выплевывает нам в лицо букву нашего ненавистного ему имени! Этот человек маньяк, но очень и очень умный… — Негодование Мегары понемногу утихло, и он снова опустился в кресло. — Трудно поверить, что долгие годы он охотился за нами. Как в синема. Но то, что он глумился над трупами… — В его голосе зазвучала злость, — Андреа знал?

— Твэр… — задумчиво проговорил Эллери. — Ваши псевдонимы имели какой-либо смысл? Центральная Европа… Вендетта, мистер Мегара?

Мегера кивнул.

— Вы правы. Но как он мог нас найти? Не представляю. Когда Андрее, Томислав и я много лет назад приняли решение изменить имена и скрыть свое происхождение, мы поклялись, что никто, понимаете, никто и никогда не узнает наших подлинных имен. Это была тайна, и мы ее хранили. Даже жена Тома Маргарет и ее дочь не знали, что фамилия Тома — Твэр.

— Насколько я понимаю, не знал никто, кроме Крозака? — спросил Эллери.

— Да. Поэтому я и не могу понять, как он напал на наш след? Имена мы выбрали., - Про ваши имена мы все знаем от мистера Куина, — перебил его Вогн. — Скажите лучше, во-первых, кто такой этот чертов Крозак и чем вы ему насолили, а во-вторых…

— Подождите, инспектор, — вмешался Исхем. — Давайте закончим с Т-проблемой. Я все еще не совсем понимаю, зачем он везде напоминал о букве Т?

— Чтобы подчеркнуть, что Твэры обречены. Вам это кажется нелепым? спросил Мегара, неприятно рассмеявшись.

— Вы сможете опознать Крозака, если встретите его? — задумчиво спросил Эллери.

— Это самое больное место. Никто из нас не

видел Крозака двадцать лет, поэтому опознать его теперь, наверное, будет непросто. Он может выглядеть как угодно, и получается, что мы ведем поиски невидимки.

— Он хромает на левую ногу?

— Да, в детстве он хромал.

— Сейчас это совсем не обязательно, он мог давно уже избавиться от хромоты, — заметил профессор. — Или, судя по его коварству, просто прикидываться хромым.

— Вы можете сидеть тут хоть до второго пришествия, — взвился Вогн, — но мне это надоело. Послушайте, Мегара или Твэр, или как вас там, ответьте, наконец, почему этому Крозаку не сидится дома и почему он ведет охоту на вас и ваших братьев? В чем дело?

— Это не главный вопрос, — резко возразил Эллери. — Есть вопросы и поважнее. Мистер Твэр, в письме, оставленном вашим братом, сообщается, что вы можете указать местонахождение Вана. Каким образом? Вы ведь были вдали от людей, вдали от материка в течение года, а «Арройское дело» лишь полугодовой давности, с минувшего Рождества…

— Он готовил, все готовил заранее… — проговорил Мегара. — Задумал давно, несколько лет

назад… Кажется, я не говорил, что и без письма брата знал, что Андреа жив. Я понял это по некоторым подробностям «Арройского дела», про которые вы мне рассказали. — Все удивленно воззрились на него. Понимаете, когда вы упомянули про тех двух человек, которые нашли тело на перекрестке дорог…

Эллери прищурился.

— Что же тогда?

Мегара обвел взглядом библиотеку, словно боясь, что вездесущий Крозак услышит его.

— Я знал, что если старый Питер, скрывающийся в горах, жив, то жив и мой брат Андреа Твэр.

— Ясно! — воскликнул Эллери, оборачиваясь к профессору Ярдли. — Вы поняли? Эндрю Ван и есть старый Питер.

Прежде чем все оправились от очередной неожиданности, Мегара кивнул и продолжал:

— Совершенно верно. Он перевоплотился в жителя гор много лет назад, предвидя такой поворот событий Вероятнее всего, он и сейчас где-то в горах Западной Виргинии, если Крозак еще не добрался до него. Прячется там, оберегая свою жизнь и надеясь, что Крозак не обнаружит ошибки, ведь Крозак тоже не видел нас двадцать лет, по крайней мере, я так думаю…

— Поэтому Крозак и допустил ошибку, — заключил Эллери. — Не видя жертву долгие годы, он обознался.

— Вы намекаете на Клинга? — спросил Исхем.

— А на кого же еще? — Эллери улыбнулся. — Вы жаждете действий, инспектор? Скоро вам представится такая возможность. Мы должны опередить Крозака и постараться его обмануть. Не думаю, чтобы Крозак обнаружил Андреа. Роль старого Питера сыграна великолепно, я сам видел его в зале суда и ни на минуту не усомнился в этом старике. Мы найдем вашего брата, мистер Мегара, но так, чтобы Крозак, кем бы он ни был и какую бы личину он ни принял, не смог бы догадаться о двуликости жителя гор.

— Это по мне! — улыбнулся Вогн.

Мегара решительно поднялся.

— Я сделаю все так, как вы посоветуете, джентльмены. Только бы удалось спасти Андреа! Что до меня, то если Крозак ищет неприятностей, — он похлопал себя по карману, — они у него будут. Обойма полная!

Глава 16
Посланники

Никакие уговоры миссис Брэд и Хелен не убедили Мегару остаться ночевать в особняке семейства Брэдов.

Остаток дня он провел в обществе дам и мистера Линкольна, но когда наступил вечер и сгустилась тьма, он занервничал и отправился на яхту. Миссис Брэд, которой возвращение компаньона мужа принесло явное облегчение, проводила его, уходящего в ночь, и все умоляла остаться.

— Нет, — отрезал Мегара. — Сегодня я ночую на «Хелен», в плавании я привык к яхте, там мой дом. С вами Линкольн, а от моего присутствия безопасности не прибавится. Спокойной ночи, Маргарет! Не тревожьтесь за меня.

Два детектива, сопровождавшие обоих к бухте, были немало удивлены, наблюдая за миссис Брэд на обратном пути. Было странно видеть, насколько мало коснулась ее трагедия. Она, не задерживаясь, бесстрастно прошла мимо тотемного столба с угрюмым орлом наверху.

Сыщики, как истинные конспираторы, приняли решение, что тайна братьев Твэр остается строго между ними.

Стивен Мегара, к удивлению капитана Свифта и стюарда, спал в ту ночь под охраной. Детективы заполнили яхту. Мегара запер дверь каюты, и охранник до двух часов ночи слышал за дверью звук льющейся жидкости и звяканье стекла. Однако предположение охранника, что Мегара и остаток ночи проведет за горячительными напитками, не оправдалось. После двух часов все стихло, и Мегара, очевидно, спокойно заснул.

На следующий день, в субботу, Брэдвуд проснулся рано. Рассветным утром к особняку в восточном стиле подъехали две огромные полицейские машины. Вогн, словно Цезарь-завоеватель, прошествовал в сопровождении полицейского в форме к пристани, где его ожидал патрульный катер. Мотор взревел, и катер помчался в сторону яхты «Хелен». Инспектор внимательно наблюдал за окрестностями. На Ойстер-Айленде было тихо, там мелькали еле различимые фигуры. Доктор Тэмпль с трубкой в зубах стоял на своем причале. Линны, делая вид, что катаются на лодке, во все глаза следили за происходящим.

Инспектор поднялся на борт «Хелен». Пять

минут спустя он появился в обществе мистера Мегары, одетого в строгий деловой костюм. Лицо Мегары со следами ночной выпивки было мрачным. Он ничего не сказал капитану и вслед за Вогном поднялся на палубу патрульного катера неожиданно твердым шагом. Катер тут же рванул к Брэдвуду. На брэдвудском причале все негромко о чем-то переговаривались. Охранник ждал рядом. Появились полицейские, окружили их, и вся процессия двинулась по направлению к особняку. Выглядело все это очень парадно.

Из стоявшего у особняка первого полицейского автомобиля вышел человек в штатском, а Вогн с Мегарой сели в него. Второй автомобиль был битком набит полицейскими. Включив сирены, оба автомобиля рванулись с места и покатили из Брэдвуда. У ворот ждали полицейские на мотоциклах. Двое поехали впереди первого автомобиля, двое сзади. Второй автомобиль замыкал кортеж. После умчавшейся кавалькады в Брэдвуде, похоже, не осталось ни одного полицейского.

Кавалькада выехала на главную автостраду и проследовала в направлении Нью-Йорка.

В Брэдвуде отъезд Вогна и Мегары был воспринят спокойно. Линны поплыли домой. Доктор Тэмпль углубился в лес, дымя трубкой. Фигуры

на острове исчезли.

Старик Кетчем сел в старую лодку и направился к Брэдвуду. Джон Линкольн вывел из гаража автомобиль и выехал на шоссе. Дом профессора Ярдли казался вымершим.

Но не так-то прост был инспектор Вогн! Любому, кто вздумал бы проверить крайние участки шоссе, отделяющего Брэдвуд от обители Ярдли, это стало бы ясно. Там были запаркованы мощные полицейские автомобили, которые контролировали въезд и выезд из Брэдвуда. И это еще не все. Береговая охрана была на пристани. Бухта просматривалась с острова, не видимого с материка. Недалеко от берега дрейфовал большой катер с рыбаками на борту, зорко следящими не за поплавками, а за входом и выходом из Кетчемской бухты, так что ни одно судно не прошло бы мимо них незамеченным.

Глава 17
Старый житель гор

Тому, что Замок Иф профессора Ярдли субботним днем казался вымершим, были свои причины. Профессор строго выполнял предписания, равно как и его старая негритянка Нэнни. Он никуда не выходил, так как его появление в Брэдвуде, в одиночестве, как раз в момент отбытия Вогна и Мегары, было бы весьма странным — ведь он принимал гостя, мистера Куина, эксперта-криминалиста из Нью-Йорка. А наслаждаться обществом мистера Куина он не мог, поскольку в то время, когда инспектор Вогн и Мегара садились в автомобиль, замечательный сыщик мистер Куин был уже в сотнях миль от Лонг-Айленда. Таков был план операции. Под покровом ночной тьмы в пятницу от дома профессора Ярдли стартовал старенький «дюсенберг», увозивший своего хозяина. Вплоть до выезда на главную автостраду Эллери пробирался, словно призрак, и вздохнул с облегчением, только прибыв в Минеолу, где посадил в свой автомобиль окружного прокурора Исхема и помчался в Нью-Йорк.

В четыре часа утра в субботу «дюсенберг» въехал в столицу штата Пенсильвания. Город еще спал. Утомленные дорогой путники остановились в «Сенат-отеле» и разошлись по своим апартаментам, где и расположились для сна.

В девять тридцать утра того же дня джентльмены были уже за много миль от Нью-Йорка и двигались по направлению к Питтсбургу. Они даже не остановились позавтракать. Гоночный автомобиль был покрыт толстым слоем пыли, а лица его пассажиров были полны решимости… Старенький «дюсенберг» служил честно. Дважды он был остановлен полицейским, когда Эллери удавалось выжать из двигателя семьдесят миль в час, И в обоих случаях Исхем извлекал свое служебное удостоверение, и они беспрепятственно следовали дальше. В три часа дня они въехали в Питтсбург.

Исхем ворчал:

— Черт с ним, с делом. Не знаю, как вы, Куин, а я проголодался. Давайте перекусим.

Они потратили ровно столько времени, сколько понадобилось прокурору для утоления голода, и в начале пятого «дюсенберг» припарковался у знакомого решетчатого особняка — резиденции отцов городка Арройо.

— Итак, начнем с самого начала, — сказал Исхем, вылез из автомобиля и потянулся. — Где тут у них констебль?

Эллери проводил его, и, обойдя особняк, они увидели дверь с табличкой «Констебль», постучали и услышали знакомый бас:

— Входите!

Они вошли. Констебль Люден сидел на прежнем месте, крупный и мирный, как сама жизнь. Казалось, он не вставал со стула все долгие шесть месяцев.

— Чтоб мне пропасть, — радостно воскликнул он, — если это не сам мистер Куин! Входите, входите! Все еще ловите того типа, что укокошил нашего учителя?

— Да, констебль, — улыбнулся Эллери. — Однако теперь вместе с представителем закона. Это прокурор округа Нассау. Мистер Исхем — констебль Люден.

Исхем кивнул, но руки не подал.

Констебль улыбнулся.

— Тут у нас в прошлом году из-за того убийства такие тузы приезжали, мистер, что зазнаваться-то нечего.

А, впрочем, вам виднее… Мистер Куин, с чем пожаловали?

Эллери вздохнул.

— Можно мы сядем, констебль? Мы добирались сюда целую вечность. — Оба уселись, Эллери спросил; — Скажите, констебль, вы в последнее время видели старого Питера?

— Старого Питера? Да уж месяца два не видал. Он редко слезает со своей горы. Но если хотите знать точно, спросите у Бернхейма.

— Констебль, а вы знаете, где находится хижина старого Питера? спросил Исхем, — Ясное дело, знаю. Что это вы им так интересуетесь? Никак, решили арестовать? Его-то, старого чудака?

Впрочем, не мое это дело, — добавил констебль, заметив, что Исхем недовольно нахмурился. — Я сам-то там не был, в его горной хижине, но местным жителям бывать доводилось. Говорили, там, в горах, пещерные люди живут — аррoйцы даже испугались. Хижина Питера где-то высоко стоит, на отшибе. Сами вы вряд ли отыщете.

— Может быть, вы нас проводите, — попросил Эллери.

— Почему бы и нет. Уж я-то ее точно найду. — Люден поднялся. — Особо распространяться не станем, верно? — доверительно сказал он.

— Да, безусловно, — подтвердил Исхем.

Констебль и его спутники вышли из здания

муниципалитета не через парадную дверь, а через боковую, и очутились на безлюдной улице. Эллери, обогнув этот особняк, проскользнул еще раньше к своему «дюсенбергу», и две минуты спустя его автомобиль уже стоял на той же пустынной улочке. Люден и Исхем уселись в него, и он стартовал, подняв облако пыли. Констебль показывал дорогу. Вскоре они домчались до узкой каменистой тропы, ведущей, судя по всему, к сердцу близлежащих гор.

— Дальше придется идти пешком, — сказал Люден.

— Пешком? — изумился Исхем, уставясь на тропу.

— Ол'райт, если желаете, я вас понесу, — съехидничал Люден.

Эллери спрятал автомобиль в кустах. Прокурор, подойдя и открыв дверцу, достал из-под сиденья какой-то большой сверток. Люден с любопытством взглянул на него, но вопросов задавать не стал.

Констебль первым ступил на тропу. Эллери м Исхем в молчании последовали за ним. Это было почти романтическое путешествие по дикому, девственному лесу, где росли такие мощные деревья, что небо сквозь них не просвечивало.

Было душно, и все трое обливались потом, хотя прошли всего футов пятьдесят. У Исхема началась одышка. Еще пятнадцать минут ходьбы по дикому лесу, в котором деревья окружали их все плотнее, а тропа становилась все уже, — и Люден вдруг остановился.

— Мэтт Холлиз однажды говорил мне про хижину, — прошептал он, указывая куда-то пальцем. — Вот она!

Путники подошли ближе к Людену и остановились.

На маленькой поляне, под уступом горы, притулилась хижина, укрытая со всех сторон лесом, позади которой возвышалась высокая гранитная скала. Но самое удивительное, что футов на тридцать вокруг хижины тянулась ограда из колючей проволоки, запутанной, ржавой, уст — решающего вида.

— О, Господи, — прошептал Исхем, — даже калитки. нет!

Ни лаза, ни отверстий в колючей проволоке не было.

Хижина за оградой казалась неприступной крепостью.

И даже дым, шедший из печной трубы, был каким-то зловещим.

— И чего это он так окопался, а? — пробормотал Люден. — Говорят вам, он — того, с приветом!

— Не хотел бы я очутиться здесь ночью, — заметил Эллери. — Констебль, у нас к вам одна, довольно странная, просьба…

Констебль Люден, вспомнив, очевидно, первое знакомство с бумажником Эллери, сразу напустил на себя понимающий вид.

— Я, знаете, из тех, кто занят только своим дело?

В чужие — носа не сую. Что за просьба-то?

— Забыть, где и с кем вы сегодня были, — прошептал Исхем. — Нас здесь не было, понимаете? Никому ни слова о нашей вылазке в горы. Ни в Арройо, ни в Хэнкоке. О старом Питере — у вас тоже никаких вестей.

Цепкая емкая горсть Людена сомкнулась в кулак, скрыв то, что появилось из бумажника Эллери.

— Мистер Исхем, — проникновенно сказал он, — я слеп, глух и нем. Вы найдете дорогу обратно?

— Да.

— Тогда позвольте удалиться и благодарю вас, мистер Куин.

И с подчеркнутым безразличием Люден повер-

нулся и зашагал по тропинке прочь. Он ни разу не повернул головы. Исхем и Эллери переглянулись и молча пошли к колючей проволоке.

Не успели они поравняться с оградой, как из хижины донесся резкий окрик:

— Стоять! Назад!!

Исхем, несший взятый из салона «дюсенберга» сверток и поднявший было руку над проволокой, услышав окрик, от неожиданности выронил его. Из единственного окна хижины откровенно выглядывал ствол ружья. Эллери судорожно сглотнул, прокурор же словно прирос к земле.

— Старый Питер, — шепнул Эллери. — Я узнал его голос. — Эллери поднял голову и закричал:

— Не стреляйте, пожалуйста! Мы — друзья!!

Оба замерли на месте и ждали ответа старого Питера, который не замедлил откликнуться:

— Я вам не верю! Убирайтесь!! Стреляю без предупреждения через пять секунд!

Исхем крикнул:

— Мы представители закона, ты, псих!! У нас письмо от Мегары! В твоих же интересах, чтобы нас тут не видели!

Ствол ружья не шевельнулся, но из окна хижины показалась голова горца, и его блестящие глазки изучающе уставились на пришельцев.

Наконец голова исчезла, а вслед за ней и ружейный ствол. Вскоре открылась дверь хижины, и на пороге возник сам старый Питер, седобородый, косматый, в лохмотьях. Ружье он держал наготове.

— Лезьте через ограду! По другому — никак! — Голос был почти прежний, и все же в нем появились новые интонации.

Эллери подозрительно посмотрел на изгородь, поднял ногу и поставил на нижний ряд проволоки, ища, за что бы ухватиться.

— Живей, живей! Не тяните! — подгонял старый Питер. — И без глупостей, вы, оба!

Исхем поискал на земле палку, нашел, просунул между нижними рядами колючей проволоки, и Эллери пролез между ними, но все же зацепился и порвал рукав пиджака. За ним неуклюже пробирался прокурор. Они торопливо приблизились к старику и вошли вместе с ним в хижину. Исхем прикрыл за собой дверь, накинул грубо сработанный, но плотно прилегающий засов. Пол в хижине был каменный, чисто подметенный и покрытый рогожей. Возле очага лежала поленница дров, у противоположной стены стоял таз, там же были туалетные принадлежности, а над ними висела полка с медикаментами. Здесь же

размещался ручной насос для колодца, вырытого возле хижины.

— Где письмо? — выкрикнул старик.

Исхем подал письмо. Горец начал читать, не выпуская из рук ружья. Лицо его менялось на глазах. Борода, космы волос и прочие аксессуары старого Питера были как будто на месте, но человек стал иным. Он медленно опустил ружье, сел и едва выдавил из себя:

— Значит, Томислав убит…

Голос его поразил Исхема и Эллери глубоким страданием. И еще тем, что это не был скрипучий, резкий голос старика, а довольно молодого, образованного человека, переживающего тяжкое горе.

— Да, убит. Он оставил письмо. Если хотите, можете его прочесть, сказал Исхем.

— Да, спасибо. — Он взял письмо, прочел без всякого волнения, кивнул. Да, джентльмены, это я. Эндрю Ван, он же Андреа Твэр. Все еще жив, когда Том… — Старик встал, прошел в угол, где размещались туалетные принадлежности, снял фальшивую бороду, лохматый, с сединой, парик, смыл грим с лица. Теперь перед ними стоял высокий стройный молодой человек с темными, гладко зачесанными волосами и худощавым

лицом аскета, привыкшего к лишениям.

— Простите, что не могу предложить вам сесть, джентльмены. Вы, насколько я понимаю, прокурор Исхем, а вы… Я вас видел в первом ряду в зале суда в день дознания. Вы — мистер Куин.

— Да, это я, — подтвердил Эллери.

Человек был, видимо, большой оригинал. Извинившись за отсутствие стульев, сам он сел на единственный, в то время как его гости стояли.

— Тут я и обретаюсь. Неплохое местечко, а? — В его тоне проскользнула горечь. — Дело рук Крозака?

— Похоже на то, — тихо ответил Исхем, как и Эллери, пораженный сходством Вана с Мегарой, вероятно, семейным.

— Стивен пишет, что Крозак использовал символ Т?

— Да, отрубал головы. Ужас! Так вы, стало быть, Эндрю Твэр?

Школьный учитель горько усмехнулся.

— В моей родной стране я был Андреа, а мои братья — Стефан и Томислав. Когда мы перебрались сюда, надеясь на… — Он, вздрогнув, огляделся по сторонам. — Вы уверены, что нас не подслушивают?

Исхем убежденно ответил:

— Абсолютно уверен. Мы приняли все меры предосторожности, мистер Твэр. Ваш брат Стивен был открыто препровожден инспектором полиции Вогном в Нью-Йорк. Если даже Крозак, кто бы он ни был, последует за ним, — там толпа полицейских, готовых пресечь любые его попытки… А мы с мистером Куином тайно выехали ночью в Арройо.

— Если бы вы знали, как ужасно, когда вся эта жуть и страхи обретают материальный вид… Поведать вам нашу историю?

— При случае, — сухо заметил Эллери. — А вам не кажется, что вы сами в ней замешаны?

— Да, — коротко ответил учитель. — Стивен и я нуждаемся в защите. Что он вам сказал?

— Только то, что вы, Брэд и он — братья. Но нам хотелось бы знать…

— Ни слова больше, пока я не увижу Стивена! — Ван встал, взгляд его посуровел. Это было настолько неожиданно, что они уставились на него с изумлением.

— Почему? — воскликнул Исхем. — Мы приехали сюда, за сотни миль…

Ван взялся за ружье, и Исхем попятился.

— Я не сомневаюсь, что вы те, за кого себя выдаете. Одно письмо написано Стивеном, другое

— Томом.

Но все можно подстроить… Не для того я принял меры предосторожности, чтобы напоследок быть околпаченным. Где Стивен?

— В Брэдвуде, — ответил Эллери. — Не будьте ребенком, бросьте ружье! Захотите увидеть брата — мы это предусмотрели. А подозревать вы вправе кого угодно…

Но, полагаю, мы придем к соглашению. Как, Исхем?

— Да, — подтвердил прокурор и протянул многострадальный сверток. — Мы так и поступим. Согласны?

Ван с сомнением смотрел на сверток и наконец обронил:

— Покажите.

Исхем развернул бумагу и вынул полный комплект формы полицейского округа Нассау — от ботинок до револьвера.

— Вы не должны вызывать подозрений, — объяснил Эллери. — Как только мы въедем в Брэдвуд, вы становитесь полицейским. Их там тьма, и человек в форме — это просто человек в форме.

Школьный учитель прохаживался по хижине из угла в угол.

— Убирайтесь! Я был здесь в безопасности мно-

го месяцев…

— Револьвер заряжен, — сухо предупредил Исхем. — А что с вами может случиться при наличии оружия и двух сопровождающих?

Ван покраснел.

— Вы считаете меня трусом? Ладно… — Внезапно он начал снимать с себя тряпье, и оказалось, что под ним надето чистое тонкое нижнее белье — еще одно странное несоответствие этого эксцентричного характера…

Владелец хижины натянул полицейскую форму.

— Сидит, как влитая, — заметил Эллери. — Мегара правильно выбрал размер.

— Я готов! — заявил Ван. В форме полицейского он прекрасно смотрелся высокий, сильный, мужественный человек.

— Отлично! — одобрил Исхем, подходя к двери.

Эллери выглянул в окно, — Все спокойно, мистер Куин?

— Как будто.

Исхем распахнул дверь, и они шагнули в сумерки. На поляне было тихо. Солнце садилось, и лес постепенно погружался в темноту. Эллери пролез между нижними рядами колючей про-

волоки, Исхем — за ним, и оба с любопытством следили, как проворно проделал это человек в полицейской форме.

Перед уходом Ван запер дверь хижины, дым все еще струился из трубы на крыше. Путнику, случайно забредшему сюда, хижина показалась бы обитаемой и неприступной.

Трое шагнули в темный лес, и деревья сомкнулись над их головами. Спустившись по каменистой тропе, они выбрались к кустам, где их дожидался старый верный «дюсенберг» Эллери. Ни в горах, ни на дороге им никто не встретился.

Глава 18
Фокс заговорил

За время отсутствия Эллери и Исхема в Брэдвуде произошли некоторые события. Загадочный отъезд Вогна и Мегары взбудоражил всех, даже островитян, а Эстер Линкольн пробралась лесом к домику Кетчема, чтобы узнать новости.

Вплоть до возвращения Вогна и Мегары в Брэдвуде было спокойно. Профессор Ярдли, в соответствии с планом операции, не покидал Замок Иф.

Примерно в полдень, когда Эллери и Исхем катили по югу Пенсильвании к Арройо, внушительная кавалькада вернулась в Брэдвуд. Из первого полицейского автомобиля вышел Вогн, за ним — Мегара в сопровождении неизменного охранника. Мегара направился к пристани, откуда отчалил на патрульном катере к своей яхте, взобрался на палубу и скрылся в каюте. Катер остался дежурить возле «Хелен».

На крыльце брэдвудского особняка полицейский вручил Вогну пухлый конверт, доложив;

— Доставлен полчаса назад курьером.

Вогн взглянул на конверт, и его жизненный тонус явно поднялся.

В дверях возникла Хелен Брэд, и Исхем поспешно спрятал конверт в карман.

— Что тут происходит? — спросила Хелен, — Где Стивен? Не потрудитесь ли объяснить свои действия, инспектор?

— Мистер Мегара на яхте, — спокойно ответил Вогн, — а объяснить вам, мисс Брэд, я пока ничего не могу. Извините…

— И не подумаю, — сердито отрезала Хелен. — Мне кажется, вы поступаете незаконно. Куда вы возили Стивена утром?

— Не могу ответить, мисс Брэд, — Стивен выглядит больным… Что вы с ним делали?

— Вам показалось, мисс Хелен. Он вполне здоров.

— Нет. Вы жестоки, мистер Вогн. Я немедленно попрошу доктора Тэмпля отправиться на яхту и осмотреть Стивена. — Она высокомерно удалилась, и Вогн с облегчением посмотрел ей вслед. Потом вместе с детективом направился к домику Фокса. Подойдя к двери, они прислушались.

— Тихо? — спросил Вогн.

— Ни звука, — ответил детектив, Стремительно распахнув двери, они вошли в домик.

Фокс, словно зверь в клетке, мерил шагами комнату. Лицо его осунулось, посерело, глаза ввалились.

— Даю вам последний шанс, Фокс. Будете говорить? — сурово спросил инспектор.

Фокс продолжал молча ходить из угла в угол.

— Не желаете говорить? Зачем вы встречались с Пэтси Малонэ?

Молчание.

— Ол'райт, — лениво произнес Вогн. — Это ваш финиш, Пендельтон.

Фокс вздрогнул, как от удара, заколебался, но тут же взял себя в руки. Лицо его оставалось непроницаемым.

— Молодчина! — похвалил его Вогн и добавил с сарказмом:

— Крепкие нервы! Но это вас не спасет, Пендельтон, потому что мы все знаем.

Фокс пробормотал:

— Я не понимаю…

— У вас было время подумать.

— Я не знаю, о чем вы.

— Ах, вы не знаете! Ол'райт, поговорим. Допустим, я задержал подозрительного человека, разыскиваемого полицией Нью-Йорка в связи со взломом сейфа у одного ювелира… Как, по-ваше-

му, что я должен делать?

Фокс сел и обхватил голову руками, — Ради Бога, инспектор! — взмолился он. — Да, я Пендельтон, но к краже со взломом я не причастен! Я могу объяснить…

— Вот это уже лучше, — заявил Вогн, — Итак, вы — Фил Пендельтон, были приговорены к пяти годам лишения свободы в Ванделии, штат Иллинойс, за ограбление.

Во время тюремного бунта вы совершили смелый поступок — спасли жизнь директору тюрьмы. Губернатор штата сократил вам срок заключения. Освободившись, вы совершили вооруженное ограбление в Калифорнии, кражу со взломом в Мичигане и снова отсидели за оба преступления, Мы не собираемся отправлять вас на виселицу, если вы невиновны, а если виновны, чистосердечное признание облегчит, вашу участь. Вы убили мистера Брэда?

Человек по имени Пендельтон прошептал;

— Клянусь, я не убивал…

— Как вы нанялись к последнему хозяину, который и дал вам потом хорошую рекомендацию?

Фокс ответил, не поднимая глаз:

— Я хотел начать новую жизнь. Хозяин лишних вопросов не задавал, работа была грязная, и он

охотно нанял меня. Вот и все.

— А чем вас привлек Брэдвуд, куда вы затем устроились шофером и садовником?

— Здесь хорошо платят, и работа на свежем воздухе…

— О'кей. Вы решили начать новую жизнь, тогда зачем было встречаться с таким типом, как Малонэ?

Фокс молча встал, и лицо его помрачнело.

— Имею я право на личную жизнь?

— Имеете, Почему нет? Но вы не ответили на мой вопрос.

Фокс медленно заговорил:

— Меня тут отыскал один мой сокамерник. Я узнал про это во вторник утром. Он настаивал на встрече, но я сказал, что мне некогда, тогда он пригрозил, мол, не хочешь, чтобы я пришил твоего босса, приедешь, вот мне и пришлось ехать…

Вогн внимательно слушал.

— Продолжайте, продолжайте…

— Он сказал, куда ехать, не назвал никаких имен, дал только адрес в Нью-Йорке. Вечером во вторник я отвез миссис Бакстер и Стэллинга в «Рокси» и поехал по тому адресу. Автомобиль оставил у соседнего дома. Позвонил, меня впустили, появился какой-то человек, предложил

участвовать в деле, но я отказался, мол, больше этим не занимаюсь. Он дал мне день подумать, но пригрозил, что если я не надумаю, сообщит мистеру Брэду про мое прошлое. Я ушел, а что дальше — сами знаете.

— Это был Пэтси Малонэ?

— Я не знаю, он не представился.

Вогн прищурил глаза.

— А что он предложил?

Фокс покачал головой.

— Этого я не могу вам сказать, не в моих интересах.

Вы обещали помочь мне, а я не хочу сам себе навредить.

Инспектор встал.

— Честно говоря, не очень-то я вам верю. Вот что, Фокс. Где вы были в канун прошлого Рождества?

— В Нью-Йорке, инспектор. Искал работу. Наткнулся на объявление мистера Брэда в газете, и он нанял меня сразу после Нового года.

— Проверим. — Инспектор вздохнул. — Ладно, Фокс.

Надеюсь, на этот раз вы мне не солгали. Можете выходить из дома, охранника я сниму. Но за вами будут присматривать. Я не хочу, чтобы

вы сбежали.

— Да что вы, инспектор! — воскликнул Фокс, и лицо его озарилось надеждой.

— Идите и приступайте к своим обычным обязанностям, будто ничего не произошло. Если вы, действительно, непричастны к убийству, я не стану ничего рассказывать миссис Брэд и не сообщу ей о ваших прошлых художествах.

От такого великодушия Фокс буквально онемел. Инспектор вышел, отдавая распоряжения полицейским.

На веранде особняка Вогн наткнулся на Хелен Брэд.

— Опять мучили беднягу Фокса? — фыркнула она.

— С Фоксом все в порядке, — ответил серьезно Вогн. — А где доктор Тэмпль?

— Доктор Тэмпль в отсутствии. Он уплыл куда-то на лодке. Я оставила для него записку, чтобы он встретился со Стивеном, как только вернется.

— В отсутствии, говорите?

Вогн посмотрел в направлении Ойстер-Айленда и понимающе кивнул.

Глава 19
Т

В девять пятнадцать утра, в воскресенье, инспектора Вогна, ночевавшего в Брэдвуде, Стэллинг позвал к телефону. Похоже, Вогн ждал звонка, хотя пробормотал: «Кто бы это мог быть?»

Поверил этому Стэллинг или нет, но он ничего не понял из телефонного разговора инспектора.

— Гм… Да, да. Нет… Хорошо… — Инспектор повесил трубку, глаза его загорелись, и он поспешно покинул особняк Брэдов.

В девять сорок пять окружной прокурор Исхем прикатил в Брэдвуд в полицейском автомобиле с тремя детективами. Прибывшие вышли у парадного подъезда, и инспектор Вогн сердечно приветствовал Исхема, после чего оба заговорили вполголоса.

Под прикрытием официального прибытия полиции старенький «дюсенберг» Эллери Куина через несколько минут въехал на территорию владений профессора Ярдли.

Никто не обратил внимания на то, что один из полицейских своей выправкой несколько отли-

чался от коллег. Он присоединился к большой группе охранников, которые через некоторое время разошлись в разных направлениях, Профессор Ярдли, одетый в брюки и пуловер, курил свою неизменную трубку и принял Эллери все в той же галерее с бассейном, — А вот и наш славный гость! — воскликнул он, — Я уже думал, вы не вернетесь! Вас не было целых три дня!

Как успехи?

— Отлично, — ответил Эллери, располагаясь на мраморе у кромки бассейна. — Он среди нас.

— В полицейской форме? Неплохо придумано.

— Мы немного изменили план операции сегодня утром в Минеоле, Исхем вызвал двух полицейских с автомобилем, позвонил Вогну и приехал сюда. Эллери вздохнул. — Как же меня утомила эта поездка! Но отдыхать некогда… Вы хотите присутствовать при раскрытии тайны?

Профессор поднялся.

— Давно мечтаю. Но, может быть, вы сначала хотите позавтракать?

— Мы завтракали в Минеоле. Идемте, И они направились к особняку Брэдов. Вогн и Исхем все еще беседовали у парадного подъезда. Вогн повторил для вновь подошедших историю Фокса.

— А где Мегара? — спросил Эллери.

— На своей яхте. Он, похоже, нездоров, и Хелен ищет доктора Тэмпля, его с утра не было дома. Отправляемся к бухте.

Они обошли особняк и очутились на причале, где стояли трое полицейских и где их ожидал катер.

На третьего полицейского и тут никто не обратил внимания. Исхем, Вогн, Ярдли и Эллери поднялись на палубу в сопровождении трех охранников, и патрульный катер отплыл к «Хелен». Вскоре все были на борту яхты. Внимание команды привлек только Вогн, у которого был такой вид, словно он прибыл кого-то арестовывать. Инспектор постучал в дверь кают-компании, и оттуда выглянул доктор Тэмпль.

— Привет! — воскликнул он. — Несете службу? А я как раз осматриваю мистера Мегару.

— Можно войти? — спросил Исхем.

— Прошу! — послышался голос Мегары. Все вошли.

Мегара лежал на диванчике, укрытый простыней. Лицо его было бледным, и на нем застыло страдальческое выражение. Он согнулся, пытаясь сесть, и вдруг схватился за низ живота. На полицейских он не обращал внимания, лишь выжидательно смотрел на доктора Тэмпля.

— Паховая грыжа, — констатировал доктор. — Случай несложный. Пока не о чем беспокоиться. Я дам лекарство, и скоро вам станет легче.

— Со мной уже так было во время последнего плавания, — пояснил Мегара. — Оставьте нас, господин доктор. Джентльмены желают со мной что-то обсудить.

Тэмпль закрыл саквояж.

— Извольте. Но не пренебрегайте заболеванием, мистер Мегара. Я рекомендую хирургическое вмешательство, хотя и не срочное.

Доктор откланялся и покинул каюту. Инспектор вышел следом за ним и не возвращался до тех пор, пока доктор Тэмпль не сел в лодку и не отплыл в сторону Брэдвуда.

Вогн плотно прикрыл дверь каюты. Двое полицейских на палубе разместились спиной к ней. Третий шагнул вперед, и человек на диванчике взглянул на него. Некоторое время оба молча всматривались друг в друга.

— Стефан, — промолвил учитель.

— Андреа, — обронил яхтсмен.

И Эллери при этом чуть не хихикнул. Было что-то нелепое во всей этой ситуации с больным путешественником на диванчике яхты и лжеполицейским в форме… К тому же особого восторга

от встречи братья, видимо, не испытывали.

— Крозак, Это Крозак, Андреа. Он нашел нас, как ты и предполагал.

Андреа Твэр зло сказал;

— Если бы Том меня послушался… Я ведь предупреждал его письмом еще в декабре. Он разве не связался с тобой?

Стефан покачал головой.

— Нет, он не знал, где я нахожусь. Я плавал по Тихому океану. Как ты, Андреа?

— Хорошо. Сколько же мы не виделись?

— Лет пять-шесть…

Эллери, используя паузу, вмешался в разговор:

— Джентльмены, настало время выслушать вашу историю. Мистер Ван должен как можно скорее покинуть Брэдвуд, Крозак хитер, он может обо всем догадаться, а его общество нам нежелательно. Мистера Вана необходимо отправить обратно в Западную Виргинию.

— Что ж, вы правы, — вздохнул Ван. — Стефан, может быть, ты расскажешь?

Яхтсмен выпрямился, поудобнее устраиваясь на диванчике. Боль или прошла, или он забыл о ней, и Мегара заговорил, уставившись в потолок каюты:

— Началось все очень и очень давно. Томи-

слав, Андреа и я были последними в роду Твэров, знаменитом и благородном. Твэры жили в горах Монтенегро… В наших жилах течет горячая балканская кровь, такая горячая, что разве что не кипит. У Твэров издавна были кровные враги — Крозаки. Вражда длилась веками…

— Вендетта! — воскликнул профессор. — Возможно, не как итальянская, но ваша кровная месть подобна мести горцев Кентукки.

— Да, хотя мы и по сей день не знаем, — вздохнул Мегара, — с чего все началось… Это было так давно и покрыто морем крови… Нас с детства учили…

— Убивать Крозаков, — вставил школьный учитель.

— Наш род был очень агрессивным еще двадцать лет назад… — продолжил Мегара. — Из-за жестокости нашего отца и деда к тому времени в живых из мужчин остался только один Крозак — Велия, тот, кого мы ищем. Тогда он был еще совсем маленьким ребенком. Он и его мать остались одни в роду Крозаков. Других потомков нет.

— Как давно это было… — протянул Ван. — В те годы ты, я и Томислав, мстя за смерть нашего отца, убили отца и двух дядей Крозака, устроив засаду…

— Невероятно… — прошептал Эллери. — Не верится, что мы имеем дело с цивилизованными людьми.

— Что же случилось с младшим Крозаком? — спросил инспектор.

— Мать увезла его из Монтенегро. Они поселились в Италии, где она вскоре умерла.

— И Крозаку ничего не оставалось, как мстить вам, — задумчиво заключил Вогн. — Вы пытались искать его?

— Да, пришлось. Он был опасен, и мы знали, что когда он вырастет, то убьет нас. Наши платные сыщики гонялись за ним по всей Европе, но он бесследно исчез, когда ему не было еще и семнадцати, и мы о нем ничего больше не слышали вплоть до недавнего времени…

— Вы сами никогда его не видели?

— Нет, не видели. С той поры, как он покинул родину, когда ему было лет одиннадцать-двенадцать…

— Но позвольте, — нахмурился Эллери. — Откуда вы могли знать, что он хочет вас убить? Он ведь был ребенком.

— Откуда? — Ван улыбнулся. — Один из наших сыщиков втерся к нему в доверие, тот был еще мальчишкой, и сообщил, что юный Крозак по-

клялся, когда вырастет, вырезать нас всех…

— Вы хотите сказать, что из-за злобности, — заключил Исхем, — вы покинули родную страну, эмигрировали, сменили имена?

Оба Твэра криво усмехнулись.

— Вы не знаете хорватской мести, — ответил яхтсмен. — В прошлом веке один из Крозаков преследовал Твэра в Саудовской Аравии…

— И тем не менее, если вы столкнетесь с Крозаком лицом к лицу, вы могли бы узнать его? — спросил Эллери.

— Вряд ли… Мы остались втроем, росли сиротами, родителей убили, и тогда мы решили покинуть Монтенегро и перебраться в Америку. Нас ничто не удерживало.

Мы с Эндрю — холостяки, а Том, хотя и был женат, но супруга его вскоре скончалась, детей у них не было. Наша семья была богата. Мы все продали и выручили немалые деньги. А потом под вымышленными именами, поодиночке, приехали в Нью-Йорк, приняв, конечно, меры предосторожности. Нам пришла в голову остроумная идея — позаимствовать фамилии из географического атласа. Мы так и сделали — взяли разные имена и национальности из разных стран: я грек, Том — румын, Эндрю — армянин,

поскольку в те времена мы были типичными европейцами и по речи, и по внешности, и на коренных американцев нисколько не походили.

Том и я, кстати, все мы получили прекрасное образование, стали заниматься нашим теперешним бизнесом.

Эндрю был всегда натурой своевольной и решил жить один, выучил английский язык и стал школьным учителем.

Мы приняли американское подданство. Время шло, о Крозаке мы ничего не слышали, и он уже представлялся нам какой-то мифической личностью. Мы о нем почти забыли, даже думали, что он умер. Том женился, Эндрю уехал в Арройо…

— Если бы вы меня послушались, ничего бы не случилось, — заметил Ван. Том был бы жив. Я всегда говорил, что Крозак вернется и отомстит.

— Пожалуйста, Андреа, не начинай снова, — сказал Мегара. — Я сам ждал его мести, но мы редко с тобой виделись… Это и твоя вина, подумай сам… Если бы ты больше дорожил братскими чувствами…

— Сидел бы возле вас и караулил, пока Крозак прикончит нас всех одним ударом?! — закричал Ван. — Зачем, по-твоему, я торчал в той дыре? Я ведь тоже люблю комфорт, Стивен! Но я был

осторожен, а вы…

— А мы — нет, — договорил за него яхтсмен. — И все же тебя Крозак отыскал первым.

— Да, — подтвердил инспектор, — так оно и вышло.

Мне бы хотелось выяснить кое-что в связи с «Арройским делом», мистер Ван, если не возражаете.

— Арройо, — процедил Ван, — обитель ужасов и кошмаров. Страх перед Крозаком заставил меня принять облик старого Питера. Раздвоение личности… Я предполагал, что это поможет мне, если Крозак меня отыщет.

Долгие годы я скрывался, жил просто, поддерживал чистоту в хижине, на которую набрел случайно, обследуя пещеры в горах, и обнес ее изгородью из колючей проволоки. Когда бывал свободен после школы, я тайком пробирался в хижину, переодевался, гримировался под старого Питера и спускался с гор в Арройо, чтобы горожане привыкли ко мне. Вы с Томом всегда насмехались надо мной, считали мою затею детской забавой. Л теперь тебе тоже смешно, Стивен? Думаешь, Том не жалеет там, в своей могиле, что не последовал моему примеру?

— Да, да, ты прав. Рассказывай дальше, Эндрю.

— Незадолго до Рождества я вспомнил, что давно не был старым Питером, и побоялся, как бы кто-нибудь не пришел меня проведать в моей хижине, констебль Люден, например. Это было совсем не в моих интересах, С Рождества и до Нового года в школе каникулы, и в эти дни опять совершилось мое превращение в старого Питера.

— А как вы объясняли свое отсутствие вашему слуге Клингу? — спросил Эллери. — Или он был в курсе дела?

— Что вы, нет! — воскликнул Ван. — Он был глупый, почти полуидиот. Я только говорил ему, что еду в Питтсбург или Вейртон на каникулы или по делам, а он никогда ничего не спрашивал. И в этот раз я как бы уехал в Питтсбург, а сам поднялся к себе в горную хижину. Наутро, в день Рождества, я направился в город в лавку Бернхейма за продуктами. Хотя лавка и была закрыта, но старого Питера, то есть меня, это не волновало. Я шея по пустынной дороге, добрался до перекрестка в пять тридцать утра и обнаружил распятое тело, В ужасе я помчался к своему дому и понял, что Крозак побывал тки, накануне ночью, убил бедного Клинга, приняв, вероятно, его за меня, отрубил ему голову и распял, придав телу форму буквы Т. Мне надо было что-то срочно предпри-

нимать. Крозак, судя по всему, был уверен, что с одним Твэром он расквитался. Зачем было его разубеждать?

Я решил остаться старым Питером навсегда — пусть думают, что школьный учитель погиб. Клинг в тот день был одет в мои старые вещи, которые я ему подарил, так что, если в карманы положить какие-нибудь мои бумаги, ни у кого не возникнет сомнений, что это я.

И Ван поведал о том, как он схватил кое-какие личные вещи и помчался на перекресток дорог, быстренько вытащил из карманов мертвого его вещи и положил свои, а потом опять побежал в лес. Там он разложил костер, сжег одежду и мелкие вещи Клинга и вышел на дорогу, в ожидании первого путника.

— А почему вы не вернулись в хижину? — спросил Вогн.

— Потому что мне надо было попасть в город, — пояснил Ван, — и предупредить моих братьев о появлении Крозака. Если бы я пришел в Аройо один и ничего бы не рассказал о мертвеце, распятом на дорожном столбе, это выглядело бы подозрительно. Но даже если бы я пришел один и рассказал об этом, меня бы все равно заподозрили. Поэтому пришлось дожидаться

кого-нибудь и с ним вместе обнаружить мертвое тело, а уж потом добираться в город, чтобы как-то предупредить Тома и Стефана. Час спустя мимо протарахтел старый «форд»

Майкла Оркинса, а когда Майкл увидел меня, бредущего в Арройо, я махнул ему рукой, и он посадил меня в машину. Немного позднее мы вместе обнаружили тело…

Ну, а остальное вы, мистер Куин, знаете, так как были во время следствия, — закончил свой рассказ Эндрю Ван.

— И вам удалось предупредить братьев? — спросил Исхем.

— Да. Пока я собирал вещи в своем городском доме после того, как обнаружил тело Клинга, я написал Томиславу — Томасу Брэду. Когда я приехал в Арройо, было раннее утро, почта была еще закрыта, но я тайком сунул письмо под дверь. Я сообщил брату, что решил остаться старым Питером, поскольку Крозак объявился и нам всем грозит месть. Но о моем перевоплощении никто не должен был знать, кроме Тома и Стивена. Наконец, я написал, что меня опасность уже не подстерегает, так как для Крозака я мертв…

— Тебе повезло, — сказал Мегара, — Когда Том, получив твое письмо, не смог связаться со мной,

он написал письмо в полицию — как последнее предупреждение мне, если с ним случится несчастье.

— Ну что ж, — после непродолжительного молчания начал Исхем. — Но куда это нас привело? Никуда. Мы топчемся на месте, и поиски Крозака далеки от завершения.

— Пессимистический подход, — заметил Эллери. — Однако, джентльмены, есть ли какой-нибудь человек, который знает или знал о вражде кланов Твэров — Крозаков? Небольшое расследование в этом направлении позволило бы нам сузить круг подозреваемых.

— Никто, кроме нас, не знал, — ответил учитель. — Лично я никому не говорил.

— Нет ли письменных подтверждений вражды?

— Нет.

— О'кей, — задумчиво произнес Эллери. — Значит, Крозак — единственный хранитель тайны. Если только он ее кому-нибудь не доверил. Но зачем бы? Крозак уже не ребенок, взрослый человек, маньяк, помешанный на вендетте. Его планы мести касаются его лично, и о таких делах он не будет рассказывать приятелям или детективам.

Верно, мистер Мегара?

— Только не черногорец, — угрюмо ответил Мегара.

— Разумеется, это аксиома для любого, кто знаком с законами вендетты, сказал профессор Ярдли, — а на Балканах, где они особенно суровы, лишь член семьи может кровью смыть пятно позора.

Эллери кивнул в знак согласия.

— Мог бы Крозак рассказывать о мести кому-то здесь? Вряд ли. Это поставило бы его вне закона, а он, как мы имели удовольствие заметить, очень умен, несмотря на его манию. Если бы он привлек соучастника, что бы он ему пообещал?

— Интересная мысль, — высказался Исхем.

— Одно то, что Крозак перерыл весь дом Вана, а взял лишь то, что лежало в его жестяной банке.

— Там было сто сорок долларов, — уточнил Ван.

— Доказательство того, что Крозак нуждается и подобрал, что нашел. Но в доме вашего брата Тома ничего не украли, значит, соучастников не было. Будь они — обязательно прихватили бы что-нибудь. Следовательно, это были убийства из мести, а не ради наживы. Есть ли еще доказательства отсутствия соучастников? Да, В день убийства Клинга на дороге видели какого-то

незнакомца. По описанию — Крозака.

— Что вы пытаетесь доказать? — спросил Вогн.

— Только то, что Крозак действует в одиночку и ни с кем своими намерениями не делится. И ставит подпись под своими преступлениями в виде буквы Т. Вряд ли ктонибудь из соучастников после первого такого кровавого преступления захотел бы дальше иметь дело с маньяком.

— И все эти рассуждения опять приводят нас «в никуда», — усмехнулся инспектор. — Что вам дался этот мифический соучастник? Мы ни на шаг не продвинулись в поисках убийцы, мистер Куин, нам не до соучастников!

Эллери пожал плечами — наличие возможного соучастника или посвященного в тайну Крозака, по, его мнению, было вопросом немаловажным.

Прокурор Исхем обратился к братьям:

— Послушайте, но ведь не мог же человек исчезнуть бесследно? Надо выяснить поточнее, как он выглядит.

Жаль, что вы не можете описать его внешность. А в детстве не было ли в его облике чего-нибудь такого, что могло бы остаться на всю жизнь?

Братья переглянулись.

— Хромота, — сказал Ван.

— Я уже об этом говорил, — заметил Мегара. —

В детстве Крозак сломал бедро, правда, калекой он не стал, но постоянно хромал на левую ногу, Хромота? — переспросил Эллери.

Твэры были озадачены.

— Может быть, — продолжал Эллери, — за двадцать лет от хромоты его вылечили, и тогда показания гаражмена Крокера лишний раз подчеркивают хитрость Крозака, прикинувшегося хромым.

— Но, с другой стороны, — вмешался инспектор, — хромота может быть и неизлечимой. Почему надо ставить под сомнение все добытые нами сведения, мистер Куин?

— Ну хорошо, — сухо согласился Эллери. — Крозак хромает. Это вас устраивает, инспектор? — Эллери улыбнулся. — Хромой или нет, но он хромает всегда, когда появляется на людях.

— Мы попусту теряем время, — рассердился Вогн. — Ясно одно; джентльмены нуждаются в нашей защите. Думаю, вам следует вернуться в Арройо, мистер Ван, и держаться подальше от посторонних глаз. Я пошлю с вами в Западную Виргинию полдюжины охранников, там они и останутся.

— О, Господи, инспектор! — ахнул Эллери. — Вы понимаете, что говорите? Вы сыграете на руку

Крозаку. Допустим, что Крозак пока еще не знает, где Андреа Твэр, знает лишь, что он жив. Наше внимание к Андреа немедленно насторожит Крозака, если он выслеживает Андреа, что он, я думаю, и делает сейчас.

— Что же, по-вашему, надо предпринять? — обиделся Вогн.

— Мистер Ван должен быть немедленно отправлен в свою хижину, с этим я полностью согласен, но не с толпой полицейских, а в сопровождении одного человека.

И оставлен там в полном одиночестве. Как старый Питер, он в безопасности. Чем меньше шума мы поднимем, тем лучше для него.

— А как насчет мистера Мегары? — спросил Исхем. — Его тоже оставим одного?

— Конечно, нет! — воскликнул Эллери. — Крозак ожидает, что мистера Мегару будут охранять — он и будет под охраной.

Братья Твэр молчали, пока решалась их судьба, — У вас есть еще вопросы, которые надо обсудить? — поинтересовался Исхем. — Тогда поторопитесь!

— Я все время думаю, — пробормотал Ван, — о том, что не хочу возвращаться в Западную Виргинию. Мне кажется, что Крозак... — Голос его

задрожал. —..что я должен уехать из этой страны, как можно дальше от Крозака.

— Нет, — резко возразил Эллери. — Если Крозак усомнится в старом Питере, он непременно попытается его выследить, поэтому вам до тех пор, пока мы не поймаем Крозака или хотя бы не убедимся, что Крозак вас вычислил, придется побыть в роли старого Питера.

— Видите ли, — Ван закусил губу, — я небогатый человек, мистер Куин. Я живу под игом этого дьявола — Крозака… По завещанию брата, мне полагается довольно приличная сумма, но я и от нее готов отказаться, лишь бы уехать подальше…

От заявления Вана всем стало не по себе.

Мегара сказал:

— Нет, Андреа. Если ты хочешь скрыться, делай как знаешь. Но что касается денег, я отдам тебе твою долю.

Деньги могут понадобиться.

— А какая это сумма? — полюбопытствовал Вогн.

— Не очень большая. — Взгляд Мегары отяжелел. — Пять тысяч долларов. Том мог бы оставить и больше, но Андреа — младший, а на нашей родине наследство не обсуждается.

— Ваш брат Том был старшим? — спросил Эл-

лери.

Мегара покраснел.

— Нет, старший — я.

— Конечно, это ваше семейное дело, — заявил Вогн, — но вот что я вам скажу, мистер Ван. Вы не должны бежать. Мистер Куин совершенно прав на этот счет.

Лицо учителя побледнело.

— Неужели вы думаете, что он еще не догадался?

— Да как он мог догадаться, черт возьми? — возмутился Вогн. — Если вам будет от этого легче, возьмите деньги, оставленные вам по завещанию, у мистера Мегары. Но это все, что мы можем вам позволить, — Вместе с моими сбережениями, которые я припрятал в хижине, это составит довольно крупную сумму.

Даже больше, чем мне нужно… Ладно, я возвращаюсь.

Стефан, спасибо за все.

— Может быть, тебе дать еще денег? Я дам тебе десять тысяч, а не пять.

— Нет. — Школьный учитель нахмурился. — Я возьму только то, что мне причитается по завещанию. Ты меня знаешь, Стефан. Мне много не надо…

Мегара поднялся с диванчика и подошел к столу. Сел и начал что-то писать. Андреа Твэр ходил по каюте из угла в угол. Теперь, когда решение было принято, ему не терпелось уехать. Яхтсмен встал из-за стола и подал чек, — Придется подождать до завтрашнего дня, — сказал он, — Я закажу деньги, и ты, Андреа, сможешь их получить завтра утром по пути в Западную Виргинию.

Ван кивнул, — Мне пора. Где я могу переночевать, инспектор?

— Мы поручили охранникам оберегать ваш покой ночью.

Братья попрощались.

— Береги себя, Андреа!

— Ты тоже, Стефан, Глаза их встретились, и еле уловимый барьер между ними пошатнулся, но так и не рухнул. Мегара отвернулся, а Ван, ссутулившись, вышел из каюты.

Когда вся группа вернулась на материк и Андреа Твэр присоединился к охранникам, Эллери спросил;

— Мистер Исхем, я вижу, вас что-то беспокоит? Думаю, объяснения Мегары по поводу бегства Твэров из Монтенегро. Но почему?

— Да потому, — сердито ответил прокурор, —

что это ложь, вымысел. Вражда это или нет, не знаю, но я никогда не поверю, что трое взрослых мужчин побросали дома, покинули родину, сменили имена, и все из-за того, что какой-то эмоциональный подросток пригрозил им вендеттой.

— Верно, — согласился Эллери, вдыхая свежий воздух полной грудью. — Это так верно, что я удивляюсь, как инспектор Вогн проглотил эту ложь и не арестовал их за лжесвидетельство.

Инспектор Вогн засопел.

— Я уверен, — продолжал Эллери, — что даже если история о Крозаке и правдоподобна, то все происходит скорее по их вине, чем по вине одиннадцатилетнего сомнительного вендеттиста.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил профессор Ярдли. — Я что-то не совсем понимаю…

— Но ведь это очевидно, господин профессор! Зачем троим взрослым людям покидать страну, как верно заметил мистер Исхем, и переезжать сюда под вымышленными именами?

— Из-за полиции? — предположил Вогн.

— Весьма вероятно. Они уехали, потому что были вынуждены это сделать по причинам, более веским, чем угрозы малолетнего Крозака. На вашем месте, инспектор, я бы направил запрос

на их родину.

— Телеграфировать в Югославию? Хорошая мысль, — оживился инспектор. Сегодня же распоряжусь.

— Видите ли, господин профессор, — обратился Эллери к Ярдли, — жизнь порою выкидывает немыслимые штучки… Твэры скрылись от потенциальной угрозы, а двадцать лет спустя их настигла угроза реальная.

Глава 20
Два треугольника

Как только Эллери, профессор Ярдли, Исхем и Вогн обошли западное крыло особняка Брэдов, они увидели, как кто-то машет им из-за угла. Это был доктор Тэмпль.

— Вы все в делах? — спросил он. Оставив где-то свой неизменный саквояж, он шел навстречу им налегке, с трубкой в зубах.

— Да уж, — ответил Исхем.

Из-за того же угла появился Джон Линкольн. Заметив Тэмпля, он закричал;

— Господин доктор! Что с Мегарой?

— Не волнуйтесь, мистер Линкольн, — ответил вместо доктора инспектор Вогн, — с ним все в порядке. У него грыжа. А что вас так беспокоит?

Джон вытер вспотевший лоб.

— Видите ли, все непонятно, все вызывает тревогу.

Я узнал, что вы вслед за господином доктором отправились на яхту, и подумал…

-..что Мегара замешан в каком-нибудь темном деле, как любит говорить инспектор Вогн, да? —

продолжил вместо него Исхем. — Нет, на этот счет не волнуйтесь.

Линкольн немного успокоился. Доктор Тэмпль неторопливо курил.

— Здесь, как в тюрьме, — сказал Джон. — Моя сестра вернулась с острова и чувствует себя отвратительно.

— Мисс Линкольн вернулась? — переспросил инспектор.

Доктор Тэмпль округлил глаза, вынул изо рта трубку и спросил;

— Когда?

— Только что.

— Одна?

— Да. Они там… — Он не успел закончить фразу, да так и замер с открытым ртом. Остальные тоже умолкли — где-то в глубине особняка раздался дикий истерический смех.

— Эстер! — воскликнул доктор Тэмпль и, оттолкнув Линкольна, бросился к особняку.

— О Господи! — вздохнул Исхем. — Что за чертовщина?

Линкольн опомнился и побежал следом за доктором.

Эллери и остальные — за ним. Смех доносился с верхнего этажа. Когда они вбежали в холл, то

столкнулись со Стэллингом. Дворецкий стоял внизу у лестницы, лицо его было бескровным. Из задней двери протиснулись пышные телеса миссис Бакстер.

На верхний этаж, где располагались спальни, все вбежали как раз в тот момент, когда сухопарая фигура доктора Тэмпля скрылась за дверью одной из них. Вопли не прекращались. Девушка билась в истерике.

Они застали доктора Тэмпля, держащего в объятиях Эстер Линкольн. Он нежно гладил ее по волосам. Лицо девушки исказила гримаса, взгляд был бессмысленным, рот широко открыт. Она то всхлипывала, то издавала истерические крики, — Истерика, — бросил доктор через плечо. — Помогите мне уложить ее в постель.

Вогн и Джон немедленно подчинились, подойдя к нему. Крики девушки усилились, она начала сопротивляться, Внезапно Эллери услышал в коридоре быстрые шаги и, оглянувшись, увидел, что в спальню входят миссис Брэд и Хелен.

— В чем дело? — спросила миссис Брэд. — Что случилось?

Хелен подошла ближе. Доктор Тэмпль уложил брыкавшуюся девушку на кровать и теперь слегка похлопывал ее по щекам. Крик прекратился.

Эстер присела на кровати и уставилась в бледное лицо миссис Брэд. В ее взгляде вспыхнула откровенная ненависть.

— Уйдите отсюда! Уйдите!! — закричала она. — Я ненавижу вас! Ненавижу все с вами связанное! Уйдите, говорю вам!

Миссис Брэд покраснела, губы ее задрожали.

— Ты не соображаешь, что говоришь. Будь умницей, дорогая. Успокойся. Не устраивай сцен…

Глаза Эстер закатились, голова откинулась назад, и девушка бессильно рухнула на кровать.

— Прошу всех выйти, — велел Тэмпль. Все беспрекословно повиновались, и Джон тихо прикрыл дверь.

— С чего вдруг у нее истерика? — удивился Исхем.

— Реакция на сильное эмоциональное потрясение, — пояснил Эллери.

— Почему она уехала с острова? — спросил Вогн.

Джон усмехнулся.

— Думаю, теперь все позади, и я могу рассказать.

Эстер сошлась на острове с Ромейном, но раз она вернулась, наверное, он ее бросил, — Джон помрачнел. — Подлец! Но все равно я признате-

лен ему, что он невольно открыл ей глаза и она вернулась домой.

Инспектор сухо произнес;

— Это, конечно, не мое дело, но не думала же она, что он будет ей стихи читать?

Дверь отворилась, и из спальни выглянул доктор Тэмпль.

— Она успокоилась, не надо ее тревожить. Мисс Брэд, вы можете войти. Хелен кивнула и скрылась в спальне, — Все в порядке, Я дам ей успокоительное. Где мой саквояж? — спросил он и побежал вниз по лестнице.

Джон посмотрел ему вслед.

— Когда сестра вернулась, она сказала мне, что с Ромейном и с нудизмом покончено, что она хочет куда-нибудь уехать, может быть, в Нью-Йорк, и пожить там в одиночестве. Это пойдет ей на пользу…

— Гмм… — промычал Исхем. — А где Ромейн сейчас?

— Полагаю, что на острове, — ответил Джон. — Здесь он не показывался. Мистер Исхем, можно Эстер покинуть Брэдвуд?

— Что скажете, Вогн?

Вогн потер подбородок.

— Думаю, можно. Но с условием, что мы будем

знать, где ее найти, если она нам понадобится.

— Вы можете поручиться за сестру, мистер Линкольн? — спросил Исхем.

Джон решительно кивнул.

— Как за себя самого.

— Кстати, что за нелады у вашей сестры и миссис Брэд? — подал голос Эллери.

Улыбка исчезла с лица Джона, взгляд стал неподвижным.

— Понятия не имею, — отрезал он. — Не обращайте внимания. Она была не в себе, не соображала, что говорит.

— Странно, — задумчиво произнес Эллери, — а мне показалось, что соображала. Полагаю, инспектор, для выяснения некоторых деталей следует поговорить с миссис Брэд, дипломатично, разумеется.

— Боюсь, что… — начал Линкольн и осекся.

Все резко обернулись — на лестнице стоял один из детективов Вогна.

— Тот парень, Ромейн, и старик, — сказал детектив, — сейчас на пристани. Хотят поговорить с вами, шеф.

Инспектор потер руки.

— Отлично, а? О'кей, Билл, я иду. Отложим беседу с миссис Брэд, да, Куин? Я не забуду.

— Разрешите пойти с вами? — спросил Джон.

— Нет возражений, — согласился инспектор, — Присоединяйтесь.

Все направились к пристани. Возле теннисного корта они встретили доктора Тэмпля с маленьким черным саквояжем в руке. Вероятно, Тэмпль спешил к пациентке.

Высокая загорелая фигура Ромейна издалека виднелась на причале. Маленький сухонький Страйкер, сумасшедший египтолог, сидел, дрожа, в моторной лодке, привязанной к пристани. Оба нудиста были одеты. «Несравненный Ра-Харашт» по случаю официального визита сменил ритуальные одежды на обычное платье, очевидно, понимая, что на материке его не воспримут, как «Воплощенного Бога».

Патрульный катер стоял неподалеку, и Ромейна окружало несколько полицейских. Он сразу заговорил;

— Извините за беспокойство, инспектор, но мы хотели бы кое-что утрясти… — Он пристально смотрел в глаза Вогна, игнорируя Линкольна. — Вы развалили колонию Его Светлости, — он кивнул в сторону Харашта, — и мою тоже. Вы задержали на острове всех гостей.

— А разве это не в ваших интересах? — спросил

Вогн.

— Да, но не таким способом, — спокойно ответил Ромейн. — Они напуганы до смерти и, как нашалившие дети, хотят немедленно уехать домой, а вы не разрешаете. Но дело даже не в этом. Дело в другом. У нас не останется учеников.

— Ну и что?

— Мы требуем разрешения на отъезд с острова.

Внезапно Страйкер встал во весь рост в лодке и завопил:

— Это гонение на веру. Нет пророка в своем отечестве! Я, Харашт, требую права творить молитвы!

— Успокойся, — сказал Ромейн, и старец сел.

— Бессмыслица, абсолютная бессмыслица, — пробормотал профессор Ярдли. Этот человек — полный идиот.

Ссылается на Матфея, путает египетскую и христианскую религии…

— Ничем не могу помочь, — проговорил Вогн спокойно, обращаясь к Ромейну.

— Почему же? — спросил Ромейн. — Разве мы в чем-то виноваты? Мы вели себя, как пай-мальчики, разве нет?

— Я сказал — нет! Я не разрешаю ни вам, ни

этому Пророку удаляться с острова! Говорите, хорошо себя вели? А знаете ли вы, Ромейн, что ходите по острию ножа?

Где вы были в ночь убийства Брэда?

— Я же говорил, на острове.

— Да ну? — с усмешкой произнес Вогн.

И тут вместо того чтобы, как обычно, вспылить; Ромейн задумался.

— Так где? — настаивал инспектор. — Я устал ждать.

Скажете наконец?

— Предположим, — начал Ромейн, — я смогу доказать, где был в ту ночь, и назову свидетеля. Это снимет с меня подозрение?

— Разумеется.

Эллери заметил, что весь апломб Линкольна улетучился, в горле у него что-то заклокотало, и он стал прорываться вперед, пытаясь обогнать группу. Эллери схватил его за руку, и Джон остановился.

— Ладно, — сказал Ромейн. — Мне не хотелось говорить, тут замешаны люди. Но мне надо как-то выпутываться… В общем, я был…

— Ромейн, еще одно слово, и я вас убью! — пригрозил Линкольн.

Вогн оглянулся.

— Что за разговоры, Линкольн? Вас это не касается!

— Вы меня слышали, Ромейн? — настаивал Линкольн.

— Чепуха! — Ромейн рассмеялся. — Я разок окунул вас в воду, могу и повторить. С половины одиннадцатого до половины двенадцатого в ту ночь…

Услышав это, Джон Линкольн рванулся к Ромейну, но Эллери обхватил его за шею и оттащил назад. Оказавшийся поблизости детектив схватил Линкольна за воротник, После непродолжительной борьбы Джон понял, что сопротивление бесполезно, и сдался, злобно глядя на Ромейна налитыми кровью глазами. Ромейн закончил начатую исповедь:

— Я был на Ойстер-Айленде с миссис Брэд.

Джон пожал руку Эллери.

— Благодарю, мистер Куин, — холодно произнес он. — Со мной все в порядке, пусть он болтает.

— Что вы имеете в виду? Вы были на Ойстер-Айленде с миссис Брэд? переспросил инспектор Вогн, и глаза его прищурились. — Вдвоем?

— Инспектор, вы не ослышались, — фыркнул Ромейн. — Мы вдвоем провели часок наедине, на берегу под деревьями.

— А как миссис Брэд добиралась до острова в ту ночь?

— Мы договорились о свидании, и я ждал ее в лодке на брэдвудской пристани. Миссис Брэд появилась в половине одиннадцатого, и мы поплыли на остров, Инспектор Вогн выудил из кармана помятую сигарету и сунул в рот.

— Можете отправляться обратно на остров, ваши показания мы проверил'.. Старика не забудьте прихватить с собой... Мистер Линкольн, если желаете дать пару оплеух этому сукину сыну, действуйте! Меня здесь нет.

Ромейн глупо заморгал глазами. Детективы отошли в сторону. Джон снял пиджак и двинулся на Ромейна.

— Одна, — сказал он, — за проделки с моей сестрой, вторая — за одурачивание и так не очень-то умной женщины! Получайте, Ромейн!

Старик в лодке завопил:

— Пол!! Иди скорее сюда!!

Ромейн ответил, глядя на Линкольна в упор;

— Ты бы сначала из пеленок вылез! — и распрямил плечи.

Удар пришелся точно в подбородок Ромейна. Джон вложил в него всю силу своей ненависти, накопившейся за долгое время. Обычного чело-

века такой удар сбил бы с ног, но Ромейн был крепким малым и лишь слегка пошатнулся. Он моргнул раз, другой, сжал кулаки и провел такой аперкот, от которого Джон взлетел на дюйм над настилом причала и шлепнулся, потеряв сознание, на доски.

Инспектор Вогн мгновенно отреагировал.

— Назад! — закричал он и кинулся опрометью к Ромейну. Но тот оказался проворнее. Он шмыгнул с причала в лодку, где его ждал Страйкер, завел мотор, и лодка стремительно отплыла от причала к острову.

— Я на катер! — крикнул Вогн. — Займитесь этим беднягой. Я скоро вернусь. Надо его хорошенько проучить!

Катер рванул от пристани вслед за лодкой. Эллери, нагнувшись над горе-гладиатором, похлопывал его по щекам. Профессор Ярдли, спустившись с причала, зачерпнул воду пригоршнями, подошел к лежавшему без сознания Линкольну и облил его лицо водой.

— Вот вам пример торжества справедливости, — сказал ему профессор и добавил:

— Вставайте, Джон! Война окончена.

Через пятнадцать минут после инцидента, когда они сидели на веранде «восточного» особ-

няка, появился инспектор Вогн. Джон Линкольн держался за подбородок с таким видом, словно боялся, что он отвалится. Эллери, Ярдли и Исхем курили. Лицо инспектора, и без того не ангельского вида, украсилось кровоподтеками возле носа и синяком под глазом, но зато самодовольно сияло от проведенной операции, — Привет! — весело сказал он. — Ну, мистер Линкольн, у вас был честный поединок. Правда, теперь вам денек-другой придется избегать зеркал, Джон улыбнулся.

— Да, хоть я и не из трусливых, но силы были явно неравны. Против меня — он настоящий Голиаф.

— Ну-ну. В таком случае, я — Давид. Я боялся только одного, что старец упадет в обморок. Все-таки я отправил в нокаут его главного жреца. Пойдемте освежимся, мистер Линкольн, и вернемся к делам. Вы видели миссис Брэд?

Джон встал и пошел следом за ним.

— По-моему, она наверху, — заметил Исхем.

— Ол'райт, — сказал инспектор, отстав от Линкольна и обращаясь к Исхему. — Давайте зайдем к ней прежде, чем это сделает Линкольн. Он вел себя по-джентльменски, но пора продолжить официальное расследование и хоть от кого-то добиться правды.

Хелен, похоже, все еще была в спальне Эстер, Стэллинг считал, что доктор Тэмпль тоже наверху, поскольку он не спускался после того, как поднялся туда со своим саквояжем.

Они уже были на верхнем этаже особняка в тот момент, когда Линкольн скрылся за дверью своей спальни.

В сопровождении Стэллинга они подошли к будуару миссис Брэд, и инспектор постучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос Маргарет.

— Инспектор Вогн. Разрешите?

— Кто?! Одну минуту! — В голосе женщины слышалась паника.

Они немного подождали, и дверь приоткрылась. Лицо миссис Брэд было заплакано, глаза покраснели.

— Что случилось, инспектор? Я нездорова…

Вогн осторожно отворил дверь пошире.

— Я понимаю. Но это очень важно.

Женщина отступила, и они вошли.

Это был роскошный будуар богатой дамы — кругом зеркала, флаконы духов, шикарная косметика на туалетном столике. Миссис Брэд отошла в сторону, плотно запахивая пеньюар.

— Миссис Брэд, — заговорил Исхем, — где вы

были с половины одиннадцатого до половины двенадцатого в ту ночь, когда был убит ваш супруг?

— Что вы имеете в виду? — спросила она каким-то бесцветным голосом. — Я была в театре, вместе с дочерью и мистером…

— Пол Ромейн, — перебил ее инспектор, — утверждает, что вы были с ним на острове.

Женщина побледнела.

— Пол?.. Он так сказал?

— Да, миссис Брэд, — ответил Исхем. — Мы понимаем, насколько все для вас неприятно… Разумеется, это ваше личное дело, но нам, в интересах следствия, необходимо знать правду. Итак, мы ждем ответа и больше не будем к этому возвращаться.

— Наглая ложь! — воскликнула миссис Брэд, бессильно падая на стул.

— Нет, миссис Брэд, правда заключается в том, что из театра на такси в Брэдвуд вернулась только ваша дочь в сопровождении мистера Линкольна. К тому же швейцар театра видел, как вы ушли с середины первого акта, около девяти часов вечера. Ромейн показал, что у вас с ним было свидание на причале.

Миссис Брэд обхватила голову руками.

— Прошу вас… Я потеряла голову… Я не знала, что произойдет убийство… Какой я была идиоткой! Эстер меня ненавидит, она хочет быть с ним. Думает, что он с ней искренен… — На лице женщины проступили морщинки. — Но Пол — дьявол, а не человек!

— Успокойтесь, миссис Брэд, — сказал Вогн участливо, — никто вас ни в чем не обвиняет. Мы не вмешиваемся в вашу личную жизнь. Вы сделали глупость, связавшись с подонком, и уже достаточно пострадали. Нам только необходимо точно знать, когда и как вы добрались домой и что произошло в ту ночь.

Миссис Брэд прижала руки к груди и заговорила:

— Я покинула театр в начале первого акта, сказавшись больной и уговорив Хелен и Джона досмотреть спектакль до конца. Придя на вокзал, я вернулась домой с первым же поездом. По счастью, мне никто не встретился. Выйдя на перрон, я взяла такси. Немного не доехав до Брэдвуда, отпустила его и дальше пошла пешком. Меня никто не видел.

— Естественно, вы не хотели, чтобы мистер Брэд знал, что вы не в театре.

— Да, — прошептала она. — Мы встретились с

Полом на пристани.

— Во сколько?

— Около половины одиннадцатого.

— Вы уверены, что никого не встретили, ничего подозрительного не видели и не слышали?

— Да, уверена. Когда мы расстались с Полом, я тихо пробралась в свою спальню.

Исхем хотел было задать еще какой-то вопрос, но тут в будуар вошла Хелен Брэд.

— Что случилось, мама? — спросила она, глядя то на мать, то на Вогна и Исхема.

Миссис Брэд опустила голову и зарыдала.

— Так, значит, тайное стало явным, — прошептала Хелен и тихо прикрыла дверь. — Ты не смогла уберечься.

Перестань же плакать, мама. Узнали, так узнали. Может быть, и к лучшему. Мало ли на свете женщин с неудавшимися романами…

— Это неприятно и для вас, и для нас. Пора заканчивать, — сказал Вогн. — Откуда вы, мисс Брэд, и мистер Линкольн узнали, где была ваша мать в ту ночь?

Хелен села рядом с матерью и погладила ее по плечу.

— Когда мама в ту ночь ушла из театра, я знала — куда. Она, правда, не догадывалась, что я

знаю. Мне и самой хотелось уйти, но я решила подождать Джона. Мы с ним и раньше кое-что замечали, но виду не подавали.

Когда Джон зашел за мною из конторы, мы вдвоем вернулись домой. Я заглянула в мамину спальню. Ома спела. Утром, когда обнаружили тело…

— Она вам во всем призналась?

— Да.

— Если позволите, — подал голос молчавший до сих пор Эллери, — я задам два вопроса. — Хелен и мать повернулись к нему. — Когда вы впервые что-то заподозрили, мисс Брэд?

— О! Довольно давно, — тряхнула головой Хелен. — Несколько недель назад.

— Ваш отчим о чем-нибудь подозревал?

Миссис Брэд внезапно подняла голову и выкрикнула:

— Нет! Нет!!

Хелен прошептала:

— Я уверена, что нет.

Прокурор Исхем встал.

— Думаю, этого достаточно. — Он направился к выходу. — Идемте. — Открыв дверь, он вышел в коридор.

Инспектор Вогн, профессор Ярдли и Эллери

последовали за ним.

Глава 21
Ссора возлюбленных

— Мы идем «в никуда», — сказал Эллери, когда они вместе с профессором Ярдли сидели поздно вечером в его саду, наблюдая закат солнца.

Профессор вздохнул.

— По совести говоря, я жду развития событий со дня на день, Куин. Я наслышан о ваших детективных способностях и весьма удивлен, отчего вы так пессимистично настроены.

— Знаете ли, господин профессор, — ответил Эллери, — иногда мне кажется, что ни событий, ни разоблачений не последует.

— Этого просто не может быть, — Ярдли вынул изо рта трубку. — Как вы думаете, Куин, почему было принято решение о снятии всей полицейской охраны? Мне об этом сообщил доктор Тэмпль. Он сказал, что сам шеф управления полиции штата подписал распоряжение. Я не понимаю, зачем?

Эллери пожал плечами.

— Почему бы и нет? В конце концов, Крозак охотится только за двумя особами — Стивеном

Мегарой и Эндрю Ваном, то есть за Твэрами. Мегара укрылся в акватории бухты, к тому же на его яхте охранники Вогна. Вана спасают собственная изобретательность и хитрость.

Кстати, господин профессор, во втором преступлении есть немаловажные детали, которые мне хотелось бы обсудить с вами. В некотором роде они многое объясняют, хотя мы опять упираемся «в никуда».

— Не понимаю, о чем вы?

— Не может быть! Неужели вы, господин профессор, ничего не извлекли из истории с шашками?

— Из истории с шашками? Пожалуй, нет.

— История эта проста. — Эллери поднялся. — Извините, господин профессор, но мне хотелось бы кое-что обдумать, и я, с вашего позволения, немного пройдусь, чтобы развеять туман в голове, — Конечно, гуляйте на здоровье. — Профессор откинулся в кресле, попыхивая трубкой и с любопытством провожая Эллери взглядом.

Эллери пересек шоссе, отделявшее Замок Иф от особняка Брэдов, прислушиваясь к плеску волн в бухте и вдыхая свежий ночной воздух. В Брэдвуде было темно и тихо. У ворот особняка стояли и курили двое полицейских. Когда Эллери

приблизился, один из них осветил его фонариком и спросил;

— Кто здесь? А, это вы, мистер Куин. Извините. — Луч фонарика погас.

— Похвальная бдительность, — заметил Эллери и вошел в ворота брэдвудского поместья. Он и сам не понимал, почему его потянуло сюда. Пройдя немного по парковой дорожке, он внезапно остановился. Недалеко от него, справа, где находился теннисный корт, звучали чьи-то голоса. Как истинный джентльмен, Эллери хотел было пройти мимо, но неожиданно вспомнил один из принципов своего отца — Великолепного Инспектора Куина, человека деликатного во всех отношениях, но циничного и безжалостного с преступниками. Принцип гласил: «Всегда подслушивай». Предок любил повторять; «Единственные правдивые показания, за которые стоит платить звонкой монетой, сын, это подслушанные разговоры людей, считающих, что за ними никто не следит. Всегда подслушивай и узнаешь в тысячу раз больше, чем за сотни часов официальных допросов».

Поэтому Эллери, как послушный ученик, замер там, где стоял, и прислушался. Голоса были знакомые, но слов разобрать он не мог. Столь низко

пав один раз, он решил повторить низость. С осторожностью индейца Эллери сошел с шуршащего гравия дорожки на газон и, крадучись, двинулся в сторону разговаривающих. По мере приближения он различил голоса Джона Линкольна и Хелен Брэд, которые сидели за столиком в парке с западной стороны теннисного корта. Эллери мысленно представил себе планировку парка. Он приблизился к беседующим на расстояние пяти футов и скрылся в тени ветвистого дерева.

— Знаешь, Джон, — говорила Хелен, — твой поступок ничего не изменил.

— Но, Хелен, — отвечал Джон, — я тебе уже тысячу раз доказывал, что Ромейн…

— Чепуха! — перебила его Хелен. — Он не вел бы себя так бессовестно, если бы не ты со своими идиотскими идеями, со своими принципами…

— Хелен! — Джон был задет. — Как ты можешь? Я и в самом деле, словно сэр Галахед, хотел его проучить, но он меня сшиб с ног. Я…

— Хорошо, — сдалась она. — Я не говорю, что ты не пытался мне помочь… Но ты вечно во все вмешиваешься!

Эллери не только все слышал, но и видел происходящее, Молодой человек был явно оскорблен.

— Ах, вот оно что! — выкрикнул Джон. — Пре-

красно! Это все, что я хотел знать! Вмешиваюсь в чужие дела, словно посторонний, да? Без всяких прав? Ол'райт, Хелен. Больше я вмешиваться не буду. Я пошел…

— Джон! — В голосе девушки звучала тревога. — Что ты? Я же не…

— Я все сказал. Много лет я был славным малым, служившим, как верный пес, двум господам, один из которых вечно пропадал в море, а другой с утра до ночи играл в шашки. Теперь все, финиш. Игра не стоит свеч.

Я уезжаю вместе с Эстер. Я уже сообщил об этом вашему дорогому мистеру Мегаре. Я был у него сегодня днем на яхте. Пусть он сам, для разнообразия, займется ковровым бизнесом, а мне надоело работать за Брэдов.

Повисло молчание. Эллери, спрятавшийся под деревом, вздохнул. Он предчувствовал развязку.

— В конце концов, Джон, — прошептала Хелен, — есть же еще и память об отце. Ведь он многое для тебя сделал, разве нет? И потом Стивен… Ведь я говорила тебе, что между нами ничего нет… Почему ты ненавидишь его?

— Это не так, — ответил Джон.

— Ненавидишь, я чувствую. Знаешь, Джон, — снова наступила пауза, и Эллери заметил в

темноте, как девушка то ли придвинула стул ближе к Джону, то ли наклонилась, — я хочу сказать тебе кое-что, о чем раньше никому не говорила…

— Не надо, Хелен, мне это неинтересно. Опять о Мегаре? Я догадываюсь…

— Не глупи, Джон. Как ты думаешь, почему Мегара целый год был в последнем плавании?

— Откуда мне знать! Наверное, нашел на Гавайях какую-нибудь смазливую девчонку в своем вкусе…

— Джон, это грубо! Стивен не такой, и ты сам это прекрасно знаешь. Потому что… Перед отплытием он сделал мне предложение. — Она замолчала и с торжеством взглянула на него.

— Да ну! Отлично! Это в стиле твоего жениха — сделать предложением покинуть невесту на целый год. Желаю счастья в семейной жизни!

— Но я же ему отказала!!

Эллери, вздохнув, повернул обратно к особняку, тем более что стало заметно прохладнее. Что касается мистера Линкольна и мисс Брэд, они молчали… И Эллери мог лишь гадать о том, что там происходило дальше.

Глава 22
Иностранная корреспонденция

— Все свидетельствует о том, — сказал Эллери профессору Ярдли в среду, два дня спустя, — что правосудие поджало хвост и побежало прятаться в кусты.

— Есть признаки?

— Настроение разочарованных полицейских. С одним из них, знаете ли, мне пришлось бок о бок прожить всю жизнь… Планы операции инспектора Вогна, должно признать, расстроены. Ему не за что конкретно зацепиться, поэтому он становится ревнителем закона, кого-то преследует, заставляет людей заниматься бесполезными опросами, игнорирует мнение коллег и тому подобное.

Профессор усмехнулся.

— На вашем месте я бы забыл про «дело Брэда» и расслабился, почитал бы «Илиаду» или что-нибудь столь же бессмертное и поэтичное. И не забывайте, что вы плывете в одной лодке с инспектором Вогном, только вы более спокойны, когда лодка тонет.

Эллери погасил сигарету. Его действительно беспокоило «дело Брэда».

«Где этот негодяй Крозак? Чего он ждет?»

Миссис Брэд вытерла слезы, уединившись в будуаре.

Джон Линкольн, несмотря на все свои угрозы бросить бизнес Брэдов, ушел в контору «Брэд и Мегара» и продолжал рассылать ковры по страдающей без них Америке. Хелен Брэд порхала тут и там, едва касаясь земли.

Эстер Линкольн после бурного объяснения с доктором Тэмплем собрала чемодан и укатила в Нью-Йорк. Доктор Тэмпль бродил по Брэдвуду с неизменной трубкой в зубах, и лицо его было мрачнее, чем обычно. На острове было тихо. Однажды на материке появился Кетчем, явно по хозяйственным делам — он закупил продукты, взял почту и поплыл на своей лодке обратно к острову.

Фокс по-прежнему копался в саду и надраивал автомобили Брэдов, Эндрю Ван обитал где-то в горах Западной Виргинии.

Стивен Мегара жил на яхте вместе с капитаном Свифтом. Экипажу «Хелен» выплатили жалованье и отпустили на берег. Личная охрана Мегары, которая околачивалась на борту «Хелен», запол-

няя время выпивкой, курением и картами, по настоянию Мегары, тоже была отпущена.

Мегара уверял, что он и сам в состоянии за себя постоять. Однако морская полиция продолжала патрулировать бухту.

Немного разнообразия в эту будничную обстановку внесла телеграмма из Скотланд-Ярда. Она гласила;

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРСИ И ЭЛИЗАБЕТ ЛИНН АНГЛИИ БЕСПОЛЕЗНО ТЧК ОБРАТИТЕСЬ ПОМОЩЬЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИЦИИ ТЧК

Инспектор Вогн засуетился, а прокурор Исхем временно отошел от дел, постоянно пребывая в своей конторе.

Эллери охлаждал свой следовательский пыл, плавая в бассейне профессора Ярдли, и наслаждался его уникальной библиотекой, возблагодарив Господа Бога за неожиданные каникулы. И тем не менее его недреманное око нет-нет да и обращалось к «восточному» особняку через дорогу.

Утром в четверг, зайдя в брэдвудский особняк, Эллери обнаружил Вогна, сидевшего на веранде и ругавшего на чем свет стоит жару, полицию,

Брэдвуд, убийство и даже собственную персону.

— Ничего нового, инспектор?

— Ни черта!

Хелен Брэд появилась на пороге, пожелала всем доброго утра, спустилась по ступенькам крыльца и пошла по садовой дорожке в сторону западной части брэдвудского поместья.

— Куин, где же этот проклятый Крозак?

— Риторический вопрос, инспектор. — Эллери закурил. — Честно говоря, я в затруднении. Может быть, он сдался полиции? Бросил все? Хотя вряд ли. Безумные маньяки не сдаются. Тогда почему он тянет время? Хочет, чтобы сдались мы, бросили дело нераскрытым?

— Пес его знает! Что же мне теперь, торчать здесь до скончания века?

Они помолчали. В парке мелькала фигура Фокса, косившего газон. Внезапно инспектор привстал, и Эллери, куривший в полудреме, открыл глаза. Косилка Фокса заглохла, а сам он стоял и, вытянув шею, напряженно смотрел куда-то на запад. Неожиданно он бросил косилку и помчался, не разбирая дороги, прямо по цветникам. Эллери и Вогн вскочили. Инспектор крикнул:

— Фокс, в чем дело?

Фокс не ответил, а лишь махнул рукой куда-то

в сторону купы деревьев. Вдруг они услышали отчаянный крик во владениях Линнов.

— Хелен Брэд! — воскликнул Вогн. — Быстрее туда!

Когда они подбежали к поляне перед домом Линнов, то увидели Фокса, опустившегося на колени и приподнявшего голову лежащего на траве человека. Хелен, бледная, как мел, стояла рядом.

— Что случилось? — спросил Вогн. — Ба! Да это же Тэмпль!

— Мне показалось, что он мертвый, — дрожащим голосом проговорила Хелен.

Доктор Тэмпль лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Загорелое лицо было пепельным. На лбу зияла глубокая рана.

— Давайте отнесем его в дом, — предложил инспектор. — А вы, Фокс, телефонируйте врачу. Мистер Куин, помогите.

Фокс вскочил и побежал к дому Линнов. Эллери и Вогн подняли неподвижного Тэмпля и понесли его вслед за Фоксом. Они вошли в мило обставленную гостиную, точнее, она прежде была премиленькой, а теперь выглядела так, словно здесь прошли завоеватели, — опрокинутые стулья, ящики комодов выдвинуты, все перевернуто вверх дном, стенные часы валялись на полу с

разбитым стеклом… Бесчувственного Тэмпля положили на кушетку. Хелен куда-то исчезла и вскоре вернулась, неся таз с водой.

Фокс судорожно набирал номер.

— Телефонирую доктору Маршу, он живет поблизости. Но там занято. Попробую…

— Постойте, — сказал Вогн. — Он, кажется, приходит в себя.

Хелен промыла рану доктора Тэмпля, смочила ему губы водой, он застонал и приоткрыл глаза, опять застонал, вздрогнул всем телом, попытался сесть и что-то сказать, но Хелен остановила его:

— Не надо разговаривать, полежите спокойно, вам надо прийти в себя.

Доктор Тэмпль вздохнул и прикрыл глаза.

— Да, хорошенькое дельце, — сказал инспектор. — А где же Линны?

— Судя по виду гостиной, — сухо заметил Эллери, — они сбежали.

Вогн обошел весь дом. Фокс же направился к входной двери и встал там. Вернувшись, Вогн подошел к телефону и набрал номер особняка Брэдов.

— Стэллинг? Инспектор Вогн. Попросите к телефону кого-нибудь из моих парней… Билл? Слушай. Линны ударились в бега. Словесный

портрет у тебя есть. Обвиняются в покушении на убийство. Действуй! Подробности сообщу позднее. — Инспектор набрал еще один номер. — Соедините меня с кабинетом господина окружного прокурора Исхема в Минеоле… Исхем? Вогн. Лед тронулся.

Линны сбежали.

Он повесил трубку и подошел к кушетке. Доктор Тэмпль открыл глаза и улыбнулся.

— Ну как вы, Тэмпль?

— Ну и удар! Повезло, что череп не раскроили.

Хелен пояснила:

— Я отправилась сюда утром навестить Линнов и нашла доктора лежащим на траве.

— Который час? — спросил доктор Тэмпль, с трудом усаживаясь.

— Половина одиннадцатого.

Доктор закатил глаза.

— Два с половиной часа без сознания! Невероятно.

Кажется, я пытался подползти к дому, но безрезультатно.

Инспектор Вогн снова направился к телефонному аппарату. Эллери спросил:

— Вы ползли? Значит, вас ударили не там, где вас обнаружили?

— Не знаю, где меня обнаружили, — проворчал Тэмпль. — И вообще, это долгая история. — Он подождал, пока Вогн повесил трубку. — По ряду причин я полагал, что Линны — не те, за кого себя выдают. Две недели назад я пробрался сюда ночью и сумел подслушать их разговор. Это лишний раз подкрепило мои подозрения. Линн той ночью, накануне моего визита, что-то захоронил…

— Захоронил?! — завопил Вогн. Брови Эллери поднялись, он взглянул на инспектора, и оба, очевидно, подумали об одном и том же. — О, Господи, Тэмпль, и вы ничего нам не сказали! Вы хоть понимаете, что они захоронили?!

— Я? — Тэмпль посмотрел на них и застонал от боли. — Разумеется. Чего же тут не понимать. А?

— Мы все понимаем… Голову мистера Брэда!

Глаза доктора Тэмпля чуть не вылезли из орбит.

— Голову? — удивленно повторил он. — Я както не подумал… Нет… Мне кажется, тут дело в другом…

— В чем же? — спросил Эллери.

— Это случилось спустя несколько лет после войны, — начал свой рассказ доктор Тэмпль. — Я был только что освобожден из австрийского лагеря для интернированных и колесил по Европе

в поисках работы. В Будапеште я познакомился с супружеской парой. Мы жили в одном отеле. Однажды постояльца этого отеля, ювелира Банделейна, нашли связанным в его апартаментах, а изделия огромной ценности, которые он вез в Берлин, исчезли. Ювелир дал показания, что подозревает эту чету, но их и след простыл. Когда я встретил Линнов в Брэдвуде, я был почти уверен, что это та самая парочка.

В ту пору они представились мне как супруги, мистер и миссис Перси Тракстон… О, Господи! Моя голова!

— Просто не верится… — пробормотала Хелен, — Они милые люди и были так внимательны ко мне в Риме!

— Если то, что говорит доктор Тэмпль, — правда, у Линнов были все основания обхаживать вас, мисс Брэд.

Для них было пустяковой забавой догадаться, что вы — дочь американского миллионера. И если они проворачивали большие дела в Европе, — То здесь они отдыхали, совмещая приятное с полезным, — закончил инспектор Вогн, — Вам лучше, Тэмпль?.. Стало быть, они закопали награбленное… Но что же все-таки случилось утром?

Доктор Тэмпль слабо улыбнулся.

— Я прогуливался, как обычно по утрам… Сегодня я, наконец, сообразил, где они могли спрятать краденое, и решил поискать. Я начал копать и не сразу заметил, что передо мной стоит человек. Вдруг весь белый свет померк, и больше я ничего не помню. Наверное, Линн, или Тракстон, или как его там, шпионил за мной, понял, что игра проиграна, стукнул меня по голове, вырыл зарытое и сбежал вместе со своей мадам.

Доктор Тэмпль заверил, что вполне может идти самостоятельно. Поддерживаемый Фоксом, он вышел из дома в сопровождении остальных. В тридцати футах от дома, в лесу, они обнаружили яму размером с квадратный фут.

— Вот почему Скотланд-Ярд не мог ничего нам сообщить, — заметил Вогн, когда они шли обратно в Брэдвуд. — Фальшивые имена. Но вы тоже хороши, Тэмпль!

Почему вы не поделились с нами этой историей?

— Потому, что я был идиотом, — признался доктор Тэмпль мрачно. — Я хотел сначала во всем разобраться сам, чтобы не обвинить людей понапрасну.

— Ну да ладно. Сегодня к вечеру они уже будут сидеть под замком.

Однако, на деле оказалось, что Вогн похвастался зря.

Настала ночь, а Линны все гуляли на свободе. Никаких следов обнаружено не было.

— Видно, изменили внешность, — предположил Вогн и послал телеграммы в полицейские управления Парижа, Берлина, Будапешта и Вены.

Прошла пятница, а новостей о сбежавшей супружеской чете не поступало. Повсюду были разосланы фотографии преступников, на всех стендах «Разыскиваются» красовались их физиономии, полиция Канады и Мексики была уведомлена, но Линны как сквозь землю провалились. Наконец в субботу поступили сразу три телеграммы. Одна из Парижа:

> СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА НАХОДИТСЯ РОЗЫСКЕ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ ВООРУЖЕННОЕ ОГРАБЛЕНИЕ 1925 ГОДУ ТЧК ИЗВЕСТНЫ КАК МИСТЕР И МИССИС ПЕРСИ СТРЭНГ ТЧК

Вторая из Будапешта:

> ПЕРСИ
> ТРАКСТОН С СУПРУГОЙ ОБЪЯВЛЕНЫ

РОЗЫСК ПОЛИЦИЕЙ БУДАПЕШТА КРАЖУ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ 1920 ГОДУ ТЧК СООТВЕТСТВУЮТ ВАШЕМУ ОПИСАНИЮ ТЧК

И третья из Вены:

ПАРА ЗПТ СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ВАШЕМУ ОПИСАНИЮ ЗПТ ИЗВЕСТНА КАК ПЕРСИ И БЭТ АННИКСТЕР ТЧК РАЗЫСКИВАЕТСЯ МОШЕННИЧЕСТВО ОБМАН ФРАНЦУЗСКОГО ТУРИСТА НА 50 ТЫСЯЧ ФРАНКОВ И КРАЖУ ЦЕННЫХ ЮВЕЛИРНЫХ
ИЗДЕЛИЙ ВЕСНОЙ ПРОШЛОГО ГОДА ТЧК ЕСЛИ ЭТА ПАРА БУДЕТ ЗАДЕРЖАНА АМЕРИКАНСКОЙ. ПОЛИЦИЕЙ ЗПТ ПРОСЬБА ВЫДАТЬ НЕМЕДЛЕННО ТЧК КРАДЕНОЕ ОБНАРУЖИТЬ НЕ УДАЛОСЬ ТЧК

Далее следовал перечень и подробное описание украденных драгоценностей.

— Похоже, состоится шумный международный процесс, если их задержат, пробормотал инспектор, сидящий с Эллери и Ярдли на веранде особняка Брэдов.

— Полагаю, созовут специальную сессию международного суда, — обронил Эллери.

Профессор поморщился.

— Опять вы не точны. Следите за своей речью! Это будет не специальная, а экстраординарная сессия.

— О, Господи! — Эллери закатил глаза.

— Итак, в Будапеште было раскрыто их первое «депо», в 1920 году, заметил Вогн.

— Я не удивлюсь, если и Скотланд-Ярд их разыскивает.

— Не думаю. Там дотошные парни. Если они получили словесный портрет и ничего не раскопали, значит, просто у них ничего и нет.

— Если они на самом деле англичане, — сказал Эллери, — то вполне возможно, что они будут держаться подальше от Англии, чтобы, как говорится, «не плевать в свой колодец». Хотя, скорее всего, Линн смахивает на уроженца Центральной Европы… Оксфордский акцент легко подделать…

— Ясное дело, — подытожил инспектор. — Они припрятали венские камушки, Я пошлю предупреждение Корпорации ювелиров, но, скорее всего, это пустой номер. Вряд ли такие искушенные люди, как Линны, обратятся к ювелирам, даже в случае крайней нужды.

— Странно, — вспомнил вдруг Эллери, — почему нет ответа от наших югославских коллег?

Причина разъяснилась в тот же день и крылась в нерасторопности югославской полиции.

Детектив принес конверт и протянул его со словами:

— Телеграмма, шеф.

— Ага, — сказал Вогн, вскрывая конверт. — Посмотрим, посмотрим. Сейчас все узнаем.

Однако в телеграмме из Белграда содержалось мало информации:

ИЗВИНИТЕ
ЗАДЕРЖКУ СООБЩЕНИЯ О БРАТЬЯХ ТВЭР И ВЕЛИИ КРОЗАКЕ ТЧК ИЗ-ЗА ЛИКВИДАЦИИ
ГОСУДАРСТВА МОНТЕНЕГРО ДОСТУП В ОСОБЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ МОНТЕНЕГРО ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ ПОЛУЧИТЬ СЛОЖНО ТЧК ДОСТОВЕРНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ КРОВНОЙ ВРАЖДЫ МЕЖДУ СЕМЬЯМИ ПОД ВОПРОСОМ ТЧК АГЕНТЫ РАБОТАЮТ НАД ВЫЯСНЕНИЕМ ТЧК РЕЗУЛЬТАТЫ СООБЩИМ ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ТЧК

Глава 23
«Военный совет»

Воскресенье, понедельник…

Как быстро летело время и как мало фактов было в их распоряжении…

Постоянно всех мучили одни и те же вопросы.

Где Крозак? Если он действительно находится поблизости от Брэдвуда или среди них, то кто он и чего ждет?

Вряд ли он отказался от мести… Чего он боится? Полиции? Поэтому не покушается на жизнь братьев Твэр?

— Защита Андреа, — обратился Эллери в понедельник вечером к профессору, — слишком плотная. Единственная причина бездействия Крозака заключается в том, что он все еще не знает, где искать Вана. Мы его обманули.

— А заодно и себя, — пошутил профессор Ярдли. — Я даже несколько встревожен, Куин. Если он на самом деле охотник за черепами, то совершенно непонятно, почему он вдруг изменил тактику? Почему затих и исчез?

— Мне иногда кажется, — заметил Эллери, —

что когда Уэллс писал своего «Человека-невидимку», то он имел в виду нашего Крозака.

В тот вечер Стивен Мегара проявил инициативу, пригласив всех в гостиную. Инспектор Вогн сел в кресло, Эллери и профессор Ярдли устроились на диване и чувствовали себя довольно неуютно под сверлящим взглядом Мегары. Хелен Брэд и Джон Линкольн расположились на софе, трогательно держась за руки. Окружной прокурор Исхем, вызванный из Минеолы, покашливал у двери. Капитан Свифт маялся, поглядывая на хозяина.

Доктор Тэмпль, которого хотя и не приглашали, но разрешили остаться, стоял у погасшего камина.

— Господа, послушайте, — заговорил Мегара решительно, — особенно вы, инспектор, и вы, мистер Исхем.

Прошло три недели со дня гибели мистера Брэда.

Я здесь уже десять дней. Скажите, что вам удалось предпринять?

Инспектор Вогн заерзал в кресле и произнес;

— Мне не нравится ваш тон, мистер Мегара. Вы сами не хуже нас знаете, что было предпринято все возможное.

— Значит, не все, инспектор. Вы установили, кто убийца. У вас есть его приметы. По-моему, теперь, при ваших возможностях, ничего не стоит отыскать подозреваемого человека.

— Вопрос времени, мистер Мегара, — спокойно сказал Исхем. — Вы же знаете, что это непросто.

Вогн заметил с сарказмом:

— Кроме того, мистер Мегара, вы не очень-то помогали следствию, а кое-кто даже пытался ввести нас в заблуждение.

— Чепуха! — рявкнул Мегара.

Вогн поднялся.

— К вам, мистер Мегара, это тоже относится.

Лицо яхтсмена оставалось бесстрастным. Капитан Свифт, стоявший позади него, утерся рукавом и сунул руку в огромный карман кителя.

— Что вы хотите этим сказать?

— Минуту, Вогн. Послушайте… — начал Исхем.

— Нечего мне слушать! Вы сами поручили мне это дело. — Инспектор подошел вплотную к Мегаре и зло заговорил; — Хотите доказательств? Сколько угодно. Нас водила за нос миссис Брэд, не без содействия дочери и мистера Линкольна. Фокс любит задавать загадки, и мы потеряли уйму времени. Доктор Тэмпль располагал важной информацией и пытался самостоятельно

обезвредить опасных преступников, в результате чего преступники благополучно скрылись, а он чуть не стал их жертвой.

— Но почему вы обвиняете меня? — спросил Мегара, глядя на инспектора в упор. — Каким образом я препятствовал следствию?

— Инспектор, вы слишком импульсивны, — вмешался Эллери.

— Я и без вас знаю, как себя вести! — рявкнул Вогн.

Он был в ярости, в глазах его сверкала злоба. — А вы, Мегара, на днях поведали нам историю…

— Ну и что? — заносчиво перебил его Мегара.

— Сами подумайте, что… — Вогн ядовито усмехнулся.

— Я не понимаю, о чем вы? Нельзя ли поконкретнее?

— Вогн, прошу вас! — умоляюще воскликнул Исхем.

— Поконкретнее, так поконкретнее, хотя вы и так знаете, о чем я. Три человека покинули определенное место при определенных обстоятельствах. При каких?

— Я дал необходимые объяснения.

— Да, дали, но не все. Я не спрашиваю о том, что вы уже сказали. Я спрашиваю; чего вы еще

не рассказали?

Мегара пожал плечами и улыбнулся.

— Я начинаю думать, инспектор, что расследование привело в расстройство ваши умственные способности.

Я сказал правду. Естественно, я мог упустить некоторые мелкие подробности.

— Поскольку считали их несущественными? — Вогн рассмеялся, — Я это уже слышал. Но запомните: вам нужны только результаты, а наша задача заключается не только в поимке преступника. Нам необходимо накопить факты, выявить мотивы, обнаружить лжесвидетельства.

Прошу вас не забывать об этом. — Вогн плюхнулся в кресло, вытирая вспотевший лоб платком.

Мегара пожал плечами.

— Боюсь, мы вернулись к исходной точке зрения.

Я собрал, так сказать, «военный совет» не для того, чтобы кого-то обвинить или с кем-то спорить. Если меня не правильно поняли, по моей вине, приношу извинения, инспектор, Я преследую иную цель.

— Славненько, — сказал Исхем. — Надеюсь,

теперь мы придем к единодушию.

— Не знаю, как насчет единодушия, но всех, насколько я понимаю, волнует новое появление Крозака, а он все не появляется. Но поверьте мне на слово, он объявится со дня на день, — Уж не собираетесь ли вы его пригласить? съехидничал Вогн.

— Именно. — Мегара взглянул на Вогна. — Почему бы и не расставить ему ловушки?

— Ловушки, говорите? Какие ловушки?

Яхтсмен сверкнул белозубой улыбкой.

— Пока не знаю, инспектор. Это скорее по вашей части, чем по моей. Если Крозак действительно появится, мы ничего не теряем. Ему нужен я? Пусть он меня и получит. Присутствие вас и ваших людей отпугивает его, но стоит вам удалиться, сделать вид, что вы покончили с расследованием, как…

— Отличная идея! — воскликнул Исхем. — Вы просто молодчина, мистер Мегара! Как же мы сами не додумались? Конечно, Крозак не даст о себе знать, пока в Брэдвуде есть хоть один полицейский.

— И уж тем более не даст о себе знать, если все мы ни с того ни с сего покинем поместье, — усмехнулся Вогн. — Он далеко не идиот, ваш Крозак, и

сразу почувствует неладное… Но что-то в вашей идее есть. Надо обмозговать…

Эллери подал голос:

— Смелое предложение, мистер Мегара. Своего рода ловля Крозака на живца. Вы представляете себе, какие могут быть последствия в случае неудачи?

Мегара был мрачен.

— Я все обдумал, прежде чем пригласить вас. Я прекрасно понимаю, что хитрости и коварству Крозака нет предела, но нужно попытаться. Мы готовы встретить его, верно, капитан?

Старый морской волк отчеканил:

— Не помню случая, сэр, чтобы вы попали впросак в каком-нибудь деле в старые добрые времена. А сейчас и подавно — у меня новый пистолет, да и у вас тоже имеется, так что мы не упустим хитрую акулу.

— Стивен, — сказала Хелен, выпустив руку Джона Линкольна из своей, как же ты можешь остаться без охраны, один на один, с жутким маньяком? Не надо бы…

— Я сам позабочусь о себе, Хелен. А вы как считаете, инспектор?

Вогн встал.

— Я не уверен. Слишком большой риск и слиш-

ком большая ответственность для меня. Я могу убрать своих людей из поместья, с пристани, но на яхте я бы их оставил…

Мегара усмехнулся.

— Глупо, инспектор, Крозак сразу заподозрит ловушку.

— Ну хорошо, — сказал инспектор. — Я подумаю и утром дам окончательный ответ, — Отлично! — Мегара похлопал по карману своей морской куртки. — Я готов к встрече хоть с самим дьяволом моря! Я не собираюсь проводить остаток своих дней на яхте в обществе одних охранников. Чем скорее Крозак появится, тем лучше.

Некоторое время спустя профессор Ярдли и Эллери стояли у восточного крыла особняка Брэдов и наблюдали, как Мегара и капитан Свифт торопливо шли по направлению к бухте.

— Что вы на это скажете? — спросил профессор.

— Я скажу, — ответил Эллери, вздохнув, — что мистер Мегара либо ищет смерти, либо он непроходимый дурак.

И Стивен Мегара не замедлил подтвердить свою смелость или глупость. На следующее утро, во вторник, когда Эллери и профессор Ярдли сидели за завтраком, в столовую, невзирая на

протесты старой Нэнни, вбежал человек и передал записку от Вогна.

Капитан Свифт был только что найден в каюте, где он лежал связанный веревками, без сознания. Ему, видимо, нанесли сильный удар по голове.

Обезглавленное тело Стивена Мегары обнаружили привязанным к антенной мачте его яхты «Хелен».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
РАСПЯТЫЙ МЕРТВЕЦ

Многие расследования удаются благодаря тому, что сыщик замечает какую-нибудь незначительную деталь. Одно из самых безнадежных дел в анналах пражской полиции было раскрыто через шесть недель, так сказать, полного затмения после того, как молодой сержант вспомнил, что в кармане брюк убитого было найдено четыре рисовых зернышка.

Витторио Маленги

Глава 24
Снова Т

В то утро на «Хелен» с материка отбыла печальная процессия. Эллери, бледный, как полотно, замер на палубе полицейского катера и смотрел на яхту. Профессор, стоявший рядом с ним, бормотал:

— Невероятно, жестоко, зверски жестоко!

Даже сопровождавшие их детективы были в растерянности. Они изумленно разглядывали «Хелен», будто видели ее впервые.

На палубе яхты суетились люди. Они скопились вокруг антенной мачты. Казалось, там была целая толпа, которая разрасталась с прибытием новых полицейских катеров.

На фоне ясного голубого неба отчетливо выделялось тело человека, еще двенадцать часов назад живого, разговаривавшего с ними, а теперь мертвого, в пропитанной кровью пижаме, висевшего на мачте с распростертыми руками.

— Словно Христос на Голгофе, — пробормотал профессор Ярдли. — Трудно в это поверить, просто чертовщина какая-то. — Губы его задрожали.

— Я человек не религиозный, но, ради Бога, господин профессор, не богохульствуйте. Не так уж и трудно поверить, вы ведь читали нам курс древней истории… Калигула, Молох ведьм, инквизиция, расчленение трупов, содранная с живых людей кожа и прочие зверства…

Кровь… Страницы истории пропитаны кровью… Но чтение не дает жуткого представления об этом кошмаре…

Многие из нас не могут понять чувств безумца, расчленяющего человеческое тело… И ныне, в XX веке, мы, несмотря на мировые и локальные войны, все еще не осознаем истинного смысла жестокости человеческого вандализма.

— Слова, слова, — апатично возразил профессор Ярдли. — Вы не видели войн, я не видел, но я слышал рассказы солдат, вернувшихся оттуда…

— Это не личное, господин профессор, — не согласился Эллери. — Это массовое помрачение умов несравнимо с индивидуальным безумием… Но прекратим спор.

Мне дурно…

Оба молчали, пока катер не подошел к яхте. Из толпившихся там людей самым спокойным был, пожалуй, инспектор Вогн, для которого убийство, пусть мерзкое и кровавое, было рутинным делом.

Он был зол, отдавал резкие отрывистые команды и, похоже, был обескуражен таким поворотом событий и нерасторопностью подчиненных. Вогн сердито кричал на лейтенанта морской полиции:

— Говорите, никто не проходил мимо вас прошлой ночью?

— Нет, инспектор, клянусь!

— Бросьте оправдываться, вы его прозевали!

— Я всю ночь стоял на страже, инспектор. Но у нас всего четыре лодки и физически невозможно…

— Физически невозможно?! — рассвирепел инспектор. — Произошло убийство! У-бий-ство, понимаете?!

Молодой лейтенант попытался возразить;

— Право же, инспектор, он мог появиться с материка. Мы следили за северной стороной, за бухтой, а он мог пробраться из Брэдвуда…

— Если мне понадобится узнать ваше мнение, лейтенант, я сам вас спрошу. — Голос инспектора загремел. — Билл!

Человек в штатском отделился от группы притихших детективов.

— Что скажете в свое оправдание?

Билл поскреб небритый подбородок.

— Нам пришлось наблюдать за большой территорией. Я не утверждаю, что он прибыл с суши. Но вы не должны обвинять нас, сами понимаете, как легко проскользнуть под прикрытием деревьев.

— Заткнитесь! — Инспектор сжал кулаки. — Мне не нужно ваше умничанье, мне нужны факты. Как убийца Т проник на яхту? Если он приплыл в бухту со стороны Нью-Йорка, то это одно дело. А если прибыл из Лонг-Айленда по суше совсем другое. Но вряд ли он пробрался из Брэдвуда, он знал, что там охрана. Билл, мне нужно, чтобы вы…

В этот момент к яхте подплыл очередной полицейский катер, буксировавший знакомую Эллери лодку. Детектив с катера прокричал:

— Смотрите, что мы нашли, шеф!

— Что это? — крикнул Вогн.

— Лодка, которую мы подобрали в бухте! — закричал детектив. — Нашли по опознавательным знакам! Лодка из Брэдвуда!

Вогн засиял.

— Лодка Линнов! Вот вам и ответ. В лодке обнаружено что-нибудь?

— Ничего! Одни весла!

Инспектор снова обратился к Биллу:

— Возьмите с собой двух парней и отправ-

ляйтесь во владения Линнов! Ищите следы на дорожках. Попытайтесь выяснить, как ушел убийца и как он проник на яхту.

Эллери вздохнул и осмотрелся вокруг.

Отдавались команды, детективы шныряли по палубе.

Вогн мелькал тут и там. Профессор Ярдли стоял, опершись о дверь радиорубки, над которой висело распятое тело. Прокурор Исхем с печальным видом стоял у поручней. К яхте пробиралась моторная лодка доктора Тэмпля. Лицо его было перекошено от испуга. На причале Брэдвуда виднелись едва различимые фигуры. По светлым юбкам можно было догадаться, что это женщины.

На палубе «Хелен» было тихо.

Инспектор подошел к Эллери, привалился к двери радиорубки рядом с профессором, сунул в рот сигару, взглянул на распятое тело и спросил:

— Ну что, джентльмены, как вам это нравится?

— Жуть! — поежился профессор. — Прямо какой-то ночной кошмар! И опять это проклятое Т!

Эллери спохватился — из-за своих переживаний он не обратил внимания на форму антенной мачты. Вертикальная часть мачты с горизонтальной перекладиной наверху и проводами,

идущими к стояку на крыше радиорубки, напоминала не что иное, как все ту же заглавную букву Т... И только тогда он заметил на крыше радиорубки двух человек, хлопотавших возле распятого тела. В одном из них Эллери узнал медицинского эксперта Рамсена. Другой — темноволосый худой пожилой человек — был ему не знаком.

— Сейчас они снимут тело, — сказал инспектор. — Тот, второй, рядом с доктором, старый моряк, знаток морских узлов. Я жду его экспертизы прежде, чем снимут тело. Ну что там, Роллинз? — закричал он, обращаясь к худому моряку.

Знаток узлов покачал головой.

— Ничего особенного, сэр. Узлы не морские... Обыкновенные, как и те, что вы показывали мне три недели назад.

— Ладно. Снимайте его, док, — велел инспектор и обернулся к Эллери. Он опять использовал бельевую веревку. Не пожелал тратить время на поиски линя на яхте. Похоже, не моряк... Те же узлы, что и при убийстве Брэда. Те же узлы и тот же преступник.

— Полагаю, вы правы, — согласился Эллери. — А в чем, собственно, дело? Насколько я понял,

капитана Свифта оглушили?

— Да. Бедняга все еще лежит без сознания. Может быть, он нам что-нибудь расскажет, когда придет в себя.

Перебирайтесь к нам, мистер Тэмпль, — пригласил Вогн, обращаясь к доктору, застывшему в нерешительности а своей лодке.

И доктор Тэмпль взобрался на палубу яхты.

— Вы нам нужны, — добавил Вогн и указал Тэмплта на трап, ведущий по стене радиорубки на крышу. Тэмпль вскарабкался по трапу наверх, поздоровался с доктором Рамсеном, представился, и все трое — два врача и старый моряк взялись за неприятную процедуру снятия мертвого тела.

— Дело было так… — начал объяснять Вогн. — Распятое тело увидел там, где оно сейчас, один из моих людей с брэдвудской пристани сегодня утром. Мы примчались сюда и обнаружили капитана Свифта, связанного, в его каюте. Он лежал без сознания, с большой раной на затылке. Ему оказали первую помощь и оставили в каюте… Доктор Тэмпль, — крикнул он, — как освободитесь, загляните к капитану Свифту! — Тэмпль кивнул, а Вогн продолжал; — Доктор Рамсен осмотрел капитана, как только прибыл на яхту. Насколько я понимаю, история проста. На

«Хелен» ночью никого не было, кроме Мегары и Свифта. Крозак каким-то образом пробрался в имение Линнов, взял лодку, привязанную к причалу, и поплыл к «Хелен». Яхта была плохо освещена, и под покровом ночной тьмы он влез на палубу, проник в каюту капитана, стукнул его по голове, потом прокрался в каюту Мегары и прикончил его.

В каюте царил такой же разгром, как и в беседке с убитым Брэдом.

— А как насчет кровавого Т? — спросил Ярдли.

— Как обычно, она начертана на двери каюты. Черт побери! — выругался Вогн, — Как подумаю, прямо жуть берет! Я повидал немало убийств, но таких хладнокровных и продуманных не помню. Зайдите в каюту, сами поглядите. О Господи, лучше не ходите! Там, как в лавке мясника с черного хода. Видно, он отсекал голову прямо на полу, кровищи столько, что хватило бы всю яхту перекрасить в красный цвет. — Инспектор помолчал и задумчиво добавил:

— Нелегкая была работенка — вытащить мертвого Мегару из каюты, поднять на крышу радиорубки и привязать к мачте, хотя, наверное, не сложнее, чем распять Брэда на тотемном столбе. Похоже, этот Крозак — просто силач…

— Мне кажется, — заговорил профессор Ярдли, — что убийца не мог не испачкаться в крови жертвы, инспектор. Может быть, надо искать человека в окровавленной одежде?

— Нет, — опередил Эллери Вогна. — Это убийство, как и предыдущие, было тщательно подготовлено. Крозак знал, что идет на кровавое дело, и наверняка в каждом случае брал с собой запасную одежду для замены…

Поэтому ваши предположения, профессор, неверны. Полагаю, инспектор, следует искать человека со свертком или небольшим чемоданчиком, потому что вряд ли он надевает чистую одежду поверх окровавленной.

— Надо же! Я и не подумал, — сказал Вогн. — Хорошая мысль! Но нужно проверить обе версии. — И он перегнулся через поручень яхты и отдал команду механику на полицейском катере. Тот немедленно завел мотор, и катер отплыл.

А тем временем тело жертвы сняли, и медэксперт Рамсен приступил к осмотру. Доктор Тэмпль освободился и, перекинувшись парой фраз с Исхемом, присоединился к Вогну, Эллери и Ярдли. Все направились к каюте капитана Свифта.

Капитан Свифт лежал на диванчике, глаза его были закрыты, волосы на голове слиплись от

запекшейся крови.

Доктор Тэмпль склонился над раненым.

— Он приходит в себя, — сказал Тэмпль. — Рана опасная, в отличие от моей. Хорошо еще, что он крепкий старик, потому что от такого удара могло бы произойти кровоизлияние в мозг.

В каюте капитана Свифта царил порядок, видимо, убийце не оказали сопротивления. На столе, на расстоянии вытянутой руки от диванчика, лежал пистолет.

— Из него не стреляли, — заключил Вогн, заметив взгляд Эллери. — Свифт, наверно, не дотянулся.

Капитан застонал и приоткрыл глаза. Он уставился на доктора Тэмпля, а потом посмотрел на остальных. Попытавшись повернуть голову, Свифт вдруг конвульсивно вздрогнул и закрыл глаза.

— Спокойно, капитан, — подбодрил его Тэмпль. — Не надо поворачивать голову. Сейчас мы вас перевяжем. — Тэмпль подошел к аптечке, взял бинт и, ни слова не говоря, забинтовал голову пострадавшего, отчего старый морской волк стал похож на раненого, принесенного с поля боя. Капитан вновь открыл глаза.

— Вам лучше, капитан? — спросил Исхем. Ему

не терпелось побеседовать с очевидцем преступления.

Капитан Свифт прохрипел;

— Да, вроде получше. А что, черт побери, стряслось?

Вогн сказал:

— Убили Мегару.

Старик заморгал и судорожно сглотнул.

— Достали-таки и его?

— Да. Расскажите нам, что произошло.

— А что, уже пошел другой день? — Никто не рассмеялся. Всем был понятен его вопрос.

— Да, капитан, другой.

— Стало быть, вчера вечером мы с мистером Мегарой вышли от Брэдов, пошли на пристань и приплыли сюда. Все было, как обычно. Мы немного поговорили, мистер Мегара сказал, что когда тут все закончится, отправимся в Африку. Я, как всегда, обошел яхту, проверил, нет ли кого незваного. Мы любим покой…

— Вам не показалось, что на яхте кто-то прятался? — спросил Эллери.

— Нет, — ответил капитан, — хотя точно не скажу. Может, кто и прятался в каюте или в трюме…

— А потом вы ушли к себе в каюту, — сказал Вогн. — Во сколько это было?

— Семь склянок.

— Одиннадцать тридцать, — уточнил Эллери.

— Точно. Сплю я чутко. Не знаю, сколько прошло времени, но я вдруг проснулся и сел. Чувствую, что-то не так, будто кто-то дышит у меня за спиной. Тянусь к пистолету, но тут все куда-то провалилось… Больше ничего не помню…

— Маловато, — заметил Исхем. — Вы не успели разглядеть того, кто вас ударил?

— Сожалею, нет. В каюте было темно, а когда он меня ударил, показалось, что я и вовсе ослеп.

Оставив капитана Свифта на попечение доктора Тэмпля, они вернулись на палубу. Эллери упорно размышлял.

Более того, он был обеспокоен. В голове вертелась какая-то мысль, но тут же ускользала от него. В конце концов он потряс головой и бросил это бесполезное занятие.

Доктора Рамсена они обнаружили на палубе яхты, а знаток морских узлов куда-то исчез.

— Ну что, док? — спросил Вогн.

Медэксперт пожал плечами.

— Все то же. Если вы помните, что я говорил вам после осмотра трупа Брэда три недели назад, то я могу не повторяться.

— Никаких следов насилия?

— Ниже шеи — нет. И выше шеи, — он снова пожал плечами, — вероятно, тоже нет. Ваш доктор Тэмпль, который здесь был, сказал мне, что Мегара страдал паховой грыжей. Это верно?

— Мегара жаловался на боли в нижней части живота, и доктор Тэмпль поставил именно этот диагноз; паховая грыжа.

— Тогда можно обойтись без аутопсии. Ясно, что это тело Мегары. К тому же доктор Тэмпль, который осмотрел тело сразу как только его сняли, подтвердил, что это мистер Мегара, поскольку обнаружил паховую грыжу.

— Ол'райт. Во сколько был убит Мегара?

Доктор Рамсен задумался.

— Полагаю, между часом и часом тридцатью ночи.

— Спасибо, док. Мы позаботимся о теле.

— Не за что. — Доктор Рамсен перебрался на полицейский катер, и тот немедленно поплыл на материк.

— На яхте что-нибудь украли, инспектор? — спросил Эллери.

— Нет, исчез только бумажник, который был у Мегары при себе, а сейф в панели не тронут.

— Вот еще что… — начал Эллери. Но тут к яхте подошел очередной катер, и на палубу «Хелен»

высыпало несколько человек.

— Ну что там? — спросил Вогн. — Есть следы?

— Нет, инспектор, — ответил шеф группы полицейских. — Мы прочесали парк на милю вокруг.

— Видимо, утопил в заливе, — пробормотал Вогн.

— О чем вы? — спросил Эллери.

— О голове Мегары. Опять одно и то же. Наверное, голов мы никогда не найдем. Нырять что ли?

— На вашем месте я бы нырял, — обронил Эллери.

— Может, вы и правы…

— Неужели это так важно? — спросил профессор Ярдли.

Эллери пожал плечами.

— Кто знает, что важно, а что и нет. Господин профессор, у меня в голове все время вертится какая-то мысль, но я не могу на ней сосредоточиться… Что-то я должен сделать… Я… Я чувствую… — Он достал сигарету и закурил. — Среди членов клуба детективов я — самый жалкий представитель этой профессии…

— Вам виднее… — сухо заметил профессор Ярдли.

Глава 25
Хромой человек

На борт яхты поднялся детектив и подал почтовый конверт.

— Что это? — спросил инспектор Вогн.

— Телеграмма. Только что получена.

— Телеграмма? — повторил Эллери. — Вероятно, из Белграда, инспектор?

Вогн вскрыл конверт.

— Да… — Прочитав телеграмму, он мрачно усмехнулся. — Опоздала.

— Теперь все уже бесполезно, — сказал Исхем. — Что там?

Инспектор Вогн передал телеграмму Исхему, и тот прочитал вслух:

> АГЕНТАМИ ОБНАРУЖЕНЫ СТАРЫЕ ДОКУМЕНТЫ КРОВНОЙ ВРАЖДЕ ТВЭРОВ — КРОЗАКОВ ТЧК СТЕФАН ЗПТ АНДРЕА И ТОМИСЛАВ ТВЭРЫ ЗАМАНИЛИ ЛОВУШКУ И УБИЛИ ОТЦА И ДВУХ БРАТЬЕВ ВЕЛИИ КРОЗАКА ТЧК ПОХИТИЛИ ИЗ ДОМА КРОЗАКОВ БОЛЬШУЮ СУММУ ДЕНЕГ И СКРЫЛИСЬ ИЗ МОНТЕНЕГРО ТЧК ВДОВА

СТАРШЕГО КРОЗАКА ПОЗДНО ЗАЯВИЛА ПОЛИЦИЮ ЗПТ ЧТО НЕ ПОЗВОЛИЛО АРЕСТОВАТЬ ТВЭРОВ ТЧК НИКАКИХ СЛЕДОВ ТВЭРОВ ЗПТ ВДОВЫ КРОЗАКА И ЕЕ СЫНА ВЕЛИИ НЕ ОБНАРУЖЕНО ТЧК ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ВЫШЛЕМ ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ КРОВНОЙ ВРАЖДЕ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ ТВЭРОВ — КРОЗАКОВ ТЧК

Телеграмма была подписана начальником управления полиции города Белграда, Югославия.

— Да, — заключил профессор Ярдли. — Вы были правы, Куин. Твэры обыкновенные воры.

— Именно, — вздохнул Эллери. — Это свидетельствует о том, что у Велии Крозака были достаточные основания убивать братьев Твэр. Его семья вырезана, деньги похищены. Но это мало объясняет ход событий. Что касается рассказа Мегары о слежке за юным Крозаком, возможно, это правда. Однако вряд ли они нанимали платных сыщиков и посылали их в Монтенегро. Скорее, подкупали кого-то из местных и по почте, когда переехали сюда, получали сообщения, Бедный мститель! Мне его жаль…

— Вы забыли, что он зверски убивает людей, господин профессор! — резко сказал Вогн. — Конечно, причины у него веские, У всякого убийства есть причины. Но нельзя же прощать преступников только за то, что они убивали, имея веские причины. Итак, что еще?

В этот момент на борт «Хелен» поднялся детектив и вручил Вогну пачку официальных бумаг и телеграмм.

— Сержант просил вам передать, инспектор. Рапорты о вчерашней ночи.

— Так… — Вогн быстро просмотрел их и сказал:

— По поводу Линнов.

— Что-нибудь новенькое? — спросил Исхем.

— Нет, ничего. Кто-то видел кого-то, похожего на них. — Он сунул рапорты в карман. — Думаю, они в Нью-Йорке. Не будут они колесить по всей стране, да и за пределы Америки вряд ли выбрались… Ага! Билл, кажется, что-то обнаружил.

— Точно, шеф! — крикнул детектив, перебравшийся на палубу из лодки. Там нашли, там!

— Где? Что?

— Поначалу мы обыскали лодку. Она с той самой пристани. Веревка обрезана острым ножом.

— Понял. Что дальше? Нашли что-нибудь у

причала?

— Еще как нашли! Следы!

Все подались вперед при ответе Билла.

— Там земля мягкая, и мы обнаружили пять отпечатков ног: три от левой ноги и два от правой, того же размера. Мужчина явно хромал.

— Хромал? — переспросил профессор Ярдли. — А как вы это установили?

Билл странно посмотрел на ученого.

— Вот-те на! Впервые такое слышу! Вы что, не читаете детективных романов? След от правой ноги глубже, чем от левой. Правый каблук повернут внутрь. Он хромает на левую ногу, след левого каблука еле виден.

— Славная работенка, Билл, — похвалил его Вогн и, повернувшись к мачте, где было распято тело, произнес:

— Мистер Мегара, если мы встретимся в иной жизни, всегда следуйте моим советам! Вам не нужна была защита? А..? Что еще, Билл?

— Больше ничего. Дорога от главного шоссе между домом Линнов и брэдвудским поместьем покрыта гравием, поэтому других следов нет. Тем не менее парни трудятся над поисками пути отступления хромого.

И парни трудились не напрасно. Новая депу-

тация прибыла на яхту. На борт «Хелен» был доставлен, в сопровождении детективов, человек средних лет, смертельно перепуганный, трясущийся от страха.

— Кого это вы подобрали? — закричал Вогн.

— Хорошие новости, шеф! — ответил один из детективов. — У него есть информация, Человек выступил вперед, виновато улыбнувшись, снял шляпу и отвесил низкий поклон, подметая шляпой палубу, словно находился в присутствии особы королевской крови. Его с интересом разглядывали — человек был довольно бедно одет, но во рту сверкнула золотая коронка.

— Кто это, Пикард? — спросил инспектор Вогн.

— Рассказывайте, мистер Дарлинг. Этот господин — наш главный шеф.

Мистер Дарлинг с уважением взглянул на Вогна.

— Рад с вами познакомиться, капитан. Правда, многого не сообщу. Я Элиас Дарлинг из Хантингтона.

У меня табачная лавка на Мейн-стрит. Прошлой ночью я ее уже закрывал, вдруг вижу, кто-то там на улице…

Подле моей лавки стоял «бьюик». Я запомнил машину и тех двоих, которые ее оставили, —

невысокий тип и с ним девушка. Так вот, я закрыл лавку, гляжу, к машине подошел какой-то длинный и заглянул внутрь — переднее стекло было спущено, те двое машину не заперли. Длинный открыл дверцу этой машины, завел мотор и укатил.

— Ну и что? — фыркнул Вогн. — Может, это папаша того коротышки, или сват, или брат. Мало ли их на свете? А, может, из налоговой инспекции? Или за прокат машины те двое, может, не уплатили…

Мистер Элиас Дарлинг растерялся.

— Помилуй Бог! Я про это и не подумал! Выходит, я на человека напраслину возвел. Видите ли, капитан…

— Инспектор! — рявкнул Вогн.

— Видите ли, инспектор, мне все это сразу не понравилось. Я хотел сказать нашему шерифу. Но потом решил, что не мое это дело. Я заметил, что человек хромал на левую ногу…

— Что?! — заорал Вогн. — Погодите! Хромал? Как он выглядел? Опишите, пожалуйста, подробнее…

Все жадно ловили каждое слово мистера Дарлинга, чувствуя, что близится поворотный момент следствия.

Наконец-то они услышат, как выглядел человек по имени Крозак.

Детектив с досадой покачал головой.

Эллери понял, что описание Дарлинга будет ничуть не лучше описания гаражмена Крокера из Вейртона.

— Я сказал детективам, — продолжал объяснять хантингтонский лавочник, что я не видел его лица, Я запомнил, что он высокий, широкоплечий, в руках у него был чемоданчик, знаете, такой дешевенький, моя жена их называет холостяцкими, Исхем и Вогн переглянулись, а Ярдли покачал головой.

— Хорошо, мистер Дарлинг, — обратился к нему Вогн. — Спасибо за информацию. Отправьте мистера Дарлинга домой на полицейской машине, Пикард.

Лавочник был препровожден обратно на катер, и катер отбыл на материк.

— Как насчет краденого автомобиля, Пикард? — спросил Исхем.

— Вряд ли это многое нам даст, — ответил детектив. — Парочка заявила в полицию о пропаже автомобиля в два часа утра. Где их черти носили, не знаю, «Бьюик-седан», как показал Дарлинг. Коротышка, видать, был занят милашкой и забыл

вынуть ключ зажигания из замка.

— Вы разослали приметы автомобиля? — спросил Вогн.

— Да, шеф. Номера и все прочее.

— Толку мало, — проворчал Исхем, — Ясно одно — Крозаку вчера ночью был нужен автомобиль, чтобы удрать. В поезд было рискованно садиться в два-три часа ночи, когда его могли, наверняка, запомнить.

— Иными словами, — подытожил Эллери, — вы считаете, что Крозак похитил автомобиль, всю ночь ехал на нем, а потом где-нибудь бросил?

— Не такой он идиот, чтобы ехать на нем и дальше.

Ясное дело, бросил. А что вас смущает, мистер Куин?

— Ничего, инспектор. Я во всем с вами согласен.

Они замолчали, прислушиваясь к тому, что происходило наверху. С крыши радиорубки спускали тело Стивена Мегары. В нескольких шагах от радиорубки они увидели капитана Свифта в старой ветровке, из-под которой выглядывала пижама, и доктора Тэмпля с потухшей трубкой в зубах.

Эллери, Вогн, Исхем и профессор Ярдли пе-

ребрались на полицейский катер, и, когда он отплыл, «Хелен» осталась спокойно покачиваться на волнах Кетчемской бухты. Тело убитого переносили на второй катер.

На берегу маячила фигура Джона Линкольна, ожидавшего их. Женщины, видимо, удалились.

— Что вы думаете об этом, мистер Куин? — спросил Исхем после долгого молчания.

Эллери взглянул на далекий силуэт яхты и задумчиво ответил:

— Полагаю, мы так же далеки от разгадки убийств, как и три недели назад. Что до меня, то я расписываюсь в своем полном бессилии. Убийца Велия Крозак?

Убийцей может быть кто угодно. Вопрос в том, кто же он на самом деле? Убийца оставил, я бы сказал, фальшивые улики… — Эллери внезапно умолк, лицо его омрачилось.

— Что такое? — забеспокоился профессор Ярдли.

Эллери сжал кулаки.

— Снова промелькнула та мысль и… Черт побери, я снова упустил ее!

Глава 26
Эллери размышляет вслух

Они стремительно шли по Брэдвуду. Джон Линкольн молчал, словно не в силах был говорить. Смерть Мегары гораздо больше потрясла обитателей брэдвудского особняка, чем смерть Томаса Брэда. Белый как мел, обхватив голову руками, Фокс сидел на ступенях веранды, где Хелен, полулежа в плетеном кресле, пристально смотрела на небо, покрытое предгрозовыми облаками.

Надвигалась буря. Миссис Брэд, уединившись в будуаре, плакала, а Стэллинг уговаривал ее пригласить доктора Тэмпля. Когда Эллери и Ярдли проходили мимо особняка, они вдруг услышали доносившиеся откуда-то из дальней комнаты приглушенные рыдания миссис Бакстер.

Линкольн свернул к особняку. Исхем и Вогн отстали где-то на полпути, занятые своими делами.

Лицо старой Нэнни, открывшей им дверь, было испуганным.

— Плохо начался день, мистер Ярдли, — пробубнила она.

Профессор не ответил и сразу направился в библиотеку. Эллери шел следом за ним.

— Право же, что вас беспокоит? — спросил профессор, когда они расположились в креслах и закурили. — Ваша мысль, которую не удалось поймать?

— Ее словно и не было, — пояснил Эллери, выдохнув сигаретный дым. Знаете ли, господин профессор, у меня какое-то странное чувство, будто что-то происходит в подсознании, но что именно, я никак не могу уловить.

Если бы поймать эту ускользающую мысль… Она очень важна, я это чувствую…

— Это вообще человеческий недостаток, — сказал профессор. — Я и сам заметил, что попытка сосредоточиться на исчезающей мысли почти всегда обречена на неудачу. Выход один — забыть мелькнувшую мысль и говорить о другом. Право же, странно, сколь плодотворен сей метод, при котором как бы из ничего неожиданно вырисовывается полная и ясная картина…

Эллери прислушался. Началась гроза. Удары грома гулко отдавались в стенах Замка Иф.

— Пятнадцать минут назад, — продолжал профессор, — вы говорили, что так же далеки от разгадки преступления, как и три недели назад.

Допустим. Итак, вас постигла неудача. Однако вы делаете ряд весьма неординарных умозаключений, на которые Вогн, Исхем и я оказались не способны. Почему бы не вернуться к вашим выводам теперь и не попытаться еще раз выразить их членораздельно? Одно дело — в одиночку ломать голову над чем-нибудь и совсем другое — мыслить вслух в дружеской беседе. В частности, вы упоминали шашки, Кабинет-библиотека Брэда, игральный столик с шашками, расстановка фигур все имело для вас какой-то таинственный смысл, скрытый от всех нас. Поразмышляйте вслух.

Под его глубокий и приятный голос Эллери расслабился и успокоился.

— Неплохо придумано, господин профессор. — Он принял более удобную позу и прикрыл глаза. — Давайте начнем вот с чего. Какую версию мы пытались выработать в связи с показаниями дворецкого Стэллинга и шашечным столиком?

— Множество версий, не подтвержденных фактами, — уточнил профессор, выпуская колечко дыма. — Когда Стэллинг в последний раз видел мистера Брэда, тот играл в шашки сам с собой. В этом не было ничего необычного — он часто так делал. После ухода Стэллинга, пока мистер Брэд продолжал играть, делая ходы за себя и за

воображаемого партнера, Крозак проник в его кабинет, убил мистера Брэда и так далее. В руке убитого Брэда осталась зажатой шашка красного цвета, которую мы позднее обнаружили у тотемного столба.

Эллери потер подбородок.

— Вы сказали: «Проник в его кабинет»? Что вы имели в виду?

Ярдли улыбнулся.

— Я поясню. Вы не забыли про множество версий, не подтвержденных фактами? Одна из них: Крозак или некто, неизвестное лицо, находился весьма близко от нас, как вы сами изволили заметить. Его визита вечером ожидал мистер Брэд, и понятно, что Крозак беспрепятственно вошел в его особняк. Мистер Брэд, безусловно, не предполагал, что некто, кого он считал другом или хотя бы знакомым, на самом деле оказался коварным кровным врагом.

— Не обязательно! — возразил Эллери. — Он мог и предполагать.

— Согласен. Возможен и другой вариант. Мистер Брэд в тот вечер ждал двух посетителей. Одного — Друга, ради которого выпроводил из Брэдвуда всех домашних. И второго — Крозака, врага, В этом случае посетитель-друг, независимо

от того, пришел ли он до или после Крозака, то есть, когда мистер Брэд был уже мертв или был еще жив, естественно, будет молчать о визите, чтобы не попасть в число подозреваемых.

— И что же? — Эллери снял очки.

— Только не говорите мне, что у вас не было аналогичной мысли.

— Действительно, не было, поскольку это неверная мысль.

— Зато теперь она у вас есть. Не будете же вы мне доказывать, что был только один посетитель?

Эллери улыбнулся.

— Это элементарно, господин профессор. Моя точка зрения основана на следующем: расположение шашек на доске и психология игроков. Вы умеете играть в шашки?

— В общем, да, но я очень давно не играл.

— Итак, рассуждаем. Когда Стэллинг вошел в библиотеку-кабинет, он увидел, что мистер Брэд играет сам с собой в шашки. Он заметил всего два хода. Здесь-то и вкралась ошибка. Все решили, что раз мистер Брэд начал играть один, то и дальше играл один. Пока его не убили. Расстановка фигур говорит о другом. Важно не только положение шашечных фигур на доске, но и количество

выигранных и проигранных шашек. Помните, черные «съели» девять красных фигур, а красные — только три черные? Значит, черные выигрывали. На доске у черных было три «короля» плюс три черные шашки, а у красных — всего две шашки.

— Ну и что из этого следует? — спросил профессор. — По-моему, только то, что мистер Брэд играл сам с собой и выигрывал у самого себя.

— Нелогичный ход, — возразил Эллери, — Если бы он играл сам с собой, а он, как известно, был отличный игрок, на доске не было бы явного преимущества у одной из сторон. Мистер Брэд никогда бы не позволил себе такой слабой игры. Следовательно, он играл сам с собой только в присутствии Стэллинга, а после его ухода — с партнером, поскольку лишь в подобном случае расстановка фигур на доске могла быть неравной.

Хлынул ливень, и в окна забарабанили частые струи дождя.

— Так, так, так. Понимаю, — задумчиво сказал профессор Ярдли. — Стало быть, мистер Брэд играл в шашки с партнером, но партия осталась незаконченной, так как владелец особняка был убит Крозаком.

— Остроумно, — заметил Эллери. — Право же,

попробуем теперь увязать эпизод убийства с эпизодом партии в шашки. Что получается? На поле черных одна из двух красных шашек еще в игре, на первом ряду поля. Но в шашках выход в первый ряд поля партнера означает, что ваша фигура становится «королем», то есть на нее кладется сверху еще одна шашка. Почему же тогда в этой партии шашка красных не «коронована» на королевском месте?

— Кажется, я начинаю понимать… — пробормотал Ярдли.

— Возможно, игра прервалась, поскольку без «коронации» фигуры партия продолжаться не могла. Подтверждает ли это, что игра прервалась именно здесь? Да, Вопрос: какими шашками играл мистер Брэд? Судя по рассказам миссис Брэд, муж был отличным игроком, соперничал даже с чемпионом страны, следовательно, вряд ли он играл красными, которые явно проигрывали.

Итак, он мог играть только черными. Однако рассмотрим другой вариант. Допустим, преимущество черных над красными было не три короля и одна фигура, а два короля и две фигуры, так как одна из красных шашек тоже была «королем».

— Весьма большая натяжка.

— Если мистер Брэд играл черными, то он

должен был бы сидеть во время игры на стуле, стоявшем вблизи секретера. Так и было, поскольку все красные фигуры расположены на ближайшей к секретеру стороне, то есть черные «ели» красных. Далее: мистер Брэд играл черными и сидел на стуле спиной к секретеру, а его партнер — лицом к секретеру.

— Но это значит, что…

— Вот именно! Не хватало одной красной шашки — ее обнаружили на месте распятия Брэда, а на его ладони остался отпечаток красной шашки, которую он зажал в руке, когда стал жертвой убийства. Зачем он взял ее?

Существует много ответов, но я могу дать только один.

— Какой же? — спросил профессор.

— Красная шашка в первом ряду не коронована.

В руке мистера Брэда, в руке игрока черными — красная недостающая шашка. Значит, если красные вышли в первый ряд черных, то черные, то есть мистер Брэд, взяли одну из «съеденных» красных шашек, чтобы «короне дать» короля. Но прежде чем он смог положить взятую шашку, случилось нечто, помешавшее игре. Иными словами, его ударили по голове в тот момент, когда

он хотел «короновать» фигуру красных, поэтому он не положил красную шашку на «короля», она осталась зажатой в его руке, а игра прервалась…

— Опять же кровавое пятно… — напомнил профессор.

— Да, конечно. Точнее, расположение пятна. Возле стула, на котором сидел мистер Брэд. Мы определили, что убийство произошло в его кабинете, и там только одно пятно. Если мистера Брэда ударили по голове спереди, то упал он назад, между стулом и секретером.

Там-то и осталось пятно крови. Доктор Рамсен предположил, что мистера Брэда ударили по голове, так как на теле не было других следов насилия. Рана на голове кровоточила, кровь попала на ковер прежде, чем убийца поднял тело и перенес его в беседку. Вывод: на мистера Брэда напали, когда он играл в шашки с партнером, следовательно, убийца — его партнер по шашкам. Есть возражения?

— Разумеется, — ответил Ярдли. — Ведь мы уже говорили о том, что гость мистера Брэда либо друг и невиновен, либо соучастник Крозака, и что пока мистер Брэд играл с другом, либо пока соучастник играл и отвлекал внимание мистера Брэда, Крозак пробрался в кабинет и ударил

мистера Брэда, напев спереди, о чем свидетельствует кровавое пятно.

— Ну что вы, господин профессор! — Эллери улыбнулся. — Мы давно доказали, что у Крозака не было соучастников. Что касается друга, в присутствии которого Крозак убил мистера Брэда, — абсурд! Крозак непременно дождался бы ухода ненужного свидетеля. Если предположить, что свидетель все же был, разве кровожадный Крозак позволил бы ему скрыться? Нет, конечно.

Вспомните несчастного Клинга… Однако свидетель мирно скрылся… Нет, господин профессор, не было никакого свидетеля.

— Ну, а как насчет свидетеля, пришедшего до Крозака и ушедшего до него? Свидетеля, игравшего в шашки с мистером Брэдом и удалившегося? — настаивал профессор.

— Вы заблуждаетесь, господин профессор. Приди он до или после Крозака, он не был бы свидетелем, верно?

Нет, неоконченная игра в шашки была партией Крозака — Брэда, — Каков же вывод из этой теоремы?

— Повторяю; убийца мистера Брэда играл с ним в шашки. Этого «Крозака» Брэд хорошо знал, но не как Крозака, вероятно, а под другим именем.

— Эге, вот вы и попались, молодой человек! — воскликнул профессор. Почему «хорошо знал»? Если мистер Брэд с ним играл, значит «хорошо знал»? Ошибаетесь, он сажал за шашечный столик первого встречного!

Я сам три недели назад имел честь доказывать ему, что не люблю игру в шашки.

— Вы меня не правильно истолковали, господин профессор. Если я вам дал понять, что партнер мистера Брэда был его другом, приношу извинения. Я не это имел в виду. Знал ли мистер Брэд, что Крозак, жаждущий крови Твэров, в Америке?

— Разумеется, знал. Это ясно из его посмертного письма, да и мистер Ван его предупреждал.

— Вот именно. Стал бы он, зная, что Крозак здесь, назначать встречу с незнакомцем, отсылая всех близких из дому?

— Пожалуй, нет.

— Рассуждаем дальше. — Эллери устало вздохнул. — Допустим, что гость мистера Брэда, которого он ожидал в тот вечер, пришел, обсудил с ним свои дела и ушел.

Появился Крозак. Назовем его Незнакомец. Мы уже доказали, что Крозак убийца, играл с мистером Брэдом в шашки. Значит, мистер Брэд

предложил Незнакомцу сыграть партию, оставшись с ним один на один в Брэдвуде… Абсурд! Следовательно, Крозак был знаком мистеру Брэду как званый гость или случайный посетитель.

На самом деле, неважно, кем он был. Я твердо уверен в одном-единственном: человеком в особняке, помимо самого мистера Брэда, в тот вечер был Крозак, и мистер Брэд прежде знал этого Крозака. Неизвестно, в какой момент Крозак появился, но абсолютно точно, что мистер Брэд играл с ним в шашки и был убит во время игры.

— И куда же вы пришли?

— «В никуда», — признался Эллери. — Поэтому я и сказал вам, что топчусь на месте, как и три недели назад.

Помимо прочего, есть еще один факт, над которым я бьюсь.

— А именно? — спросил профессор, выбивая трубку, — Я уверен, что Крозак не хромает. Доказательства?

Крозак явно был из близкого окружения мистера Брэда.

Никто из знакомых Брэда не хромал. Следовательно, не хромал и Крозак. Он лишь притворялся хромым, возможно, имитировал детский недуг, чтобы ввести в заблуждение полицию.

— Поэтому он и не боялся оставлять следы хромого человека? — спросил Эллери.

— Конечно! Он вспоминает о лжехромоте в моменты опасности, заметая свои настоящие следы. Где-то он сейчас затаился? Но идем дальше. С убийством первой жертвы, Клинга, мы разобрались. Крозак лжехромой, виновен в убийстве. Совпадают и мотив, и почерк преступления, обусловленные кровной местью. Крозак считает, что убил одного из братьев Твэр — Андреа. Как же он разыскал его, который скрывался вдали от всех? Совершенно непонятно… Затем Крозак наносит удар мистеру Брэду. На месте преступления Крозак находит письмо мистера Брэда, из которого узнает, что допустил ошибку и что мистер Ван жив. Но где он, мистер Ван, сейчас?

Крозак должен его отыскать… Возвращается из плавания мастер Мегара. Крозак ждал его приезда. Мистер Мегара — единственный, кто знает о новом обличье мистера Вана и его местонахождении. Пауза. Антракт. И затем… О, Господи! — вскричал вдруг Эллери и уставился на своего учителя. В его глазах блеснула какая-то мысль. — О, Господи! — снова воскликнул он. — Какой я идиот! Эврика!

— Этот метод всегда срабатывает, — поощри-

тельно заметил профессор. Итак, в чем дело?

— Погодите, — начал Эллери. — Чего мы ждали? Чего ждал Крозак? Мы ждали, что Крозак предпримет попытку узнать у мистера Мегары, где находится мистер Ван, так как мистер Магара один владел нужной ему информацией. Крозак асе узнал и только потом убил мистера Мегару, и это могло быть только так.

— О, Боже, он узнал! — воскликнул профессор Ярдли. — Какие мы болваны! Боюсь, что уже слишком поздно!

Эллери кинулся к телефону.

— Срочно примите телеграмму!

КОНСТЕБЛЮ
ЛЮДЕНУ АРРОЙО ЗАПАДНАЯ ВИРГИНИЯ ТЧК НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ПОЛИЦЕЙСКИМ НАРЯДОМ ХИЖИНЕ СТАРОГО ПИТЕРА ТЧК ОХРАНЯЙТЕ ЕГО ДО МОЕГО ПРИБЫТИЯ ТЧК СООБЩИТЕ КРУМИТУ ВОЗВРАЩЕНИИ КРОЗАКА ТЧК ЕСЛИ КАНУН ВАШЕГО ПОЯВЛЕНИЯ ХИЖИНЕ ЧТО-ЛИБО ПРОИЗОЙДЕТ ЗПТ ИЩИТЕ СЛЕДЫ КРОЗАКА ЗПТ НЕ ТРОГАЙТЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ТЧК ЭЛЛЕРИ КУИН

После этого Эллери телефонировал в Брэдвуд и попросил пригласить к телефону инспектора Вогна. Вогн, по словам Стэллинга, куда-то недавно поспешно отбыл. Тогда Эллери велел вызвать кого-нибудь из его парней и спросил подошедшего, где Вогн. Тот ответил, что инспектор получил какую-то записку и вместе с Исхемом куда-то немедленно уехал на полицейском автомобиле.

— Черт возьми, что же мы сидим? — Эллери бросил трубку и выглянул в окно.

Дождь усилился, молнии сверкали, зловеще освещая полосы дождя. Гроза была в самом разгаре.

— Итак, — скомандовал Эллери, — вы остаетесь здесь, господин профессор.

— Я не могу отпустить вас одного в такую грозу! — возразил профессор. Как вы доберетесь туда?

— Не волнуйтесь. Сидите спокойно дома и попытайтесь связаться с Вогном и Исхемом. — Эллери снова схватил телефонную трубку. — Летную станцию Минеолы!

Срочно… Хэллоу! Минеола? Могу я получить моноплан для срочного перелета на юго-запад? Что? Что?! — Лицо его помрачнело, и спустя минуту он положил трубку, — Все против нас,

господин профессор. Гроза разразилась над Атлантикой и движется на юго-запад. Они не могут дать моноплан.

— Может быть, поезд? — предложил профессор.

— Ну нет. Я доверяю только старому «дюси». Что же делать? Господин профессор, не найдется ли у вас плаща или какой-нибудь дождевой накидки?

Они кинулись в гардеробную и отыскали длинную дождевую накидку профессора.

Эллери облачился в нее.

— Ох, Куин, — беспокоился профессор. — У вас открытый автомобиль, дороги ненадежные, ехать далеко…

— У нас нет выбора, господин профессор. Люден, конечно, не растеряется, но… — Эллери распахнул дверь. — Пожелайте мне удачи, господин профессор.

Не мне, так мистеру Вану!

— Поторопитесь! — Профессор пожал руку Эллери. — Я постараюсь побыстрее связаться с Вогном и Исхемом. И все же… Вы уверены в необходимости поездки? Она не напрасна?

Эллери горько усмехнулся.

— Только одно удерживало Крозака от убийства мистера Мегары эти две недели — он не знал, где

прячется мистер Ван. Если же он все-таки расправился с мистером Мегарой, значит, он нашел горное убежище старого Питера. Может быть, он силой вырвал у мистера Мегары признание прежде, чем убить его. Мой долг — предотвратить четвертое убийство. Крозак наверняка уже на полпути к Арройо. Надеюсь, что эту ночь он спал.

Иначе… — Эллери пожал плечами, улыбнулся профессору Ярдли и ушел в ливень, под гром и всполохи молний направляясь к гаражу, где стоял его верный «дюси».

Профессор Ярдли машинально взглянул на часы. Они показывали ровно час дня.

Глава 27
Ошибка

«Дюсенберг» промчался по Нью-Йорку, проехал по Холланд-таннеллу, проскочил через Джерси-сити, пролетел по городам Нью-Джерси и выскочил на шоссе, ведущее в Харрисбург. Дороги были пустынными. Дождь на утихал, Эллери молился, грубо нарушая все правила дорожного движения. И молитвы его, видно, были услышаны, поскольку он ни разу не был остановлен полицией.

Старенький гоночный открытый автомобиль Эллери был полон воды, в ботинках хлюпало, шляпа намокла.

В «бардачке» Эллери обнаружил темные очки и нацепил их поверх обычных. Теперь он смахивал на гротескную фигуру; парусиновый костюм, на который была наброшена просторная дождевая накидка профессора, шляпа со свисающими мокрыми полями и поблескивающие затемненными стеклами очки, скрывающие пронзительный взгляд вцепившегося в руль водителя, несущегося по грозовым дорогам Пенсильвании.

В начале седьмого, вечером того же дня, под неутихающим проливным дождем Эллери то ли въехал, то ли вплыл в Харрисбург.

Он был голоден и, оставив автомобиль возле гаража на попечение автомеханика, отправился на поиски ресторана, Через час он вернулся в гараж, проверил уровень масла и бензина и выехал из города. Эллери хорошо помнил дорогу. Через шесть миль он миновал Роквилль и помчался вперед. Два часа спустя он проскочил Линкольн Хайвей. Дождь стал стихать.

В полночь, совершенно измученный, Эллери въехал в Холлкдейсбург и снова припарковался у гаража. Перебросившись парой фраз с автомехаником, Эллери направился к отелю. Снова припустил проливной дождь.

— Мне нужны три вещи, — попросил он с порога, — теплый номер, просушенная одежда и разбудить меня в семь утра. Можете обеспечить?

— Несомненно, мистер Куин, — ответил клерк, взглянув на подпись в книге регистрации.

Наутро отдохнувший, в просохшей одежде, отведавший яичницы с ветчиной, Эллери сел в «дюсенберг» и продолжил свое сумасшедшее ралли.

Дождь прекратился. В десять пятнадцать

Эллери вихрем пронесся по Питтсбургу, а в одиннадцать тридцать, когда небо совсем посветлело и со всех сторон подступили горы, Эллери остановил «дюсенберг» перед муниципалитетом Арройо.

Человек в синей куртке, с неизменной метлой в руках схватил Эллери за рукав, когда тот подошел к двери.

— Вы куда? К кому?

Эллери не ответил, торопливо обогнул особняк и открыл дверь в кабинет Людена, но того не оказалось на месте.

— Где констебль? — спросил Эллери увязавшегося за ним человека в синей куртке.

— Я и хотел сказать… — промямлил служитель, — что констебля нет.

— Ах, да. Он, наверное, отправился в горы? Когда он уехал?

— Утром в понедельник.

— Когда?! — Голос Эллери сорвался. — О, Господи, значит, он не получил телеграмму… — Эллери подскочил к столу Людена и начал рыться в лежавших там бумагах.

Это была официальная корреспонденция Людена, и служитель в синей куртке пытался протестовать, но Эллери не обращал на него

никакого внимания. Как он и ожидал, желтый бланк его телеграммы оказался невскрытым. Эллери развернул его и прочитал:

КОНСТЕБЛЮ
ЛЮДЕНУ АРРОЙО ЗАПАДНАЯ ВИРГИНИЯ ТЧК НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НАРЯДОМ ПОЛИЦИИ ХИЖИНЕ СТАРОГО ПИТЕРА ТЧК ОБЕРЕГАЙТЕ ЕГО ДО МОЕГО ПРИЕЗДА ТЧК ПРЕДУПРЕДИТЕ КРУМИТА ПОЯВЛЕНИИ КРОЗАКА ТЧК ЕСЛИ ДО ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ ХИЖИНЕ ЧТО-ТО ПРОИЗОЙДЕТ ЗПТ ИЩИТЕ СЛЕДЫ КРОЗАКА ЗПТ НО НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙТЕ МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЧК ЭЛЛЕРИ КУИН

Перед глазами Эллери промелькнула ужасающая картина… Случайный поворот событий, игра судьбы — и констебль Люден так и не прочел его телеграмму. Можно было и вовсе ее не посылать.

Человек в синей куртке принялся пространно объяснять Эллери, что констебль Люден и мэр Холлиз два дня назад, еще до рассвета, укатили на рыбалку. Пробудут они там, почитай, неделю, до воскресенья навряд ли возвернутся. Он теперь за всех здесь — и ответственный дежурный, и

подсобник, что в отсутствии Людена и Холлиза получил телеграмму, расписался и положил ее на стол констеблю, где она так бы и пролежала всю неделю, не появись здесь Эллери лично. Служитель еще что-то говорил, но Эллери, не дослушав его, выскочил за дверь и помчался к своему «дюси». Он не стал отыскивать блюстителей закона, собирать толпу полицейских, не уведомил даже Крумита.

Если то, чего он боялся, не произошло… Он попытается предупредить несчастье… В «бардачке» его «дюсенберга» лежал заряженный автоматический пистолет.

Но если произошло…

Эллери выскочил из машины, спрятав ее на старом месте, в кустах, где еще оставались следы на примятой траве и поломанные ветки. Крепко зажав в руке пистолет, он начал карабкаться по горной тропе, по которой его вел в прошлый раз констебль Люден. Эллери торопился, но был очень осторожен, так как совсем не хотел, чтобы кто-то или что-то застало его врасплох. В лесу было тихо. Эллери молил Всевышнего, надеясь успеть вовремя, но уже предчувствовал, что опоздал.

Поднявшись на поляну, он притаился за дере-

вом и осмотрелся. Ограда из колючей проволоки была на прежнем месте. Дверь хижины плотно прикрыта. Но Эллери ощущал какую-то смутную тревогу. Он медленно вышел из-за дерева, В окне мелькнуло бородатое лицо старого Питера… «Нет, показалось…» Он подошел к ограде, крепко сжимая пистолет в руке, и здесь-то он и обнаружил следы.

Он постоял возле человеческих следов на мокрой земле ровно три минуты, и этого хватило, чтобы разгадать жуткую историю. Потом Эллери, описав большой круг, подошел к хижине.

Дверь, по крайней мере на первый взгляд, была заперта, и Эллери приложил ухо к узкой щели сбоку.

Внутри было тихо. Он резко выпрямился и, держа пистолет в правой руке, изо всех сил ударил по двери левой и толкнул ее внутрь. Дверь отворилась, и его взору открылась просторная комната.

Какие-то доли секунды Эллери так и простоял с поднятой левой рукой и пистолетом в правой, нацеленным внутрь хижины, глядя на открывшуюся его взору ужасающую картину.

Он переступил порог и запер за собой дверь.

В двенадцать пятьдесят «дюсенберг» вновь

остановился у муниципалитета Арройо, и из него выскочил странного вида молодой человек. Волосы его были растрепаны, взгляд горел маниакальным огнем. Он бросился к служителю, подметавшему двор.

— Привет! — удивился тот. — Уже вернулись? Я хотел сказать, но вы не слушали…

— Погодите, — прервал его Эллери, — Похоже, вы тут единственное официальное лицо, мессир Ответственный дежурный. Мне нужна ваша помощь. Скоро сюда прибудут представители власти из Нью-Йорка. Но когда точно, не знаю. Вы должны дожидаться их здесь. Ясно?

— Та-ак, — протянул служитель, опершись на метлу. — Ну, не знаю… А вы и есть тот самый мистер Куин, да?

Эллери ошарашенно уставился на него.

— Да, а что?

— Я тут пробовал сказать вам, но вы умчались… — Он сунул руку в карман и вынул смятый листок бумаги. — Записка от того высокого господина, ну, похожего на Аба Линкольна.

— Ярдли! — воскликнул Эллери. — Что же вы раньше молчали?

Он вырвал записку из рук служителя. Она явно была написана второпях, простым карандашом,

и подписана профессором: «Дорогой Куин! Начну все по порядку.

Современные колдовские средства позволили мне опередить вас. После вашего отъезда я очень переживал и пытался связаться с Вогном и Исхемом. Оказывается, они получили сообщение о том, что в Массачусетсе обнаружены следы Линнов. Я оставил Вогну и Исхему записку. Мысль, что вы в одиночку попадете в общество кровожадного Крозака, не давала мне покоя. В Брэдвуде, между тем, все спокойно. Доктор Тэмпль отбыл в Нью-Йорк. На поиски Эстер, я полагаю. Уж не любовный ли роман? Всю ночь я не спал. Гроза прекратилась только к утру, и в шесть я уже был в Минеоле. Погодные условия улучшились, и я уговорил частного авиатора лететь на юго-запад. Сели в Арройо в десять утра. Хижину в горах найти не удалось. Город словно вымер. Ваша телеграмма, судя по всему, не прочитана. Ожидаю худшего, ибо в окрестностях видели хромого человека. Он был с небольшим чемоданчиком, лицо прятал. Прошлой ночью, в половине двенадцатого, он нанял частный автомобиль в Еллоу Крек, подле Арройо. Я говорил с владельцем гаража, который довез Крозака до Стюбенвилля, штат Огайо, и высадил его у отеля.

Пытаюсь выследить Крозака. Мою записку передаст вам любезный служитель муниципалитета Арройо. Спешите в Стюбенвилль! Если я что-либо там узнаю, я оставлю для вас весточку в отеле „Форт Стюбен“. Тороплюсь. Ярдли».

Глаза Эллери округлились.

— Скажите, во сколько «Авраам Линкольн» оставил записку?

— В одиннадцать или около того, — ответил служитель, — незадолго до вашего приезда.

— Понятно, как совершаются преступления. Когда вчера прекратился дождь? — внезапно спросил Эллери.

— Да где-то за час до полуночи. Лил, как из ведра.

А вам не кажется, мистер Куин…

— Не кажется, — резко оборвал его Эллери. — Передайте мою записку господам из Нью-Йорка, когда они приедут. — Он написал что-то на обороте послания Ярдли и протянул ее служителю. — Никуда не отлучайтесь. Метите, чистите, делайте, что угодно, но никуда не уходите до приезда Вогна, Исхема и полиции. Ясно? Исхема и Вогна. Запомнили? Передайте им записку. Вот вам за труды. — Эллери сунул в руку служителя банкноту, вскочил в «дюсенберг» и рванул на

шоссе.

Глава 28
Дважды мертвец

Инспектор Вогн и прокурор Исхем вернулись в Брэдвуд в среду, в восемь утра, усталые, но счастливые. С ними прибыли представитель государственной прокуратуры США и одиозная пара — Перси и Элизабет Линн.

Английских аферистов отправили под стражей в Минеолу, и Вогн был совершенно доволен собой. Однако выражение лица его резко изменилось, когда он прочел послание Ярдли, которое вручил ему Билл.

Когда Исхем познакомился с содержанием записки, он вздохнул.

— Что же делать?

— Ехать следом, — решил Вогн и первым полез в автомобиль. Исхем, кряхтя и охая, уселся на заднее сиденье.

На летном поле Минеолы они узнали подробности о Ярдли, который нанял моноплан в шесть утра, а через десять минут они и сами поднялись в воздух, устроившись в кабине трехмоторного мощного аэроплана, и полетели туда же, куда

ранее отбыл профессор.

В Арройо они прибыли в час тридцать дня. Аэроплан приземлился в четверти мили от города. Они поспешили к муниципалитету, на ступенях которого сидел человек в синей куртке в обнимку с метлой и мирно спал. Он вскочил на ноги от окрика Вогна.

— Вы из Нью-Йорка?

— Да.

— И вы мистеры Вогн и Исхем?

— Да.

— Вам записка. — Он разжал кулак и подал им мятое, грязное, но целехонькое послание профессора Ярдли.

Прочитав и перевернув записку, они узнали почерк Эллери: «Ярдли известно не все. Я был в хижине. Там — ужас. Поезжайте туда как можно скорее. Я здорово наследил, бродя кругами. Но вы обнаружите и чужие следы. Впрочем, увидите сами. Торопитесь, если хотите быть в курсе событий. Э. К.».

— Это случилось, — сказал Исхем.

— Во сколько мистер Куин уехал отсюда? — спросил Вогн.

— Около часа дня, капитан.

— Идемте, Исхем. Быстро в хижину. Покажете

дорогу.

И они свернули за угол, оставив Ответственного дежурного в одиночестве.

Дверь хижины была закрыта. Исхем и Вогн с трудом преодолели колючую ограду. Вогн предупредил;

— Не затопчите следы. Так. Здесь шел Куин, а рядом — чужие следы.

Они молча рассматривали те самые следы, которые Эллери обследовал час назад. Там, кроме хорошо различимых на мягкой земле следов Эллери, были две цепочки отпечатков одних и тех же ботинок. Одни следы вели от ограды к двери хижины, другие — обратно и были протоптаны чуть в стороне. У ограды отпечатки были отчетливо видны: те, которые вели к хижине, были более глубокими, чем те, которые шли от нее. Следы, оставленные правой ступней, выделялись сильнее, чем от левой.

— Следы хромого, — пробормотал Исхем.

Все осторожно прошли рядом со следами к двери, открыли ее, вошли в хижину и в ужасе замерли на пороге. На стене, напротив двери, к неструганным бревнам хижины было прибито гвоздями обезглавленное человеческое тело. Ноги были соединены, руки разведены в стороны.

Едва прикрытое окровавленными лохмотьями горца это было тело школьного учителя. Кровь стекала на каменный пол. Комната в хижине, удивившая Исхема в его первый визит аккуратностью и чистотой, сейчас была похожа на бойню. Циновки были покрыты кровавыми пятнами. На полу повсюду виднелись кровавые лужи. На столешнице, с которой предварительно смахнули нехитрую утварь, красовалась заглавная Т — символ мести Крозака.

— О Боже! — заохал Исхем. — Мне дурно! Кажется, я бы голыми руками задушил этого проклятого людоеда, попадись он мне! Выйдем, Вогн. Мне плохо…

Исхем вывалился из двери и прислонился к наружной стене хижины, часто дыша. Вогн же невозмутимо подошел к телу и ощупал его. «Мертв часов пятнадцать…» — подумал он, сжав кулаки и глядя на тело жертвы, распятое в форме буквы Т. Осматривая хижину, Вогн заметил на полу топор, покрытый запекшейся кровью, и круглую повязку из бинта, грязную, пропитанную еще не высохшей красной жидкостью. Инспектор поднял повязку, и она развалилась у него в руках, словно была разрезана. Вогн пригляделся и, действительно, в нескольких шагах от себя

обнаружил валявшиеся на полу ножницы. Он выглянул за дверь, Исхему явно стало получше.

— Как, по-вашему, что это? — И Вогн показал Исхему кусок бинта.

— Повязка с руки, — ответил Исхем, — Точнее, с запястья. Судя по всему, рана глубокая, потому что бинт обильно пропитан кровью и испачкан йодом.

— Вот именно! Повязка с запястья руки. Наверное, мистера Крозака слегка порезали.

— Либо была схватка, либо он сам порезался, когда… когда отсекал голову. Зачем же он бросил тут повязку? Чтобы мы нашли?

— Рана сильно кровоточила, и ему пришлось спешно делать перевязку. А старую повязку он обронил или бросил, поскольку торопился. Похоже, перебинтованная рана прикрыта рукавом пиджака. Давайте вернемся в хижину.

Они вошли, и Вогн показал на топор, ножницы и опорожненный пузырек темно-синего стекла, без этикетки, валявшийся на полу. Жидкость из пузырька вылилась и растеклась коричневой лужицей. Поблизости лежала вскрытая упаковка бинта.

— Йод, — заметил Вогн. — Крозак взял пузырек из аптечки, когда порезался, а потом поставил на

стол, откуда смахнул его, случайно или умышленно. Стекло толстое, и пузырек не разбился. Он все брал явно оттуда, и Вогн указал на аптечную полку в углу хижины, — и даже не потрудился ничего положить обратно. — На полке в углу лежал тюбик зубной пасты, упаковка бинта, несколько пачек разных пилюль и стоял пузырек с наклейкой «Йод». Два просвета на пыльной полке были явно недавними.

— Минуту, — сказал Исхем. — Что, если порезался не Крозак, а обитатель хижины? Тогда мы окажемся на ложном пути, разыскивая человека с забинтованной рукой.

— Неплохая мысль, мистер Исхем. Надо проверить, — согласился Вогн.

— О! — воскликнул Исхем. — Я не могу!

— Послушайте! — возмутился Вогн. — Мне это приятно не более, чем вам. Но дело есть дело.

Десять минут спустя обезглавленное тело лжегорца лежало на циновках. Гвозди из рук и ног были вынуты, лохмотья с тела сняты. Исхем отошел к стене, держась за живот. Инспектор осмотрел тело жертвы.

— Нет, — обронил он через плечо. — Ничего, кроме ран от гвоздей. Значит, все-таки Крозак.

— Пошли, Вогн. Прошу вас! — взмолился

Исхем.

Они молча вернулись в Арройо. По дороге инспектор отыскал телефонную кабину и связался с Вейртоном, вызвав окружного прокурора Крумита, с которым беседовал пять минут. Повесив трубку, он присоединился к Исхему.

— Крумит спокоен, как моллюск, — мрачно пошутил Вогн. — Он даже не был удивлен! Ничего, теперь господин прокурор этим займется. Он уже пригласил полковника Пикетта и следователя по криминальным делам. — Вогн усмехнулся. Второй раз в суде будет слушаться дело об убийстве одного и того же Эндрю Вана.

Исхем ничего не ответил. Он еще не оправился от увиденного. Они взяли напрокат автомобиль и помчались следом за Эллери, отставая от него всего на полтора часа, в сторону Стюбенвилля.

К ЧИТАТЕЛЮ

Кто же убийца?

Обычно в детективном романе наступает момент, когда читатель располагает фактами, необходимыми для разгадки преступления. «Тайна Египетского креста» — не исключение. Сопоставляя факты и следуя логике, вы уже можете

не только обо всем догадаться, но и привести доказательства, указывающие на личность убийцы.

В вашем решении не должно быть «но» и «если», как это допускалось в предыдущих главах. А поскольку логика не терпит подсказок, думайте сами. Удачи вам!

Эллери Куин.

Глава 29
Вопрос географии

Это была среда, которая справедливо войдет в историю криминалистики. Среда, в которую началась охота на человека в трех штатах и на пятистах пятидесяти милях пересеченной местности, когда были задействованы все средства передвижения — автомобили, поезда, аэропланы. В охоте участвовало пятеро, а шестой присоединился неожиданно, и длилась она с момента въезда Эллери в Стюбенвилль, штат Огайо, девять долгих часов, показавшихся охотникам девятью столетиями.

В час тридцать дня в среду, когда Вогн и Исхем припарковались у муниципалитета Арройо, Эллери Куин примчался в Стюбенвилль и, справившись у полицейского, где находится отель «Форт Стюбен», через несколько минут уже стоял у его дверей. Не успел он войти в холл, как дежурный клерк обратился к нему:

— Вы мистер Куин?

— Да, а как вы меня узнали?

— По описанию мистера Ярдли. Он сказал, что

вы приедете днем. Вам записка.

— Поторопитесь! — попросил Эллери.

«Куин, — начал читать Эллери, — ни о чем не расспрашивайте клерка. Я знаю все. Человек, соответствующей словесному портрету К., останавливался в отеле вчера, примерно в полночь. Отбыл в семь тридцать утра сегодня, во взятом напрокат автомобиле. Выходя из отеля, он не хромал, но у него почему-то была перевязана кисть руки. Он держался спокойно, очевидно, не подозревает о преследовании. Я случайно услышал, что он направляется в Зейнсвилль. Следую за ним в автомобиле. Подробное описание наружности К, дал мне клерк.

Дальнейшие указания получите в Зейнсвилле в отела „Кларендон“. Ярдли».

— Во сколько, примерно, мистер Ярдли покинул Стюбенвилль? — обратился Эллери к дежурному клерку.

— В полдень, сэр. Он взял автомобиль напрокат, Эллери снял телефонную трубку.

— Зейнсвилль? Соедините меня с шефом полиции.

Какая разница, кто? У меня важное дело! Хэллоу! Эллери Куин из Нью-Йорка, сын инспектора Ричарда Куина, инспектора криминальной поли-

ции Нью-Йорка. Да! Я в Стюбенвилле, преследую мужчину — черноволосого, с перебинтованной рукой, он едет в наемном автомобиле.

За преступником следует еще один человек — высокий, с бородкой и тоже в наемном авто. Первый — убийца-маньяк. Да! Он выехал из Стюбенвилля в семь тридцать утра… Да, вы правы… Наверное, уже проехал. Второй человек, пожалуй, еще не въехал в Зейнсвилль… Держите связь с дежурным клерком отеля «Кларендон».

Я еду следом.

Эллери повесил трубку и выбежал из отеля. «Дюсенберг», взревев, рванул на запад.

В Зейнсвилле Эллери довольно быстро отыскал отель «Кларендон». Там его ждали клерк и невысокий плотный человек в полицейской форме.

— Я Харди, шеф полиции, — представился толстяк, — Ваш человек с бородкой, как он сам себя назвал, оставил телефонограмму дежурному клерку. Первый автомобилист, похоже, сменил маршрут и следует в Колумбус, вместо Зейнсаилля.

— О черт! — вырвалось у Эллери. — Вы можете связаться с Колумбусом?

— Разумеется, мистер Куин.

— Простите, сэр, — вмешался клерк, — ваш

друг сказал, что оставит вам записку в «Сенека-отеле» в Колумбусе, там надежный клерк, мой приятель.

Эллери поблагодарил обоих и опрометью выскочил за дверь.

В семь ноль-ноль, когда Вогн и Исхем продвигались между Стюбенвиллем и Колумбусом, Эллери уже разыскал «Сенека-отель», где ему вручили очередное послание Ярдли.

«Куин! Он обманул меня в прошлый раз, но я быстро сориентировался. Не думайте, что он заметает следы. Он просто передумал. Из отеля наш К, выехал поездом в час дня в Индианополис. Я лечу туда монопланом, чтобы наверстать время. До встречи в Индианополисе. Я».

— Во сколько была написана записка?

— В пять тридцать, сэр.

Эллери связался по телефону с Индианополисом, с полицейским управлением, и выяснил, что оно уже предупреждено полицией Колумбуса, но человек, соответствующий словесному портрету, пока не появился. Эллери положил трубку и спросил клерка:

— Не просил ли профессор Ярдли передать мне еще что-нибудь?

— Да, сэр. Он сказал, что оставит для вас посла-

ние в воздушном порту Индианополиса.

Эллери достал бумажник.

— Благодарю. Можете нанять для меня аэроплан?

Дежурный клерк улыбнулся.

— Мистер Ярдли предупредил меня, что он вам может понадобиться, и я уже нанял его для вас. Аэроплан ждет на летном поле.

— Ай да Ярдли! — прошептал восхищенно Эллери, кладя банкноту на конторку. — Позаботьтесь о моем автомобиле. Старый «дюсенберг» припаркован за углом.

Я вернусь за ним, хотя не знаю, как скоро.

Он выбежал из отеля и остановил такси.

— Летное поле! — крикнул он. — Быстрее!

Было начало девятого, когда Вогн и Исхем появились в Колумбусе. Эллери улетел час назад. Ярдли — три часа. Убийца уехал поездом — семь часов назад, Не успел прокурор Исхем повздыхать и простонать три раза, как служебное удостоверение инспектора полиции Вогна тут же обеспечило им перелет из Колумбуса в Индианополис.

В аэроплане Эллери чуть расслабился и принялся размышлять. Многое, остававшееся запутанным и неясным все семь месяцев расследования,

прояснилось и встало на свои места.

Аэроплан приземлился в Индианополисе.

«Напал ли на его след Ярдли? Догнал ли беглеца? Все возможно… Крозак выехал из Колумбуса поездом. Пять часов пути, следовательно, он прибыл примерно в шесть часов, Ярдли вылетел в пять тридцать, прилетел в семь.

Если же поезд, на котором ехал Крозак, опоздал, то профессор прибыл с ним одновременно…» Эллери взглянул на часы. Восемь тридцать. Когда подали трап и Эллери спустился, к нему подбежал человек в летной форме.

— Мистер Куин?

— Да. У вас для меня записка?

— Да, сэр. Профессор Ярдли оставил ее полтора часа назад. Сказал, что очень важно.

Эллери развернул записку. Это была шифрограмма.

«К! Похоже, наступает заключительный период. Я чуть не столкнулся с прибывшим человеком, по описанию Крозаком. Он улетел в Чикаго в семь часов вечера.

Я нанял моноплан в семь пятнадцать. К, будет в Чик. между 8.45 и 9.00. Советую до 8.45 предупредить чик. полицию и встретить прибывшего преступника у трапа.

Пока. Я».

— Мистер Ярдли улетел в семь пятнадцать? — спросил Эллери.

— Да, сэр.

— Значит, он прилетит в Чикаго между девятью и девятью пятнадцатью?

— Точно, сэр.

Эллери протянул молодому человеку банкноту со словами:

— Проводите меня к телефону-автомату, и я буду вашим вечным должником.

В помещении воздушного порта Эллери легко отыскал телефонную кабину и позвонил в Чикаго.

— Хэллоу! Управление полиции? Вопрос жизни и смерти! Шефа управления! На другом конце провода минут пять раздавались ворчание и ругательства, прежде чем Эллери услышал голос августейшей особы. — Господин шеф! Вы помните меня? Я — сын Ричарда Куина… Я расследовал серию убийств на Лонг-Айленде, да, да!.. Высокий брюнет с перебинтованной рукой… Должен прилететь от восьми сорока пяти до девяти в Чикаго из Индианополиса. Нет! Не надо арестовывать в воздушном порту! Проследите, если сумеете, куда он направится, и окружите его… Да, да…

Арестуйте, только если он вздумает покинуть Чикаго. Возможно, он отправится в Канаду… Он не знает, что за ним следят. И еще одна просьба. Должен прилететь джентльмен с бородкой, вылитый Авраам Линкольн. Это профессор Ярдли. Распорядитесь, чтобы ваши люди всячески содействовали ему.

Благодарю. До свидания.

— А теперь летим! — скомандовал Эллери молодому человеку, сопровождавшему его к телефону-автомату.

— Куда, сэр?

— В Чикаго.

В десять пятнадцать моноплан приземлился в воздушном порту Чикаго, и Эллери, поправив галстук, приготовился выходить. Мотор гудел, затихая, и моноплан остановился. Авиатор кивнул Куину.

— Прибыли! Я жал изо всех сил!

— Отлично! — улыбнулся Эллери.

«Как хорошо, — подумал он, — когда приказы исполняются безоговорочно…»

На летном поле его ждали профессор Ярдли и шеф Чикагского управления полиции, которого Эллери помнил по своему зимнему визиту в Чикаго вместе с отцом.

Рядом с ними стояло несколько не знакомых Эллери лиц, в которых его наметанный глаз сразу распознал детективов, и… невысокий человек в сером костюме, серой шляпе и серых перчатках, с усталым лицом и гордо поднятой головой.

— Отец! — воскликнул Эллери, бросившись к нему и попав прямо в объятия серых перчаток. — Каким чудом вы здесь?

— Законным. — Отец улыбнулся. — Твой друг Харди, шеф полиции Зейнсвилля, связался со мной в Нью-Йорке после твоего звонка и сказал, что ему телефонировал, якобы, мой сын. Он решил проверить. Я сложил два и два, понял, что дело идет к концу, сел в аэроплан в Нью-Йорке в два часа и приземлился тут пятнадцать минут назад.

— Как это замечательно, отец, что вы здесь! Приветствую вас, господин профессор! — Эллери пожал руку Ярдли.

Все неторопливо двинулись по летному полю в сторону воздушного порта. Шеф полиции заметил:

— Неплохо, молодой человек! Ваш протеже прилетел без пяти девять. Мы еле успели направить сюда детективов. Он, действительно, ничего не подозревает.

— Я опоздал на двадцать минут, — вздохнул профессор. — Никогда в жизни я не был так напуган. Схожу с трапа, вдруг меня хватает за руку детектив со словами;

«Профессор Ярдли? Пройдемте». Право же…

— Сочувствую, — прервал его Эллери. — Но где же наш Крозак?

Шеф управления полиции ответил;

— Пять минут десятого он взял такси и поехал в третьеразрядный отель «Рокфор». За ним проследовали четыре полицейские машины. Сейчас он у себя в номере.

— А он не сбежит? — забеспокоился Эллери.

Шеф управления полиции укоризненно взглянул на него.

— Мистер Куин!

Инспектор Куин-старший спросил;

— А что, Исхем и Вогн тоже сюда прибудут? Их надо подождать?

Эллери резко остановился.

— О, Господи! Я совсем забыл! Может быть, их встретит детектив? Они прилетят примерно через час.

Он и привезет их в отель «Рокфор». Несправедливо, если последний акт разыграется без них.

В одиннадцать ноль-ноль на чикагском летном

поле появились прокурор Исхем и инспектор Вогн, ненамного отставшие от Эллери. Их ждали детективы в полицейской машине и доставили в город.

Вся компания «охотников» собралась в одном из номеров отеля «Рокфор», битком набитом детективами, Эллери Куин лежал на кровати, одетый. Инспектор Куин-старший и шеф управления полиции беседовали о чем-то в стороне. Профессор Ярдли в ванной комнате смывал с лица пыль странствий.

— Ну, — прогудел Вогн, — это все? Или мы продолжим бег на Аляску? Крозак, что, марафонец?

— Финиш, инспектор. Садитесь. И вы, Исхем, Отдыхайте. У нас впереди целая ночь. Он никуда от нас не денется. Как насчет ужина?

И они устроили пир горой, во время которого Эллери молчал, мысли его витали далеко. Пришел детектив, доложил, что джентльмен из номера 643, зарегистрировавшийся как Джон Чейз из Индианополиса, только что позвонил дежурному клерку и попросил забронировать для него место на аэроплан до Сан-Франциско. Все живо обсудили эту новость: мистер Чейз, он же Крозак, очевидно, собирается лететь на восток и вряд ли останется в самом Сан-Франциско.

— Между прочим, господин профессор, — заговорил Эллери, — как вы полагаете, кого мы увидим в номере 643?

Профессор изумленно поднял брови.

— Как, кого? Велию Крозака, конечно.

— Неужели? — улыбнулся Эллери.

Тогда Ярдли, смутившись, пояснил:

— Что вы имеете в виду? Под именем Велии Крозака я подразумеваю человека, которого так нарекли с рождения, но, вероятно, мы знаем его под другим именем.

— Неужели? — ехидно повторил Эллери. Он встал с кровати, потянулся и загадочно добавил:

— На сей раз, джентльмены, мы, действительно, спустим Крозака с высот на землю, У вас все готово, господин шеф?

— Ждем ваших указаний, мистер Куин!

— Одну минуту, — вмешался Вогн, вопросительно глядя на Эллери. — Уж не хотите ли вы сказать, что знаете того, кто находится в номере 643?

— Именно. Это же проще простого!

— Проще простого? Не понимаю, что здесь простого?

Эллери вздохнул.

— Идемте взглянем на него. Пошли?

Через пять минут коридор шестого этажа отеля «Рокфор» стал похож на полицейский плац. Этажом выше и этажом ниже проходы были перекрыты. Лифт остановлен. Кругом царила тишина. Из номера 643 в коридор вела только одна дверь, возле которой жался мальчик-коридорный. Его окружали Эллери, Куин-старший, Вогн, Исхем, шеф управления полиции и профессор Ярдли.

Эллери бросил настороженный взгляд вокруг и кивнул мальчику. Два детектива с пистолетами наготове прижались к стенам по обе стороны двери. Один из них постучал. Ответа не было. В номере, судя по узкой щели под дверью, было темно. Очевидно, постоялец спал. Вдруг раздался какой-то шорох, скрипнули пружины кровати, и мужской голос спросил:

— Кто там?

Мальчик ответил:

— Коридорный, мистер Чейз.

— Что? — Они услышали кряхтение, и кровать снова заскрипела. — Что нужно? Я ничего не заказывал! Чего вам? — Дверь приоткрылась, и показалась голова мужчины…

То, что произошло дальше, — внезапный бросок двух детективов, прижавшихся к стене, прикрытие мальчика-коридорного другим де-

тективом, короткая схватка на полу, — казалось, слилось для Эллери в одно мгновение. Никто из «охотников» не шелохнулся. Человек выглянул в коридор, увидел детективов и полицейских, мгновенно узнал Эллери, Исхема и Вогна, и на его лице отразилось крайнее изумление, ноздри раздулись и побелели, глаза округлялись, и он схватился забинтованной рукой за косяк двери…

— Да ведь он… — Профессор Ярдли онемел от удивления.

— Его я и ожидал увидеть, — спокойно сказал Эллери, наблюдая за потасовкой. — Я понял это сразу, когда увидел хижину после преступления.

Детективы, наконец, усмирили мистера Чейза из номера 643. Он затих, из уголка его рта тонкой ниточкой свисала слюна, глаза были безумными. Это были глаза школьного учителя из Арройо — Эндрю Вана.

Глава 30
Эллери снова размышляет вслух

— Я ничего не понимаю, ничего… — шептал инспектор Вогн. — Как можно было, располагая ничтожными фактами, найти решение и вычислить убийцу! Я просто ошеломлен, мистер Куин. Докажите, что вы не случайно угадали ответ.

— Куины, — гордо заявил Эллери, — никогда ничего случайно не угадывают.

Разговор происходил в четверг, когда все они — Ярдли, Эллери, инспектор Куин-старший, Исхем и Вогн — возвращались в Нью-Йорк поездом, в вагоне первого класса.

— Вы не первый, — заметил инспектор Куин-старший Вогну, — кого удивляют методы моего сына. Каждый раз, когда Эллери удается решить подобную задачу, находится кто-нибудь и говорит; «Вы случайно угадали!» Но всем приходится брать свои слова обратно после его объяснений.

— Для меня его метод — полная тайна, — заметил Исхем.

— Я считаю, — подключился к разговору профессор Ярдли, — что в данном «деле» была масса

непоследовательностей и противоречий, от начала и до конца.

— Нет, — возразил Эллери, — от начала и до четвертого убийства, а после того все стало ясно, как божий день. Достаточно было нащупать одну ключевую деталь — и все немедленно вставало на свои места, и водворился логический порядок. Ключевую деталь я обнаружил в хижине старого Питера.

— Но я тоже осматривал хижину… — удивился Вогн.

— Жаль, но вы упустили именно эту деталь, — сказал Эллери. — Давайте начнем сначала. Вплоть до Арройского убийства, которое произошло во вторник ночью, я и сам мало что знал. Первое убийство в Арройо было полной загадкой для меня до появления Эндрю Вана, который заявил, что его слугу Клинга по ошибке убил Велия Крозак. Затем был убит брат Вана — Томас Брэд, Стивен Мегара, его старший брат, также был убит. Мегара рассказал нам историю о Крозаке, а югославская полиция подтвердила ее. Итак, стало ясно, что существует маньяк, Велия Крозак, помешанный на вендетте, гонимый амоком, который мстит убийцам своего отца и дядей.

Когда мы узнали, что Твэры ограбили Крозаков,

появился еще один мотив преступления. Излагая профессору Ярдли свои соображения, я подчеркнул, что из убийства Брэда можно сделать два вывода. Первый — что убийца Брэду был знаком. Второй — убийца не хромал. Верно, господин профессор?

Ярдли кивнул, и Эллери продолжил объяснения по поводу партии игры в шашки.

— Но мои выводы привели меня «в никуда». То, что я их сделал, само по себе мало что значило. Поэтому до тех пор, пока я не обнаружил мертвое тело в хижине, я полагал, что все три убийства — результат безумия Крозака. Об этом же говорит и его помешательство на символе Т — обезглавленные и распятые в форме Т тела, начертанные кровью буквы Т и прочие Т-образности, сопровождавшие эти преступления. С первого же преступления меня преследовали оставляемые им всюду буквы Т, в которых я пытался разобраться, используя все свои знания, но так ни к чему и не пришел. Я оставил мысль о символе Т, но она все равно мучила меня…

— Помните, — вставил профессор, — мы призвали на помощь даже египтологию?

— Именно, Я к этому и веду. Но прежде доскажу про четвертое убийство, И Эллери Куин подробно

описал то, что он увидел накануне днем, войдя в разгромленную и залитую кровью хижину Вана. Ярдли и инспектор Куин-старший слушали его с огромным вниманием и удивленно переглянулись, когда он закончил.

— Лично мне ничего не ясно, — сказал профессор Ярдли.

— Да и мне, пожалуй, не больше, — заметил Куин-старший.

— Но это проще простого! — воскликнул Эллери. — Вы не видели следов возле хижины, а Вогну и Исхему довелось обследовать их.

Вогн и Исхем согласно кивнули.

— Вы должны были заметить, — обернулся к ним Эллери, — что в четвертом убийстве участвовали два человека. Там было две цепочки следов — входящие и выходящие, причем, судя по размеру ноги, и те, и другие были от одних и тех же ботинок. Можно точно установить время, когда были оставлены эти следы. Вчера дождь в Арройо прекратился около одиннадцати часов вечера.

Ливень был очень сильный, и, если бы оставили следы во время ливня, он бы их смыл. Значит, следы появились в одиннадцать или позднее. Однако по состоянию трупа я понял, что человек был мертв не менее четырнадцати часов, следо-

вательно, он умер около одиннадцати, прошлой ночью. Таким образом, следы появились приблизительно во время убийства, О чем говорят следы? Что только один человек вошел в хижину и вышел из нее в предполагаемое время убийства. Вход в хижину тоже только один — дверь. Окно закрыто и прочно защищено колючей проволокой. Итак, был убийца и была жертва.

Мы обнаружили жертву в хижине. Значит, следы принадлежали убийце. Далее. На полу хижины найдены улики.

Улика № 1; испачканный кровью и йодом бинт, по форме напоминающий повязку с запястья руки, лежал возле вскрытой упаковки бинта. Улика № 2; большой пузырек из-под йода, темно-синего стекла, без этикетки, был опрокинут и валялся рядом. Итак, с чьей же руки была повязка? Убийцы или жертвы? Я обследовал труп — порезов на руках нет. Вывод: поранился убийца. Где он взял бинт и йод? Он ведь менял повязку. Очевидно, рана сильно кровоточила. Но если убийца брал пузырек с йодом, что из этого следует? Все проще простого! Неужели непонятно?

Все отрицательно покачали головами.

— А ведь было два пузырька из-под йода. Убийца взял пузырек синего стекла, без этикетки.

ОТКУДА УБИЙЦА ЗНАЛ, ЧТО В НЕМ ЙОД?

У профессора Ярдли отвисла челюсть.

— Какой же я кретин! Ну конечно!

— Действительно, просто! — заметил Вогн.

— Итак, предположим, убийца не знал, что в нем йод, — продолжал Эллери. — Он мог это определить двумя путями: экспериментально, то есть нюхая и выливая жидкость или зная заранее содержимое пузырька без этикетки. Вы осматривали полку с медикаментами и заметили там два просвета, где прежде стоял пузырек с йодом и лежала упаковка бинта. Что еще было на полке?

Помните, там стоял пузырек с этикеткой «Йод»? Зачем было убийце открывать пузырек с сомнительным средством без этикетки, когда он искал антисептик, если рядом стоял флакончик с наклейкой «Йод»? Никто из посторонних так бы не поступил, а взял бы флакончик с этикеткой. Итак, убийце было точно известно содержимое пузырька без этикетки. Тогда-то меня и осенило. Из рассказа Вана я знал о его вынужденном затворничестве и изолированности от мира, а значит, никто, кроме владельца хижины, не мог знать, что в пузырьке без этикетки из темно-синего стекла содержится йод. Я уже говорил, что в преступлении участвовали два человека

— убийца и жертва. Именно убийца поранил руку и воспользовался йодом. Обитатель хижины — Андреа Твэр, он же Эндрю Ван, он же старый Питер — только он один мог знать, что в синем пузырьке без этикетки — йод и, поранившись, машинально взял именно его. Следовательно, обезглавленное тело, распятое на бревнах хижины, — не Эндрю Ван, а некто, убитый им.

Все молчали. Только Исхем спросил:

— А как насчет трех остальных убийств? Вы говорили, что поняли все с момента четвертого, последнего убийства. Как вы докажете, что и предыдущие три кошмарных убийства — тоже дело рук Вана?

— Дорогой Исхем, — сказал Эллери, — именно с того момента мне абсолютно все стало ясно! Это же проще простого! Логический анализ и здравый смысл. Итак, продолжаем. Убийца в четвертом преступлении — Эндрю Ван. А в остальных трех? Конечно, можно допустить, что Ван убил Крозака в целях самозащиты. В таком случае, нельзя говорить о нем как об убийце в трех предыдущих преступлениях. Но остается один факт: есть распятый труп, одетый в лохмотья старого Питера. Кого же Ван убил? Чье это тело? Не Вана, очевидно. Может быть, Брэда? Нет, его труп опознала

вдова по родимому пятну. на бедре. Тело Мегары? Тоже нет. Доктор Тэмпль обнаружил у обезглавленного Мегары паховую грыжу. Впоследствии его диагноз подтвердил доктор Рамсен. Значит, точно установлено, что два трупа были трупами Брэда и Мегары. Остаются еще два действующих лица драмы: Крозак и Клинг, слуга Вана... — Эллери умолк на миг, затем продолжил:

— Может ли труп в хижине быть трупом Крозака? Если да, и Ван убил его, то он должен был немедленно оповестить полицию, имитировать нападение и самозащиту. Но он этого не сделал, просто не мог. Почему не мог? Потому что это не было тело Крозака. Если. не Крозака, то чье же..? Клинга? Но ведь Клинг был убит еще семь месяцев назад! А откуда мы знаем, что первое тело было телом Клинга? Только со слов Вана. Однако он раскрыт нами, как убийца, и доверия ему нет. Поэтому мы можем утверждать, что последнее тело — тело Клинга. Если это так, то где же наш Крозак? Нам известно, что тела Брэда и Мегары опознаны, с Клингом мы разобрались, остался Крозак. Тогда, если следовать логике, получается, что семь месяцев назад в Арройо был распят Крозак? Тот, кого в течение семи месяцев разыскивала полиция сорока восьми штатов и трех

государств, и не могла обнаружить? Оказывается, он все это время был благополучно мертв…

— Невероятно… — промолвил профессор.

— О, его стоит послушать, — заметил инспектор Куин-старший. — Он вас еще не раз удивит.

— Появился негр-проводник с прохладительными напитками. Некоторое время все молча пили, поглядывая в окна вагона. Как только проводник отошел, Эллери снова заговорил;

— Кто же убил Крозака в Арройо? Ведь тот, кто совершил первое убийство, знал историю Твэров — Крозаков и повсюду напоминал о ней символом Т. Кто же знал о вражде двух родов? Ван, Мегара, Брэд и Крозак. Мог ли, предположим, Мегара убить Крозака и начертать кровавое Т? Нет. Он — физически и территориально — был на другом конце света. Брэд? Нет. Миссис Брэд упоминала при свидетелях, что в канун Рождества в их особняке гостил чемпион страны по шашкам и играл с мистером Брэдом именно в ту ночь. Клинг? Последний возможный вариант убийства? Тоже нет. Клинг, как все о нем говорили, был безобидным и убогим, он не мог знать всех этих тонкостей кровной мести, символа Т и прочего. Слабоумному не под силу такое замысловатое преступление.

Остается Ван. Он и убил Крозака. При каких обстоятельствах? Он знал, что Крозак ищет его братьев. Он зная также, что Крозак скитается вместе с сумасшедшим египтологом Страйкером. Ван мог даже сам пригласить Крозака анонимным письмом в Арройо. Крозак заглотнул наживку, ибо жаждал крови Твэров. Он даже не наводил справки об адресате, а просто направил нудистов солнцепоклонников Харашта — на остров вблизи Арройо.

Затем Крозак собственной персоной появился на сцене драмы, кстати, как активный ее актер-участник. Один единственный раз. Крозак договорился с гаражменом Крекером, который отвез его на перекресток дорог, к дому Вана. Если помните показания Крокера, у Крозака не было с собой ни чемоданчика, ни свертка. Почему? Да потому, что он не собирался расчленять и делать отбивную из своей жертвы. Возможно, просто пристрелил бы Вана и вполне удовлетворился бы такой местью, Ван ждал мстителя в засаде и убил его. Отослав куда-то глуповатого Клинга, Ван нарядил мертвого Крозака а свои обноски, обезглавил труп и прочее и прочее. Так был осуществлен замысел Вана или точнее — Андреа Твэра. Убийство он готовил годами, вернее, серию

убийств, которые должны были выглядеть как кровная месть безумного Крозака, помешавшегося на вендетте.

Живого Клинга Ван где-то прятал, чтобы осуществить подлог, выдав его труп за свой. Ван тщательно создавал видимость того, что Крозак, после того как ошибся и убил невинного человека, добрался до Твэров и прикончил братьев одного за другим, а потом, обнаружив ошибку и исправляя ее, убил и третьего. Что касается четвертого убийства, то и здесь он выставил Вана, то есть самого себя, жертвой маньяка, а сам скрылся с немалой суммой денег, которую хитро выманил у своего родного брата Стивена. Полиция могла и дальше безуспешно продолжать поиски давно уже мертвого Крозака… Тело последней жертвы можно было легко спутать с телом Вана. Помните, Ван долго выбирал слугу в приюте? Он отыскал там своего двойника… Что же касается того, что тела его и Крозака были похожи или — тут случайное совпадение. Между мужчинами было некоторое физическое сходство, которое Ван мог заметить, впервые увидев Крозака, скажем, еще до отправления анонимного письма, и использовать для осуществления преступных замыслов.

— Прежде вы говорили, — заметил профес-

сор, — что с самого начала были на правильном пути, но потом сбились. Что это значит?

— Не только в начале. Время от времени в своих поисках я продвигался правильно, но потом вдруг начинал терять нить… Судите сами. С первого преступления появились неясности. Голова трупа зачем-то отсекалась и исчезала. Зачем? Объяснение было одно: убийца — маньяк. Потом мы раскопали дело о вендетте Твэров — Крозаков и воспринимали Т как символ вендетты. Поэтому и телам жертв придавалась форма буквы Т, Так мы считали.

Однако все эти Т-образные хлопоты, перекресток, дорожный указатель, начертанная кровью буква Т на двери, тотемный столб, антенная мачта служили единственной целью — СКРЫТЬ ПРИЧИНУ ОТСЕЧЕНИЯ ГОЛОВЫ. Если неизвестны особые приметы жертвы, ее достоверно можно опознать по лицу. А раз исчезали головы убитых, я и предположил, что убийства совершает не маньяк, а вполне нормальный, но неуравновешенный человек, отсекавший головы жертвам с целью УСЛОЖНИТЬ ОПОЗНАНИЕ. Возникал вопрос; почему ни одна голова жертвы не найдена? Почему убийца не оставлял отсеченную голову где-то поблизости или на месте преступления,

пытаясь поскорее избавиться от нее, что было бы вполне естественно для любого преступника, будь то нормальный или сумасшедший? Тела по-прежнему имели форму Т и удовлетворяли Т-комплексу убийцы. Но головы убитых бесследно исчезали! Это вызвало у меня подозрение. Я сделал некоторые предположения, и они подтвердились.

В первом убийстве Ван вынужден был обезглавить Крозака, чтобы тело не могли опознать и приняли его за тело Вана или за тело Клинга. Если просто отсечь голову, любой следователь может заподозрить истинную причину жуткой процедуры. Тут-то Ван и придумал гениальную ахинею о маниакальной приверженности убийцы букве Т. Это так запутало дело, что никто и не задумывался о подлинной причине отсечения голов. Единожды начав, он был вынужден продолжать. Ван отрубил головы своим родным братьям, Брэду и Мегаре, чтобы подтвердить лишний раз Т-манию Крозака. В последнем убийстве голова была тоже отрублена и тоже, как и в первом случае, с целью затруднения опознания тела.

Дьявольски хитроумный план! И по замыслу, и по исполнению.

— А в последнем случае, — шумно сглотнув,

спросил Исхем, — кажется, следы, ведущие к хижине, были глубже шедших от нее?

— Гениально, Исхем! — воскликнул Эллери. — Вы заметили? Это во многом прояснило дело. Почему следы, ведущие в хижину, были глубже? Потому что убийца нес в хижину что-то тяжелое. Обратно он уже ничего не нес, и следы были менее отчетливыми. Итак, оставался один Клинг. Где Ван держал его? Не в хижине, разумеется.

Значит, где-то поблизости. Констебль Люден как-то говорил, что в горах много пещер, да и сам Ван упоминал про пещеры, которые осматривал. Вероятно, в одной из пещер он и прятал Клинга, а потом, убив его, перенес тело в хижину. Дождь перестал после того, как Ван вышел из хижины и отправился за Клингом, но до того, как он принес Клинга к себе. Дождь смыл его следы после выхода из хижины, а следы после входа в нее отчетливо видны. То есть, глубокие следы Ван оставил, когда вносил Клинга в хижину, а неглубокие когда покидал ее один после убийства.

— А что, Клинг сам не мог дойти до хижины? — удивился Исхем.

— Конечно, нет! Ван хотел оставить следы одного человека — хромого Крозака. Неся Клинга и хромая, он убил сразу двух зайцев — доставил

жертву в хижину и свалил вину на хромого Крозака. Хромая при выходе из хижины, он показал, что Крозак ушел. Ван допустил только одну ошибку — он забыл, что следы человека с тяжелой ношей на мягкой мокрой земле будут глубже.

— У меня просто в голове не укладывается… — пробормотал Ярдли. — Он же гений! Преступный гений, конечно, но его убийства — плод блестящего ума…

— Почему нет? — сухо заметил Эллери. — Ван образованный человек, годами вынашивавший план убийства и очень хладнокровный. К примеру, он столкнулся с проблемой: устроить так, чтобы у Крозака всегда были веские основания делать то, что делал он, Ван. Как он поступает? Помните случай с трубкой и посмертным письмом Брэда? Я говорил тогда, что Крозаку в «деле Брэда» нужна была передышка, поэтому он принял меры, чтобы скрыть подлинное место преступления, которое было открыто лишь после приезда Мегары, который мог вывести Крозака на Вана, все еще живого, как явствовало из письма Брэда. Но самому Вану эта передышка была нужна куда больше. Если бы полиция сразу произвела обыск в кабинете-библиотеке Брэда, она нашла бы его письмо задолго до возвращения из

плавания Мегары.

Письмо, кстати, было продиктовано Брэду самим Ваном.

Сразу бы стало ясно, что Ван жив. Полиция могла заподозрить, что Ван и старый Питер — одно и то же лицо, а Вана это никак не устраивало. Вдруг бы Мегара не вернулся, умер бы на своей яхте или утонул при шторме?

Тогда некому было бы подтвердить, что старый Питер — это Ван, брат Брэда и Мегары. Обеспечив себе передышку, он ловко приурочил восстановление своей личности к появлению Мегары. Если бы он голословно заявил о родстве, то мог бы попасть под подозрение, а в присутствии Мегары он был как невинная овечка. Но зачем Вану понадобилось воскресение? Это логическое завершение событий во время его передышки и до возвращения Мегары, Позаботившись заранее о том, чтобы Брэд оставил посмертное письмо, в котором бы он излагал весь последовательный ход событий, которые венчались появлением на сцене Эндрю Вана как одного из братьев Твэр, Ван утверждал себя, как наследник. То есть я хочу сказать, что сначала Ван стремился убедить полицию, что он убит в первом преступлении. После официального опознания его как мерт-

вого он мог безнаказанно совершать убийства братьев под видом Крозака, Однако, если бы он продолжал официально оставаться мертвым, то как бы он получил наследство Брэда? Он должен был воскреснуть, причем именно тогда, когда Мегара мог подтвердить его родство с ним и убитым Брэдом. И Ван спокойно взял у Мегары пять тысяч долларов, оставленных ему по завещанию Брэдом. Мегара просто принудил его взять деньги! Как вы помните, Мегара, тронутый отказом «испуганного» брата от наследства, несмотря на его денежные затруднения, предложил Вану десять тысяч долларов. Но Ван взял только пять тысяч, которые ему завещал Брэд. Умный ход! Ван понимал, что этот его отказ от весьма значительной суммы лишний раз подтвердит эксцентричность его натуры, видимость которой он упорно создавал, В конце концов, с помощью письма и рассказанной в нем истории, Ван убедил полицию в неизбежности его второй смерти, поскольку теперь все знали, что Крозак охотится за Твэрами и обнаружил свою ошибку, допущенную с первой жертвой.

Дьявольски запутано, честное слово!

— Слишком сложно для меня, — заявил Вогн.

— Вот что я имею, будучи отцом своего сына, —

пошутил инспектор Куин-старший, задумчиво глядя в окно вагона.

Но профессор Ярдли никак не мог успокоиться. Он нервно теребил бородку и наконец сказал;

— Меня еще кое-что интересует. Вы говорили, — что Андреа Твэр, родной брат Стефана и Томислава Твэров, годами вынашивал план их убийства. Но зачем?

— Есть объяснение и этому, — ответил Эллери. — Постарайтесь понять две вещи. Во-первых, чтобы план удался, Андреа Твэру необходимы были всякие нехорошие дела — он отрубал головы и чужим, и родным братьям, прибивал руки-ноги людей к столбам, мачтам, проливал кровь и прочее. Во-вторых, предположим, что Андреа Твэр — сумасшедший. Должен быть таковым, по крайней мере. Если он и был нормальным, когда придумывал план убийств, то стал сумасшедшим, приступив к самим убийствам. Тогда все совпадает. Сумасшедший проливает море крови — и чужой, и родной. — Эллери взглянул на Ярдли. — А, собственно, какая разница? Ведь вы допускаете, что Крозак — сумасшедший. А почему не Ван?

Разница лишь в том, что первый убивал бы кровных врагов, а второй кровных братьев. Кто

же из них более сумасшедший? Да мало ли в истории криминалистики подобных случаев, когда мужья убивают жен, сыновья — матерей? Мало ли примеров «семейных» преступлений?

Трудно поверить? Спросите моего отца или инспектора Вогна — они подтвердят.

— Я понимаю, — откликнулся профессор Ярдли, — но меня интересует мотив, мой мальчик! Мотив преступлений Вана. Как вы узнали мотив преступлений Вана, если до последней минуты считали убийцей Крозака?

— Я и сейчас не знаю мотива его преступлений. Но не все ли равно? Какой мотив может быть у сумасшедшего? Разве можно его понять? Когда я говорю «сумасшедший», я не подразумеваю «маньяка». Ван целиком подпал под власть своей больной психики. Его мания — это сильное влечение к убийству, какой-то одиночный всплеск, скачок воображения, а в остальном, кроме одного, он нормальный человек.

— Мотив назову вам я, — вмешался инспектор Куин-старший. — Очень жаль, что вчера вечером ни ты, Эллери, ни вы, господин профессор, не были на допросе, который вели шеф управления полиции и инспектор Вогн.

У Вана был припадок эпилепсии, но когда он

прошел, Ван открыл мотив своих преступлений, осыпая отрубленные головы братьев проклятьями.

-..которые, кстати, — вставил Исхем, — он утопил в заливе, привязав к ним груз. Две другие Ван зарыл в горах.

— Мотивом к убийству брата Тома — Томислава — была женщина, вернее, девушка. Когда братья жили еще на родине, Ван полюбил одну девушку, а Том соблазнил ее, а потом женился на ней. Дело житейское… Она-то и была первой женой Брэда, которая, по словам Вана, умерла от плохого с ней обращения. Это по его словам, а как было на самом деле, кто знает…

— А что Ван имел против Мегары? — спросил Эллери. — Уж он-то порядочный человек.

— Тут дело в ином, — ответил Исхем. — Ван был младшим из братьев и ничего не наследовал. К тому же, видимо, Мегара и Брэд когда-то не поделились с ним украденным, или что-то в этом роде. Мегара был старшим, держал казну. Когда они похитили деньги Крозаков, братья снова не поделились с Ваном. Мегара говорил, что Ван еще слишком молод для дележа. Вот он ему и отомстил! Ван не мог донести на них в полицию, так как сам был соучастником ограбления. Поэтому,

приехав в Америку, Ван отделился от братьев и жил скромно и уединенно, а они занимались ковровым бизнесом, став богатыми людьми. Но все-таки Брэда мучила совесть, и он завещал Вану пять тысяч долларов. Как видите, счастья деньги никому из братьев не принесли…

Все долго молчали. Поезд уже приближался к вокзалу Нью-Йорка, а профессор Ярдли никак не мог угомониться. Посасывая трубку, он что-то некоторое время обдумывал и вдруг спросил у Эллери:

— Скажите, вы верите в совпадения?

— Только не в случаях с убийствами, — быстро ответил Эллери.

— Тогда как вы объясните, что наш друг Страйкер, еще один сумасшедший. Господи, прости его, всегда появлялся в канун убийств и в Арройо, и в весьма удаленном от этого городка Брэдвуде? Ведь даже если предположить, что Ван был нормальным, то Ра-Харашт был зарегистрирован как сумасшедший. Было ли присутствие Харашта поблизости от места второго убийства простым совпадением?

— Вы — тонкий наблюдатель, господин профессор!

Хорошо, что вы задали этот вопрос, — заме-

тил Эллери. — Конечно, это не совпадение. Вы улавливаете логическую связь фактов? Крозак не был мифом, он был реальностью. Он узнал, что один из братьев Твэр поселился в Арройо, в Западной Виргинии. Вполне возможно, что в том же анонимном письме Ван указывал Крозаку место проживания двух других Твэров. В письме могло и не быть намека на Вана как на первую жертву. Ван знал, что Крозак кочует со Страйкером где-то по Иллинойсу или на западе и что, пересекая Западную Виргинию по пути на восток, он обрушит месть на него, Вана. Мы знаем, что Крозак — умный человек. Собираясь убить Твэра по имени Ван, а затем Твэров Брэда и Мегару, он понимает, что убийство безобидного школьного учителя вызовет шум и ему надо будет скрыться. Почему бы тогда не скрыться в поместье двух следующих жертв? Он просматривает объявления в нью-йоркских газетах и находит подходящее — старый Кетчем сдает в аренду часть острова Ойстер-Айленд. Крозак уговаривает Страйкера отправиться проповедовать культ Солнца в те края и высылает по почте аванс за аренду. Итак, что же произошло на самом деле? Крозака убили. Страйкер, ничего не подозревая, не ведая ни о каких тайных замыслах убийцы-маньяка,

показывает Ромейну лицензию на аренду Ойстер-Айленда, и оба поселяются на острове. Так возникает островная колония солнцепоклонников-нудистов.

— Бог мой! — воскликнул Куин-старший. — И сам Ван не придумал бы лучше, если бы захотел свалить вину за убийства на Страйкера.

— Все это напомнило мне, Эллери, наши рассуждения о египтологии, задумчиво заметил профессор Ярдли. — Вам не кажется, что у Вана все же была мысль связать египтолога Страйкера со своими убийствами?

— Благодаря вам, — ответил Эллери с улыбкой, — не кажется. Я выдвигал версию о Египетском кресте. Вы помните, господин профессор? — Внезапно Эллери выпрямился и ударил себя по колену. — Отец! Потрясающая идея!

— Слушай, сынок, — сказал инспектор Куин-старший, и его добродушный юмор сразу куда-то улетучился. — Как только я подумаю о твоих идеях, я прихожу к выводу, что половину денег с нашего банковского счета ты потратил на наем аэропланов, на раздачу чаевых и прочее, связанное с твоими вечными погонями за преступниками по всей стране. А класть деньги на счет прикажешь мне?

Эллери вздохнул.

— Придется прибегнуть к логике. У меня есть три варианта. Первый: списать мои расходы на счет округа Нассау. — Он выразительно взглянул на окружного прокурора Исхема, который хотел было что-то сказать, но промолчал, неловко улыбаясь. — Ну хорошо, вижу, не получится. Второй: покрыть издержки самому. — Он покачал головой и надул губы. — Нет, это еще менее реально… Но я же хочу вам рассказать, какая у меня потрясающая идея!

— Ну знаете ли… — усмехнулся инспектор Вогн. — Если вы не можете сделать этого ни за счет других, ни за счет себя, то как же?

— Дорогой инспектор! — воскликнул Эллери. — Я напишу книгу о четырех преступлениях, назову ее в честь мимолетного проблеска моей эрудиции «Тайна Египетского креста», и пусть мне платят читатели!

Si finis bonus est,
Totum bonum erit.

Gesta Romanorum[8]

---

[8] Примечания: 8

Если цель хороша, то все окончится хорошо (лат.) — древне-римская пословица.